

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2024 / ТОМ 15 / НОМЕР 2

НАУКА О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

11–17

У. УОЛФОРТ

Какая из теорий
международных
отношений лучшая?
Все зависит от
поставленной
задачи

18–35

А.П. ЦЫГАНКОВ

Сущее и должное:
социология изучения
России в США

57–73

Д.А. ДЕГТЕРЕВ

«Африканская
агентность»
в конструировании
«африканской
агентности»:
международные
исследования на
Черном континенте

74–91

А.И. КОЗИНЕЦ

Китайская школа
международных
отношений – успех
исследовательской
программы

2024 / VOLUME 15 / No. 2

CHIEF EDITOR

Sergey M. Markedonov
MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR

Akhmet A. Yarlykapov
MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD

Andrei Tsygankov – San Francisco State University (USA)
Aleksandar Životić – University of Belgrade (Serbia)
Benedikt Harzl – University of Graz (Austria)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Xue Fuqi – Chinese Academy of Social Sciences (China)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander L. Chechevishnikov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Andrey A. Sushentsov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Dmitriy I. Pobedash – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
Ilya N. Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)
Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia, Tomsk)
Lyubov A. Fadeeva – Perm State University (Russia, Perm)
Michael I. Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)
Natalia V. Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Oleg Yu. Mikhalev – Voronezh State University (Russia, Voronezh)
Pavel B. Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)
Valeriy N. Konyshchev – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Viktor Yu. Apryshchenko – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
Viktor L. Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)
Yakov Ya. Grishin – Kazan Federal University (Russia, Kazan)

SCOPE

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), and in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Q2). The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Alexander L. Chechevishnikov
Evgenia S. Larina
Grant A. Beglarian
Natalya A. Samoylovskaya
Nikita Ya. Neklyudov
Uliana V. Yakutova
Vladimir V. Pavlov

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

2024 / ТОМ 15 / № 2

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александар Животич – Белградский университет (Сербия)

Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)

Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)

Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)

Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)

Митат Челикпала – Университет Кабир Хас (Турция)

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)

Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)

Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)

Сюэ Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)

Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)

Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)

Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)

Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)

Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)

Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)

Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)

Павел Борисович Паршин – Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва)

Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал. В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (К2).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований
МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Александр Леонидович Чечевишников
Владимир Владимирович Павлов
Грант Артурович Бегларян
Евгения Сергеевна Ларина
Наталья Александровна Самойловская
Никита Яковлевич Неклюдов
Ульяна Вячеславовна Якутова

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Универсальность и (или) уникальность? В поисках теоретического осмысления международных отношений С.М. МАРКЕДОНОВ	7
---	---

ИНТЕРВЬЮ

Какая из теорий международных отношений лучше? Все зависит от поставленной задачи У. УОЛФОРТ	11
--	----

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Сущее и должное: социология изучения России в США А.П. ЦЫГАНКОВ	18	Политическая наука в Грузии: к вопросу об эпистемологических основах А.Т. СИХАРУЛИДЗЕ, Н.А. СКВОРЦОВА	106
В будущее возьмут не всех? Место прогнозирования в международно- политических теориях И.А. ИСТОМИН	36	Внешнеполитические концепции «новых правых» в Германии: от гегемонизма к изоляции Р.Р. СТОЯНОВ	126
«Африканская агентность» в конструировании «африканской агентности»: международные исследования на Черном континенте Д.А. ДЕГТЕРЕВ	57	ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ	
Китайская школа международных отношений – успех исследовательской программы А.И. КОЗИНЕЦ	74	Идеи и методы когнитивной науки в исследованиях международных отношений и внешней политики М.А. СУЧКОВ, А.А. БАЙКОВ	146
В западной орбите: турецкие подходы к изучению международных отношений В.В. ЦИБЕНКО	92	Тематическое моделирование российских международно- политических исследований И.С. ХЛУДОВ, В.В. ВИНОГРАДОВ, Н.Я. НЕКЛУДОВ	163
		IN MEMORIAM	
		Павел Борисович Паршин (1955–2024)	185

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

Between Universality and (or) Uniqueness: Exploring Theoretical Frameworks in International Relations

S. MARKEDONOV

7

INTERVIEW

Which Theoretical School is Best? It Depends on How one Frames the Question

W. WOHLFORTH

11

RESEARCH ARTICLES

What Is and What Should Be: Sociology of Studying Russia in the U.S.

A. TSYGANKOV

18

Not Everyone Will Be Taken Into the Future? The Role of Forecasting in International Relations Theory

I. ISTOMIN

36

“African Agency” in Constructing «African Agency»: International Studies in Africa

D. DEGTEREV

57

The Chinese School of IR – Success of the Research Program

A. KOZINETS

74

In the Western Orbit: Turkish Approaches to the Study of International Relations

V. TSIBENKO

92

Political Science in Georgia: Epistemology and Determinants”

A. SIKHARULIDZE, N. SKVORTSOVA

106

Foreign Policy Concepts of the New Right in Germany: From Hegemonic Ambitions to Isolation

R. STOIANOV

126

RESEARCH ESSAYS

Ideas and Methods of Cognitive Science in the Studies of International Relations and Foreign Policy

M. SUCHKOV, A. BAYKOV

146

Mapping Russian International Relations: A Topic Modelling Approach

I. KHLUDOV, V. VINOGRADOV, N. NEKLYUDOV

163

IN MEMORIAM

Pavel B. Parshin (1955–2024)

185

Универсальность и (или) уникальность? В поисках теоретического осмысления международных отношений

В начале 2000-х гг. известный советский и российский историк Арон Гуревич (1924–2006 гг.) справедливо указывал на своеобразный теоретико-методологический нигилизм, а также стихийный позитивизм, присущие отечественной гуманитарной науке. Во многом это стало реакцией на советские практики насаждения марксизма в общественном сознании¹. Как следствие, сдержанное, если не скептическое, отношение к теоретическим обобщениям, а также стремление к описанию явлений в соответствии с принципом немецкого историка Леопольда фон Ранке *“wie es eigentlich gewesen”* (как оно было на самом деле), без широких теоретических обобщений и с фокусом, прежде всего, на качественной эмпирике, «полевом» материале, глубоком знании источников². Учитывая, насколько именно историческая наука повлияла на формирование российской школы международных исследований, это замечание имеет чрезвычайную важность.

Многие американские и европейские исследователи воспринимали такой «историцизм» как проявление некоего академического провинциализма. Кто из российских коллег-международников не сталкивался с подобными подходами, получая рецензии на академические тексты, предлагаемые для «высочайших» западных изданий, индексируемых в *Scopus* и в *Web of Science*? Во многом это породило явление, которое Алексей Богатуров на рубеже конца 1990-х гг. и начала «нулевых» определил как феномен «переводчиков». Главной его чертой стало стремление подогнать собранную эмпирическую базу под некий общий теоретико-методологический знаменатель, понятный американской и европейской академической аудитории³. Как следствие, долгожданные свобода и плюра-

1 Гуревич, А.Я. Двойная ответственность историка // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 74–84.

2 Ranke, Leopold von. *Geschichten der romanischen und germanischen Völker: von 1494-1514* [Histories of the Romance and Germanic Peoples: from 1494-1514]. Vol. 1. Hamburg: Standard-Verlag, 1957.

3 Богатуров, А.Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 1999. № 4. С. 195–201.

лизм мнений стали в некоторой степени «сменой вех», при которой «научный коммунизм» был вытеснен «научным демократизмом». К слову сказать, опасность тотальной вестернизации теории международных отношений осознавалась и ведущими исследователями из стран Запада. Так, известный британо-австралийский теоретик Хедли Норман Булл (1932–1985) поставил резонный вопрос о том, насколько обоснованным может быть понимание незападной по преимуществу мировой политической системы посредством теорий, сформированных в западной академической среде¹.

Впрочем, признавая опасность превращения международника (не только российского, но и турецкого, иранского, китайского, египетского) в «переводчика», не следует впадать и в другую крайность. Научное общение с представителями западного сообщества, пускай и в формате жесткой и не всегда честной конкуренции, во-первых, расширяло теоретико-методологический кругозор отечественных исследователей (а также их коллег из стран не-Запада), во-вторых, заставляло отказываться от вульгаризированного позитивизма, учило понимать и чувствовать логику оппонента, пусть и не соглашаясь с ним. Именно путем сложного освоения мирового академического пространства происходило расширение поля теоретических исследований в области международных отношений в России в 2000-е гг.² Заметим также, что многие продуктивные концепции, связанные с критикой американских и европейских теорий, возникли во взаимодействии с ними. Иначе и быть не могло, так как качественное научное оппонирование невозможно без адекватного понимания инструментария того, с кем ты полемизируешь³.

Во втором номере нашего журнала мы пытаемся ответить на следующие вопросы. Кто и как изучает международные отношения в разных странах мира? Насколько современные теории на Западе и на Востоке (не) свободны от политической конъюнктуры? Как теоретическое знание о международных процессах связано с практикой?

Традиционно номер открывает интервью. На этот раз собеседником «Международной аналитики» стал известный американский исследователь Уильям Уолфорт⁴. Насколько обоснован такой выбор, если принять во внимание «железный занавес», который пытаются выстроить многие известные международники из США и стран ЕС в отношении их российских коллег? Мы исходим из того, что академическая полемика и обмен мнениями по актуальным проблемам должны продолжаться, если они строятся на взаимном уважении и стремлении понять аргументацию противоположной стороны. По словам Уолфорта, большую часть его жизни «Россия и США были геополитическими соперниками. Но я усердно и внимательно читал русских мыслителей о международной политике и многому у них научился. И на протяжении всей своей жизни я встречал русских, которые

1 Bull, Hedley. "The Theory of International Politics, 1919–1969." In *International Theory: Critical Investigations*, edited by James Der Derian. New York: New York University Press, 1994.

2 Лебедева, М.М., Харкевич, М.В. Теории международных отношений в зеркале современных российских исследований // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5. С. 7–19.

3 Acharya, Amitav. "Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theories beyond the West." *Journal of International Studies* 39, no. 3 (2011): 619–637.

4 В 2018–2020 гг. профессор Уильям Уолфорт в качестве ведущего ученого возглавлял Научный центр (лабораторию) анализа международных процессов МГИМО МИД России.

получали интеллектуальную пользу от внимательного изучения идей американских мыслителей».

В статье Андрея Цыганкова рассматривается процесс накопления и осмысления знаний о современной России в США. Во многом эти представления и привели (хотя это и не единственная, но важная причина) к наращиванию конфронтации между Вашингтоном и Москвой в период после холодной войны вплоть до сегодняшнего дня.

Игорь Истомин рассматривает роль и место прогнозирования в международно-политических теориях. Когда-то в советском общественном сознании одной из ключевых дефиниций было определение «практики как критерия истины». Что стоят теории, если за ними нет качественной верификации «на земле»? По мнению автора, «повышению прикладной ценности научных разработок способствовало бы совмещение теоретических объяснений и прогнозных исследований».

Работы Дениса Дегтерева и Андрея Козинца образуют блок текстов, посвященных незападным теориям международных отношений. Первая из указанных статей посвящена феномену т.н. африканской агентности. Автор анализирует внешнеполитическую экспертизу и практику в Тропической Африке. Эти сюжеты связываются с образовательными трендами государств региона, а также проблемами интеграции африканских ученых в континентальное и мировое академическое пространство. Вторая статья рассматривает феномен китайской школы международных отношений. По мнению автора, «постепенно китайские теории все-таки переступают через порог партикуляризма: это уже теории не только про Китай и для Китая, а теории, которые можно применять для анализа международных проблем» за рамками отдельно взятой страны.

Наверное, тексты Вероники Цибенко, а также Арчила Сихарулидзе и Нино Скворцовой можно было бы по формально-географическим признакам записать в «незападный блок». Но проблема в том, что теоретические исследования в области международных отношений в Турции и в Грузии проходят в «западной орбите». По мнению Цибенко, «турецкое академическое сообщество пока еще не преодолело фазу критического переосмысления западоцентризма и еще только готовится проявить выраженный интерес к незападным теориям международных отношений и поиску оснований для построения теорий в собственной локальной среде, истории и культуре». Сихарулидзе и Скворцова также полагают, что наука о международных отношениях в Грузии сильно подвержена влиянию западного теоретико-методологического мейнстрима (либеральные и либерально-институциональные подходы).

Статья Руслана Стоянова представляет интересный взгляд на подходы радикальных консерваторов («новых правых») в ФРГ к современным теориям международных отношений. Автор показывает, что в фокусе внимания этого интеллектуального течения разработка концепции, нацеленной на обеспечение доминирования Германии в «Старом свете».

В работе Максима Сучкова и Андрея Байкова поднимается такая тема, как влияние методов когнитивной науки на исследования в области международных отношений и внешней политики. Текст представляет собой «инвентаризацию» существующих теорий для анализа актуальных политических сюжетов.

Авторы полагают, что «результаты нейробиологических экспериментов в сочетании с контекстуальными фактами и методами социо-гуманитарных наук образуют сети значений, которые могут объяснить и интерпретировать динамику международных отношений» на основе инновационных научных подходов.

Статья Никиты Неклюдова, Василия Виноградова и Ивана Хлудова представляет собой амбициозную (в хорошем смысле этого слова) попытку первого количественного исследования российской науки о международных отношениях, что позволяет авторам уйти от излишней персонификации и субъективных выводов.

Десять лет назад Андрей Цыганков, один из авторов представляемого номера, в своей статье «Российская теория международных отношений: какой ей быть?» справедливо констатировал: «Любая теория сильна попытками подняться над описанием и выявить общие тенденции развития предмета. Следовательно, она должна вырабатываться не только на материале национальных споров, но и путем ее постоянного сопоставления с процессами развития иных школ международной теории. Оптимальным для России является путь диалога с доминирующими и критическими направлениями международной теории на Западе и на Востоке»¹.

Трудно не согласиться с тем, что внутреннее самосовершенствование и саморазвитие в диалоге (даже трудном, порой на повышенных тонах) с теми, кто его ищет и желает, – это лучшие способы развития и теории, и прикладных практик. Для науки о международных отношениях есть два тупиковых пути. И если о первом, превращении отечественного академического сообщества в чужую периферию с «переводчиками» в качестве «носителей смыслов», мы говорим сегодня много и охотно, то о втором – (само)изоляции – меньше, хотя эта траектория ненамного лучше первой. Хотя бы потому, что собственные знания и достижения без сверки с другими школами и «фабриками» мысли не будут очевидными. Задача российской международно-политической науки – уходить от крайностей, синтезируя все лучшее, что выработано предшественниками и современниками, как в нашем Отечестве, так и за его пределами.

Сергей Маркедонов, главный редактор

1 Цыганков, А.П. Российская теория международных отношений: какой ей быть? // Сравнительная политика. 2014. № 2. С. 71.

Which Theoretical School is Best? It Depends on How one Frames the Question

*Interview with William C. Wohlforth, the Daniel Webster Professor
at Dartmouth College*

William C. Wohlforth is a distinguished American political scientist, serving as a faculty member in the Government Department at Dartmouth College since 2000. He holds a degree in international relations from Beloit College and has experience working as a legislative aide in the U.S. House of Representatives. Dr. Wohlforth completed his graduate studies at Yale University, where he earned both an M.A. in international relations and a Ph.D. in political science. He has previously held academic positions at Princeton University and Georgetown University. Dr. Wohlforth's scholarly expertise encompasses international security and foreign policy. His most recent publications include *America Abroad: The United States' Global Role in the 21st Century* (Oxford University Press, 2018), co-authored with Stephen G. Brooks, and the forthcoming *A Measure Short of War: A Brief History of Great Power Subversion* (Oxford University Press, December 2024), co-authored with Jill Kastner.

*Interview conducted by Sergey Markedonov, Editor-in-Chief of the Journal
of International Analytics*

Sergey Markedonov: The academic study of International Relations (IR) encompasses a diverse array of theoretical schools and scholarly approaches, including realism, liberalism, constructivism, and Marxism, along with their various adaptations. My inquiry may appear provocative, yet it raises a crucial question: Can we conclude that certain theoretical approaches have failed to adequately explain the fundamental trends in international relations, and if so, why? Furthermore, can we assert that some theories are better suited to explaining specific dimensions of international relations? For instance, realism may be more effective in understanding military and security issues, while liberalism might offer a more robust framework for analyzing legal and institutional matters.

William Wohlforth: Your choice of the term “schools and scholarly approaches” is apt. Realism, liberalism and constructivism are not theories, but rather are schools of thought that contain many different theories. Realist thought has generated, for example, what I've called “subschoools” like offensive realism, defensive realism,

and neoclassical realism.¹ Within those sub schools one can find various theories, such as the theory of the security dilemma, offense-defense balance, balance of power theory, hegemonic theory. Similarly, within the broad school of liberal theory one can find the theory of institutional cooperation, theories of reputation and signaling, theories of international norms and regimes, democratic peace theory, commercial peace theory, and so on. It is those theories, rather than the overall school, that one applies to specific situations and some theories do better or worse at explaining overall trends in international relations. I am therefore very reluctant to try to claim that some larger school has done better or worse than others at accounting for larger trends in international relations.

That said, I also agree with the premise of your question that different schools tend to generate greater insights about different issue areas in international politics. Given my own focus on issues of war and peace, international security writ large, I generally find that realism yields theories and models that are particularly helpful for understanding those issues. However, those issues are not always the most important in every region and in every time. For many countries in many regions, issues of war and peace between states are simply not paramount. Someone attempting to understand the international politics of such regions or in such periods may want to reach well beyond realist thinking to understand what is going on.

Furthermore, you will notice that when analyzing security affairs, scholars who associate themselves with other schools of thought such as liberalism or constructivism, end up accepting some core insights from realism. They then go on to say that theories drawn from realism are incomplete, confront puzzles, do not account for nuance, or fail to consider certain important variables. Similarly, realists sometimes study things like the environment, international cooperation, or international law, claiming that while one can accept many insights from liberal and constructivist approaches, nonetheless realism helps explain this or that aspect of those areas. Hence you will see the strong influence of each school on the other as each accepts the other's premises and then goes on to use insights from within a given school to help explain anomalies still left on the table by others.

There are many examples. For instance, in the realm of security affairs one sees the creation of many institutions. Some institutions, such as NATO, go far beyond a simple alliance and are extremely elaborate. Realists try to explain this as direct responses to the problem of security under anarchy. However, these institutions help facilitate cooperation in ways identified by institutionalist theory within the liberal school of thought. At the same time, realists generally acknowledge that they don't have great explanations for some institutions, for example why states pay so much attention to international law even if they sometimes violate it. Constructivism and liberalism simply contain better models for understanding international law. But then your typical realist will turn around and note that the fundamental problem identified in that school of thought, namely insecurity under anarchy, helps to explain the larger question of why international law is as limited as it is. So, you have one theorist saying

1 Wohlforth, William C. "Realism and Foreign Policy." In *Foreign Policy: Theory, Actors, Cases*, edited by Steve Smith, Amelia Hadfield, and Tim Dunne. Oxford: Oxford University Press, 2012.

“only my theory really can explain why states bother with international law at all.” And then you have another saying, “OK, but only my theory explains why international law is so limited, so weak compared to domestic law.”

Thus, the seeming power, persuasiveness, or relevance of a given theoretical school depends very much on how one asks the question.

S.M.: Theories of international relations are often closely intertwined with the prevailing political agenda. Stanley Hoffmann, in his influential 1977 paper, famously asserted that international relations theory is essentially an American social science.¹ During the Soviet era, Vladimir Lenin’s concept of the “party principle in literature” was a foundational tenet of Soviet scholarly thought in the humanities.² This raises a critical question: How can we disentangle academic discussions of international trends from politically motivated explanatory models? At what point do scientific methodologies genuinely inform our understanding of global realities, and where does politicized propaganda overshadow substantive debate?

W.W.: That’s an extremely complicated question, but the reference to Lenin’s idea of party principles in literature and the whole Soviet experience focuses my thoughts on the relationship between scholarship and the state. This is quite relevant for scholars of international relations and foreign policy. I remember well the atmosphere in which Soviet scholars of international relations had to function. They managed to produce scholarship that questioned the USSR’s practices in international affairs, although they had to be careful. It took a practiced eye to discern, for example, that what looked on the surface like an extremely critical review of some recent Western work in international relations, excoriating it for failing to comport with fundamental insights of the Marxist Leninist approach to international relations, was actually praising the work.

When it comes to the setting I know best – the study of U.S. foreign and security policy – the fundamental disposition of most scholars is critical. Try to find a historian of U.S. Foreign Relations who is not excoriating America as a nefarious “empire.” Good luck! International relations scholars within political science who focus on U.S. foreign policy, especially those who describe themselves as realists, are in general very critical of U.S. foreign policy. The tone of condemnation maybe considerably more muted than it is among their colleagues in history, but they tend to see it as their job to point out the failings of the government’s approach to achieving U.S. interests. When is the last time you read a self-described U.S. realist commending and praising the foreign policy of his or her government? Overwhelmingly, their view of every president, especially every single post-Cold War president, is critical: Clinton, Bush, Obama, Trump, and definitely Biden.

The most famous international relations scholar in the United States is John Mearsheimer. He is famous not only here, but abroad. Indeed, he is quite popular in countries which the United States views as its rivals. And why not? His scholarship argues that the United States foreign policy ever since 1990 has been idiotic, stupid, self-defeating, etc.³ But he is hardly alone. My friend and colleague Stephen Walt has

1 Hoffmann, Stanley. “An American Social Science: International Relations.” *Daedalus* 106, no. 3 (1977): 41–60.

2 Lenin, Vladimir. “Party Organisation and Party Literature.” In *Lenin Collected Works*, Volume 10, 44–49. Moscow: Progress Publishers, 1965.

3 Mearsheimer, John. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press, 2018.

been writing about U.S. foreign policy since the late 1980s. Occasionally he will praise this or that aspect. But the fundamental message is criticism.¹ And I'm old enough to have received my undergraduate and graduate training back in the Cold War. And I can attest to the fact that this is hardly a new phenomenon. Kenneth Waltz, perhaps the most influential realist of the 20th century, argued that almost all U.S. security policy after the early 1960s was completely wrong-headed and self-defeating. Hans Morgenthau, Stanley Hoffman, George Kennan – the list goes on. Rarely did you read these people saying things like “on balance, United States foreign policy has been a great success.”

I am a huge fan of the scholars I've just named, who are far more influential than I'll ever be. And I enjoy reading, discussing and debating them. However, I am something of a contrarian, and find myself skeptical of their skepticism. Indeed, their relentless criticism of U.S. foreign policy creates a puzzle for their own theory, which posits rational behavior as a core assumption. The only way they can explain the foreign policy pursued for many decades by the most powerful country in the world is by breaking out of their theory and making arguments about domestic politics or ideas. I find this unpersuasive. There's no question that the United States government frequently makes mistakes. However, I have not been presented with good evidence that the U.S. propensity for flawed foreign policy is any greater than that of any other major power. It's typical in the tough world of international politics, shrouded in deep uncertainty, that occasionally you're going to make a mistake.

In sum, there is no question that political passions and commitments influence scholarship. A critical attitude to the accepted official wisdom of the day is a proper stance for a scholar. I think it's a good idea if scholars viewed the pronouncements of authorities in government with great skepticism and subject them to intense scrutiny. It might even be a good idea if overall the community of scholars of international relations lean in the direction of skepticism regarding governmental leadership's claims about foreign policy. This certainly seems to be the stance taken by many in my own small world of the study of international security and U.S. foreign policy. To be clear, I disagree with many of these critiques and think they contradict many of the critics' own theories. However, it is a very healthy stance to have in general.

S.M.: Continuing from the previous discussion, the issue of Non-Western theories of international relations has gained significant attention, particularly in Russia. This topic has become increasingly prominent in academic circles. How should we evaluate the academic potential of these Non-Western theories? Perhaps the more pertinent question is not their geographical origin but rather their scientific rigor and accuracy.

W.W.: I believe in decoupling the artist from the art, and the scholar from the scholarship. I don't care who you are, or where you're from. I care whether I can learn from the scholarship you produce. For most of my life, Russia and the United States have been geopolitical rivals. I have assiduously and carefully read Russian thinkers about international politics, and I have learned a great deal from them. And throughout my life I have met Russians who have benefited intellectually from assiduously and carefully reading American thinkers.

1 Walt, Stephen M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*. New York, 2018.

S.M.: In your renowned book *International Relations Theory and the Consequences of Unipolarity*, you and your co-authors argued that the end of the Cold War and the collapse of the USSR led to the emergence of a new unipolar international system. In your view, this shift introduced significant changes and challenges to international relations theory. Today, we are witnessing the erosion of unipolarity and the emergence of a multipolar world. What changes and challenges do you foresee for IR theory as this multipolar world takes shape?

W.W.: The unipolar distribution of capabilities that emerged from the dissolution of the Soviet Union was the first such international structure in modern history. The shift away from that to what comes next will also be a historical first. That presents a challenge. Lacking in historical precedents, people do need theory to help make sense of developments.

Any good theory needs precision in its fundamental terms and concepts, and in the ways it operationalizes those concepts to apply to the world. The concept of polarity was developed by realist thinkers in the middle of the last century. They defined polarity in terms of the distribution of material capabilities among states. A great power or “pole” was a country with a disproportionately large share of world power resources. From the 17th century onward, the top two to five countries possessed roughly in the realm of 60 to 75% of all the power resources in the international system. For most of that period, the system was multipolar. After the Second World War laid waste to most of the other great powers, the United States and the Soviet Union emerged as the two poles in a bipolar system. When the USSR collapsed, one pole was left standing, and a unipolar system emerged.

So, the last two shifts in polarity were occasioned by dramatic events: it was a World War that helped usher in bipolarity, and the collapse of the world’s largest, and second most powerful state that ushered in unipolarity. Absent major war or state collapse, the changes that are moving the world away from unipolarity are subtler, and take longer to eventuate.

If anything, that puts an even greater premium on precision in your use of theoretical terms. If we define polarity as the theoreticians who developed the concept defined it, then the world is not, as your question suggests, moving towards multipolarity. Together, China and the United States account for something like 42% of global GDP measured in nominal terms. The next largest is Japan, at something like 4%. Now I know that GDP is a poor measure of state capabilities. Still, someone needs to supply a concept of polarity in which 4% is of a kind with 25%. To be fair, some people have supplied such definitions, which would classify the United States, China, Russia, Japan, India, Iran, and many other states as “poles”. That gets you to a multipolar world. But it also means every other world that’s ever existed has also been multipolar, including what we’re calling unipolarity and bipolarity. I am still waiting for the heralds of multipolarity to provide a definition of it that also distinguishes the other polar types, namely bi- and unipolarity.

Until they do, then the conversation is about a shift from unipolarity to something like bipolarity. And that is indeed where much of the debate is. In a recent article in *Foreign Affairs* my colleague Stephen Brooks and I argued that China has a long way to go before it becomes a pure polar peer of the United States, and it may never

get there.¹ However, that appears to be a minority view, and the predominant one appears to see the world headed towards bipolarity.

Of course, calling it “bipolar” doesn’t make it like the U.S.–Soviet bipolarity. That’s the thing about international relations – it’s a complex system where no two situations are precisely the same. There’s a useful debate to be had about whether the many crucial differences – far too many to list here – between any potential U.S.–China bipolarity and the one that existed in the last century between the United States and the Soviet Union render the term bipolarity more misleading than helpful. But one thing is clear: the key features of the multipolar worlds that existed from the 17th until the middle of the 20th century are not coming back to 21st century international politics, again barring some massive war, upheaval, or state collapse.

S.M.: The scrutiny of the intricate relationship between theoretical frameworks and empirical applications is a central issue in international relations scholarship. In Western academia, establishing a solid theoretical foundation is often the top priority, whereas Russian scholars tend to favor empirically-based methods, such as in-depth interviews and field studies. How do you envision achieving the ideal balance between these two approaches?

W.W.: I have not seen a recent survey of IR faculty in which they were asked what proportion of their work was theoretical as opposed to empirical. However, my impression does not align with the premise of your question: that theory somehow dominates empirical work in the West. Perhaps in Europe? Certainly in the United States, there’s a heavy emphasis on valid empirical work. The top journals are dominated by quantitative empirical studies, often “multimethod,” featuring some combination of qualitative case studies, textual analysis via the use of AI – especially large language models – other computational methods, ultra-sophisticated statistical analysis of quantitative data, and, most prominently, experimental methods, usually using online surveys. International Relations in the United States is part of political science, and political science, as a discipline, has followed economics and other social science disciplines in something of a “causal influence revolution.” Simple “dumb” regression models will no longer do. We must identify a causal effect by deploying methods that get the researcher as close as possible to a randomized controlled trial. This focus on causal inference has accompanied a dramatic increase in the availability of certain kinds of data, the canonical example being social media data. With modern AI tools, all text becomes data. So, new tools plus new data add up to new, and much higher, standards for defending a claim about causality.

In the view of many scholars, this obsession with valid empirical testing of propositions has pushed the field away from theory, certainly from “grand” or macro theory. If there’s a strong theoretical element in modern U.S. international relations, it’s microfoundational, it’s based in hypothesis drawn from cognitive and social psychology. These scholars trying to get at the fundamentals of how human beings think about problems relevant to international relations. Or they’re seeking absolutely bulletproof, totally defensible, claims about causal effects at a very very micro level.

1 Brooks, Stephen G., and William C. Wohlforth. “The Myth of Multipolarity: American Power’s Staying Power.” *Foreign Affairs* 102, no. 3 (May/June 2023): 76–91.

I admire a great deal of this work and have learned from it. However my own sentiments are closer to those of John Mearsheimer and Stephen Walt, who some years lamented that were "leaving theory behind."¹ The pendulum may have swung a bit too far towards an obsession with empirics and away from careful theoretical thinking.

For citation

Wohlforth, William C. "Which Theoretical School is Best? It Depends on How one Frames the Question."
Journal of International Analytics 15, no. 2 (2024): 11–17.

Цитирование

Уолфорт, У.К. Какая из теорий МО лучшая? Все зависит от поставленной задачи // Международная аналитика. 2024. Том 15. № 2. С. 11–17.

1 Mearsheimer, John J., and Stephen M. Walt. "Leaving Theory Behind: Why Simplistic Hypothesis Testing Is Bad for International Relations." *European Journal of International Relations* 19, no. 3 (2013): 427–457.

Сущее и должное: социология изучения России в США

Андрей Павлович Цыганков, Калифорнийский университет,
Сан-Франциско, США

Контактный адрес: andrei@sfsu.edu

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается процесс формирования знаний о России в американской академической науке после завершения холодной войны. Гипотеза статьи заключается в том, что формирование знания в основном отражает социальные и национально-культурные условия страны и ее исследовательского сообщества. При том, что немало ученых стремятся к объективности и этической отстраненности от объекта своего исследования, они чаще всего подходят к его изучению с позиций, отражающих и проецирующих интересы и ценности обществ, в которых работают. Эта гипотеза сформулирована в рамках предпринимаемого в статье социологического подхода к формированию знания, предполагающего осмысление условий его формирования и социальных запросов, которым оно отвечает. Американские знания о России, которую они длительное время рассматривали и продолжают рассматривать как угрозу и вызов интересам и ценностям США, несут на себе печать национальных допущений, предпочтений, убеждений и эмоций. Изучая сущее, они далеко не всегда способны освободиться в своем сознании от американского понимания должного, проецируя в свои исследования то, как, по их мнению, следует развиваться России. Со второй половины 2000-х гг. – данный разрыв углубляется. По сравнению со временем холодной войны, знания о России в Америке утратили прежний статус приоритетности и привилегированности, стали более политизированными, особенно, в вопросах, затрагивающих международную безопасность и политику ценностей. Кроме того, эти знания вписаны в общепринятые на Западе теории международных отношений и сравнительной политики. Эти изменения отражают снижение статуса России в международной иерархии в сравнении с США и возросшую убежденность американских ученых-обществоведов в универсальной значимости своих подходов и теорий. Современная Россия все чаще воспринимается как развивающаяся в неверном направлении, угрожая западным «либерально-демократическим» ценностям и безопасности, а своим стремлением быть «империей» – и самим структурам современного общества. Хотя не все американские исследователи разделяют такого рода концепты и теории, последние выражают настроения мейнстрима как в политике, так и в науке. Заключительная часть подводит итоги, а также обсуждает возможности формирования менее предвзятых и идеологически нагруженных знаний о России. Подходы к получению таких знаний в США существуют, хотя и не доминируют.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социология знания, Россия, США, либерализм, реализм, империя

Введение

Объект внимания данной статьи – связанные с изучением России американские исследования в области международных отношений и сравнительной политики. Эти исследования уже не сосредоточены, как ранее, преимущественно на России. Во всяком случае, после завершения холодной войны такой интерес неуклонно снижался. Таяло финансирование, постепенно исчезали вакансии на места специалистов по России и Евразии в университетах. В случаях ухода прежних специалистов на пенсию, эти места нередко заполнялись специализирующимися в вопросах глобальной политэкономии, Азии и методологии общественных наук. К последним в США чаще всего относят способных преподавать теорию игр, статистические и формальные методы сбора и анализа эмпирических данных. Иное дело – слависты, число которых также снизилось, но осталось стабильным в целях преподавания, пусть в урезанных пределах, русского языка и литературы. В целом, в общественных науках США еще в большей степени, чем ранее, уверовали в технократические решения и первопроходство Америки в получении универсально применимых знаний о мире.

Возможно, интерес к России и регионоведению возрастет после окончания военного конфликта на Украине, особенно если его результаты приведут к снижению роли США и Запада в международных отношениях. По мере того, как Запад будет воспринимать свои позиции ослабленными, а внешние угрозы – возросшими, возможно возрождение интереса к пониманию других культур, изучению их истории, языков и традиций, хотя бы в прагматических целях самосохранения. Ведь именно так в начале холодной войны формировался интерес к изучению СССР и финансированию советологии. Большая часть последней стремилась не столько вписать изучение России в обществоведческие теории, сколько осмыслить русскую историю и характер мышления через призму возможных угроз Америке. Поэтому, если отношения России и США вступают в состояние, напоминающее новую холодную войну, то и интерес американских исследователей по-прежнему будет интересом к стране-угрозе.

Данная статья оценивает процесс формирования знаний о России в американской академической науке после завершения холодной войны и в сравнении с предшествовавшим периодом. На наш взгляд, перспективным является социологический подход к пониманию формирования знания. Согласно этому подходу¹, знания об обществе трудно отделить от того, в каких условиях они формируются и каким социальным запросам отвечают. По своему происхождению и источникам (включая финансирование), большинство академических проектов весьма конкретны и стремятся решать определенные социально значимые задачи. Гипотеза статьи заключается в том, что формирование знания в основном отражает социальные и национально-культурные условия страны и ее исследовательского сообщества. При том, что немало ученых стремятся к объективности и этической отстраненности от объекта своего исследования, они чаще всего подходят к его изучению с позиций, отражающих интересы и ценности обществ,

1 Цыганков, Цыганков 2006.

в которых работают. Изучая сущее, наука является частью общества, а не вышается над ним, и американские ученые не составляют исключения. Их знания о России, которую они длительное время рассматривали и продолжают рассматривать как угрозу и вызов интересам и ценностям США, не могут не нести на себе печать национальных допущений, предпочтений, убеждений и эмоций. Поэтому, изучая сущее, они далеко не всегда способны освободиться в своем сознании от американского понимания должного, проецируя в свои исследования то, как, по их мнению, должна развиваться Россия. Сущее и должное в их понимании не совпадают, и с течением времени – по крайней мере, со второй половины 2000-х гг. – данный разрыв углубляется. Все большее количество экспертов и специалистов по России с этого времени рассматривают ее как развивающуюся в «неправильном направлении». Многих из них это разочаровывает, однако критике подвергаются не столько методы тех, кто не предсказал такого развития событий, сколько сама Россия и ее руководство.

В следующем разделе подробнее рассматриваются характер формирования знаний о России в США и его причины. Во-первых, по сравнению со временем холодной войны, знания о России утратили прежний статус приоритетности и привилегированности. Во-вторых, они стали более политизированными, особенно в вопросах, затрагивающих международную безопасность и политику ценностей. В-третьих, знания о России вписаны теперь в общепринятые на Западе теории международных отношений и сравнительной политики. Эти изменения отражают как резкое снижение статуса России в международной иерархии в сравнении с США, так и возросшую убежденность американских ученых-обществоведов в универсальной значимости своих подходов и теорий. С точки зрения этих подходов и теорий, современная Россия все чаще воспринимается как «неправильно» развивающаяся страна, угрожая западным «либерально-демократическим» ценностям и безопасности, а своим стремлением быть «империей» – даже самим структурам современного общества. Хотя не все американские исследователи разделяют такого рода концепты и теории, последние выражают настроения мейн-стрима как в политике, так и в науке. Статья рассматривает данные теории как проекцию исследовательских ожиданий и страхов в отношении России.

Заключительная часть подводит итоги, а также обсуждает возможности формирования менее предвзятых и идеологически нагруженных знаний о России. В идеале такие знания основывались бы на стремлении понять ее изнутри, а также на более рефлексивном отношении к ценностям и интересам самой Америки. Подходы к получению таких знаний в США существуют. Во избежание опасностей идеологизации науки, к этим подходам стоит присмотреться внимательнее.

Формирование знаний о России в США

После завершения холодной войны и распада советского государства советология и сосредоточенность на специализированном изучении России (русология) умерли сразу в двух смыслах. Во-первых, с исчезновением СССР отпала необходимость в специализированном изучении советской политики. Во-вторых, постепенно ушли из употребления и специализированные советологические методы познания СССР. К ним относились не только пресловутые методики чтения

передовиц главной партийной газеты «Правда» и анализа фотографий вождей и публикаций на первых полосах газеты, но и знание истории, культуры и традиций России.

На смену советологам пришло поколение ученых, убежденных в универсальной ценности американской либеральной теории и общенаучных методов познания. Предполагалось, что теперь, в эпоху глобализации и глобального доминирования в США, разовьются наконец универсальные, создаваемые в стране теория и методологический инструментарий по изучению международных отношений. Россия должна была стать частью глобально-западного сообщества, отказавшись от советского и имперского прошлого в пользу институтов либеральной демократии, рыночной экономики и национального государства.

Соответственно, и изучать Россию следовало теперь, опираясь на разработанные компаративистами и международниками «универсальные» теории. Компаративисты преуспели в развитии теорий «перехода от авторитаризма к демократии»¹. Международники ко времени окончания холодной войны сформулировали либеральный и структурно-реалистский подходы к пониманию мировой политики². Либералы, по существу, делали ставку на развитие процессов демократии, полагая, что демократии не воюют друг с другом и что это подготовит постепенное исчезновение войн в мире³. Американские либеральные политики наподобие президента Дж. Байдена по-прежнему руководствуются этими идеями. Реалисты, начиная с К. Уолтца, разработали теорию структурной анархии, согласно которой все государства-великие державы склонны к взаимному недоверию, независимо от характера их политического режима⁴. Впоследствии, основатель наступательного реализма Дж. Миршаймер сделал из логики анархии и недоверия вывод, что государства готовы воевать и стремиться к региональному и мировому доминированию как окончательному средству обеспечения своей безопасности⁵.

При этом как либералы, так и реалисты исходили из наличия единого для всех государств стандарта поведения, задаваемого – вне зависимости от их истории, культуры и системы восприятия – характером внутривнутриполитического режима (либералы) или структурой международных отношений (реалисты). Предполагалось, что и Россия будет руководствоваться во внешней политике стандартами демократии и стремлением к безопасности от внешних угроз. Заметными исключениями из этого политического и академического мейнстрима стали культурологические и конструктивистские теории, подчеркивающие значимость исторического, религиозного и социокультурного опыта в восприятии международного окружения⁶. Сегодня из этих исключений выросло научное направление, сосредоточенное на изучении цивилизаций в мировой политике⁷.

1 Transitions 1991; Transitions 2013.

2 Ikenberry 1989; John Mearsheimer, "Why We Will Soon Miss the Cold War," The Atlantic Monthly, August 1990, accessed June 16, 2024, <https://www.theatlantic.com/past/docs/politics/foreign/mearsh.htm>; Fukuyama 1992.

3 Критический анализ этих идей предпринимался в: Цыганков, Цыганков 2005.

4 Waltz 1979.

5 Mearsheimer 2001.

6 Katzenstein 1996; Huntington 1996.

7 Inayatulla, Blaney 2004; Katzenstein 2009; Zarakol 2022.

Методологическим стандартом академического мейнстрима были и остаются позитивистские разработки и подходы. Их задача и смысл – проверка причинно-следственных гипотез, выработанных на основе описанных западных теорий. Например, речь идет о выявлении причин использования силы в международных отношениях и формулировании условий, при которых дипломатия оказывается бессильной.

Ограниченность позитивизма и его методик связаны с постановкой вопроса о (внешних) причинах, а не (внутренней) мотивации или истории происхождения социального явления. В отличие от методов интерпретации, позитивизм исходит из предзаданных теоретических допущений и не стремится поставить их под сомнение. Не задаваясь вопросами о внутреннем контексте и исторических корнях явления, позитивизм считает эти вопросы в основном решенными или по крайней мере не поддающимися серьезной проверке фактами. Тем самым позитивизм освобождает себя от влияния социального и идейно-ценностного контекста и потому более других методов склонен считать полученные при его помощи результаты универсальными. В действительности, полученное позитивизмом знание не является ни универсальным, ни ценностно-нейтральным. Оно способно принести серьезные результаты, лишь если условия социального контекста и исторического происхождения явления предзаданы или относительно постоянны.

Применительно к России доминирование общенаучных позитивистских подходов означает неспособность сделать основной познания отличие российского исторического и культурного контекста от западного. Сформулированная как универсально-западная, теория оказывается недостаточно конкретной и может напоминать идеологию, не объясняя, в каких национально-ценностных границах она может быть применима или опровергнута.

Пример такого рода претендующей на универсальность, а в действительности недостаточно конкретной теории – теория так называемой гибридной войны, которую якобы ведет против западных стран в глобальном масштабе Россия. Действия России на Украине и в Европе в целом, а также Сирии, Венесуэле, Ливии нередко оцениваются западными специалистами и политиками как результат гибридной агрессии Москвы против Запада. Отличающееся от западного преподнесение новостей в российских СМИ также нередко классифицируется как агрессивное по определению. Определение агрессии и гибридности, таким образом, чрезвычайно широко и способно включить в себя практически любое проявление российской внешней политики¹.

С легкой руки западных экспертов теория вошла в западный внешнеполитический лексикон, как уже произошло с ранее обсуждавшейся теорией демократического мира. Теорию гибридной войны справедливо подвергают критике как недостаточно конкретизированную, основанную на нереалистичных предположениях и в целом склонную скрывать, а не прояснять международное поведение России². Широкое использование этой теории демонстрирует, что, несмотря на

1 Suchkov 2021

2 Renz 2018; Tsygankov et al. 2021.

репутацию беспристрастности, эксперты и ученые нередко становятся заложниками группового политического и идеологического мышления. Руководствующие своими ценностями западные эксперты не видят в российском поведении ничего, кроме агрессии и никаких иных мотивов, кроме враждебности либеральным демократиям Запада. Обостренные условиями международного кризиса политико-ценностные и идеологические допущения подменяют собой теорию, делая упор лишь на подтверждающих ее фактах и игнорируя все остальное.

«Авторитарный режим» против «либеральной демократии»

По мере того, как российское политическое устройство трансформировалось с приходом В. Путина к власти в систему, далекую от западных стандартов, изменились и американские подходы к ее осмыслению. Ранее активно развивающаяся индустрия «переходов к демократии» преобразовалась в исследования «автократии» во главе с Россией и Китаем. Нередко эти исследования проводятся с участием тех же авторов вроде М. Макфола и С. Фиша, которые ранее убеждали научную общественность в российской демократической трансформации¹.

Проблема в том, что современные исследования «автократии», как и прежние работы о «демократии» не демонстрируют чувствительности к контексту и специфике изучаемого предмета. Российскую систему изучают не как таковую, с присущими ей формальными и неформальными особенностями, а как удовлетворяющую или не удовлетворяющую заранее заданным «демократическим» критериям и требованиям. Даже когда исследователи признают, что у «путинской автократии» имеется значительная поддержка в обществе², они не подвергают ревизии их собственную терминологию и не пытаются анализировать российскую систему в контексте ее собственной истории и теорий политики. Пример – книга известного компаративиста Т. Фрая, которая выявляет ограничения верховной власти России, но при этом описывает российскую систему как «персоналистскую» и «автократичную», сравнивая ее с себе подобными в Венгрии, Турции и др.³ Исследователь ставит целью проанализировать сильные и слабые стороны системы (последние оказываются заметней). Российская система оказывается таким образом нормализована, т.е. описана через сравнение с другими «автократиями».

На основе осмысления России как персоналистского автократического режима американские исследователи либеральной ориентации делают выводы и о внешней политике страны. Им кажется естественным и логичным, что внешняя политика «автократии» не может не представлять для американской «демократии» угрозу. При этом многие из них убеждены, что глобальное распространение демократии и развитие военного превосходства США являются сторонами одной и той же медали. Есть и примеры того, как одни и те же авторы выступают в своих работах за необходимость ядерного превосходства США и выход за пределы способности нанесения ядерного удара, а также за распространение

1 См., например, их ранние работы: Fish 1995; McFaul 1997.

2 Greene, Robertson 2019.

3 Frye 2021.

демократии как наилучшего способа преуспеть в реализации международной «большой стратегии».

Хорошая новость для такого рода исследователей заключается в том, что великодержавная и «антизападная» политика России держится, по их мнению, на внутренней слабости «персоналистского» (хотя и популярного) режима. Пример такого осмысления внешней политики России – книга К. Стоунер о силе и слабости великодержавной политики страны¹. Исследовательница рассматривает Россию как достаточно сильную мировую державу со слабыми внутривнутриполитическими основаниями. Подобно упомянутым выше авторам, она убеждена, что созданная Путиным система правления является признаком слабости России и мешает определить ее действительные национальные интересы. По ее мнению, Путин действует не столько в интересах защиты страны, сколько против них. Мотивы российской «агрессии» на Украине, вмешательство в американские и иные выборы, информационная политика и пр. являются не столько реализацией национальных интересов страны, сколько результатом деятельности путинского «режима». По убеждению К. Стоунер, внутренне уязвимый «автократический режим» зависит от внешнеполитической агрессии и нуждается в ней для прикрытия своей недостаточной легитимности, поэтому следует надеяться, что с уходом В. Путина политика России существенно изменится под влиянием стремящегося к переменам российского гражданского общества. До тех же пор, имея в виду характер режима, серьезное сотрудничество с ней невозможно и разговор должен вестись с позиций силы, особенно в части развития демократии и прав человека. Развитие военного конфликта на Украине с февраля 2022 г. лишь укрепило американских авторов в собственной правоте. В мотивах России увидели стремление автократического режима восстановить власть и империю в бывшем СССР и сокрушить американские либеральные ценности. После президентских выборов 2016 г. в США не только журналисты, но и академические исследователи утверждали, что Россия преследовала цель сменить демократический режим в Америке на автократический². При таком уровне паранойи вполне ожидаемы страхи, что в случае победы на Украине неизбежна широкомасштабная военная экспансия России в Европу и вытекающий из этого военный конфликт России и стран НАТО.

Нетрудно видеть, что такого рода исследования проецируют на Россию ожидания и страхи их авторов. Западные фобии перед отличающимся и непонятым остаются значительными. В упомянутых исследованиях не найти ни критической рефлексии относительно проблем самой «либеральной демократии», ни попыток осмыслить российскую политическую траекторию в ее собственных исторических циклах. Ограниченность такого компаративного взгляда через призму западного восприятия – в относительно слабой способности увидеть национально-особенное³. В свое время С. Коэн называл такого рода исследования «изучением России без России»⁴ и был отчасти прав. Выделение обще-

1 Stoner 2021.

2 См., подробнее: Tsygankov 2019.

3 Существуют, впрочем, и критики такого рода проецирования, о которых будет сказано в заключительном разделе статьи.

4 Cohen 1999.

«автократического» оставило мало места для обсуждения сформированных особой историей России черт – ее сплава поствизантизма и постмонгольства в политической культуре, сочетании административной силы и слабости, сурового климата, протяженной территории и ресурсного богатства, особой географии и постоянной необходимости утверждать государственный суверенитет во внешней политике и др.¹ Осмысление российской политики и международных отношений оказывается втиснутым в прокрустово ложе сравнительного западного обществоведения.

«Угроза» американской национальной безопасности

Сложнее развиваются реалистские исследования. В отличие от либералов, реалистам чуждо линейное понимание исторического процесса. Вместо поступательного движения к «концу истории», реалисты осмысливают общественное развитие как «взлет и падение великих держав», пользуясь определением известного историка и реалиста классической школы П. Кеннеди².

Однако и реалистам свойственно проецирование общественных ожиданий на характер и результаты исследований. Их отличие от либералов заключается в шкале ожиданий, которая связана не столько с внутривнутриполитическими ценностями, сколько с внешними угрозами национальной безопасности. В отношении России, американские реалисты убеждены, по словам У. Фуллера, что «когда российские государственные деятели спорят между собой относительно политики, которую должна проводить Россия, они обычно используют хладнокровный язык стратегии и анализа... определяя политику с точки зрения выгод для российской силы и безопасности»³.

Большинство американских реалистов классической школы от Дж. Кеннана до Г. Киссинджера описывали Россию как страну, склонную к внешнеполитической экспансии и представляющую угрозу интересам США. Корни таких представлений – в западном мышлении по крайней мере со времени российского подавления польского восстания 1830–31 гг. и революционных движений в Европе XIX-го столетия. Оценки России как экспансионистской являются общим местом в устах известных западных реалистов. Дж. Кеннан, как известно, считал советское государство продолжением российской имперской и экспансионистской традиции⁴, а исследователи вроде Дж. Миршаймера и Г. Киссинджера настаивали на стремлении России к региональной гегемонии⁵.

При этом немалая часть реалистов поддерживает внешнеполитический экспансионизм их собственной страны, рассматривая глобальное доминирование как условие национальной безопасности и мира. Например, Г. Киссинджер был убежден в невозможности для Америки быть геополитическим «островом», настаивая на важности глобальной вовлеченности на правах сверхдержавности

1 Tsygankov 2014.

2 Kennedy 1986.

3 Fuller 1992, 132.

4 X (George F. Kennan), "The Sources of Soviet Conduct," Foreign Affairs, July 1, 1947, accessed June 20, 2024, <https://www.foreign-affairs.com/russian-federation/george-kennan-sources-soviet-conduct>.

5 Mearsheimer 2001; Kissinger 1994, 438.

во всех основных регионах мира¹. Другой классический реалист-геополитик, З. Бжезинский, никогда не скрывал важности включения Восточной Европы и Украины в орбиту американского влияния².

В школе структурного реализма периода «однополярного» доминирования США и современного состояния американской внешней политики выделяются два подхода к России – умеренный и жесткий. Оба исходят из того, что Россия представляет собой потенциальную угрозу безопасности США, но в различной степени. Для Дж. Миршаймера, С. Уолта, Б. Позена и других Россия может быть необходимым, хотя и тактическим противовесом международным амбициям другой, более опасной растущей державы, Китая. В связи с этим данная группа считает важным проявлять большую гибкость в понимании интересов безопасности России, чем это делается, а также сдержанность во внешней политике, воздерживаясь от соблазнов вооруженного вмешательства на Ближнем Востоке³. После начала военного конфликта на Украине умеренные реалисты не раз выступали с критикой официальной политики США как противоречащей национальным интересам⁴.

Однако в американском структурном реализме есть и направление, выступающее с позиций внешнеполитической жесткости в отношении России. Большинство из представителей этого направления выступает за безусловное военно-политическое доминирование и активное пропагандирование западных интересов и ценностей. Поэтому в отношении внутренних ценностных приоритетов, представители этой группы часто близки либералам-институционалистам и даже иногда публикуют совместные с ними работы. Примером может служить статья «Не возвращайся домой, Америка», опубликованная в ведущем академическом журнале реалистской направленности *International Security* за авторством С. Брукса, Дж. Айкенберри и У. Уолфорта⁵. С. Брукс и У. Уолфорт известны как реалисты и авторы теории стабильности однополярного мира, в то время Дж. Айкенберри – институционалист, защищающий важность упрочения мировых политических организаций при ведущей роли США. Другой пример синтеза реалистско-либеральных воззрений с антироссийских позиций – теория «мягкой силы» Дж. Ная, выступающего за глобальное распространение ценностей плюралистической демократии и рыночной экономики, но не в целях добиться «эфемерной популярности», а в качестве «средства достижения желаемых Соединенными Штатами результатов»⁶.

В группе жестко настроенных по отношению к России реалистов – немало сторонников нанесения России стратегического поражения в конфликте на Украине, а также борцов с российскими технологиями в области информации и кибербезопасности⁷. Они, впрочем, наиболее активны за пределами академии, занимая позиции в мозговых центрах и публикуя свои работы в экспертных

1 Kissinger 2010.

2 Бжезинский 1998.

3 См., подробнее: Цыганков 2014, 2020.

4 См., например: John Mearsheimer, "The Causes and Consequences of the Ukraine Crisis," *The National Interest*, June 23, 2022, accessed June 16, 2024, <https://nationalinterest.org/feature/causes-and-consequences-ukraine-crisis-203182>.

5 Brooks et al. 2012.

6 Nye 2004.

7 Kroenig 2018; Marten 2020; Wohlforth 2020.

журналах и масс-медиа¹. В отличие от умеренных, призывающих к диалогу с Россией или к нахождению оптимального баланса сдерживания и диалога, сторонники жесткой линии выступают за победу над Россией или за более активное сдерживание с минимальным взаимодействием с российским руководством.

Таким образом, реалистам, как и либералам, свойственно восприятие России как принципиальной угрозы интересам США, а также проецирование индивидуальных и социальных ожиданий на исследования и рекомендации. При этом ряд реалистов демонстрируют способность к критической рефлексии в отношении политики собственной страны, а также диалогу с Россией по вопросам международной безопасности. Ограничения, налагаемые на такой диалог характером международной системы и пониманием национальных интересов, не закрывают для этой группы реалистов возможности осмысливать и частично воспринимать российское понимание мира и своих в нем интересов.

«Империя» против западного модерна

Непременной частью американского – и западного в целом – осмысления России в международных отношениях является подчеркивание ее имперских корней и устремлений, бросающих вызов западной модерности. Для стран Запада модерн связан с установлением национальных границ и формированием международного права суверенных государств-наций. В результате развития военного конфликта на Украине нарратив имперской экспансии России стал в западных академических и политических кругах одним из доминирующих. После 24 февраля 2022 г. немалое число представителей академического сообщества в США выступало и выступает за «отмену» всех, включая академические, связей с российскими исследователями. То, что многими в России рассматривается как сохранение исторически сложившихся отношений и связей, немалая часть западных исследователей описывает как характерную для «автократии» политику имперских амбиций и внешнеполитической экспансии.

«Имперскую» традицию следует отличать от реализма в его умеренном или радикальном варианте. Реалисты, как уже было сказано, исходят из того, что российское руководство прежде всего озабочено национальной безопасностью, а также увеличением силы и могущества на международной арене. По известному выражению У. Черчилля в фултонской речи, «нет ничего, чем они [русские] восхищаются больше, чем сила, и нет ничего, что они уважают меньше, чем военную слабость»². В имперской же традиции речь идет не только о внешнеполитической экспансии, но и ее примордиальной природе и вытекающего из нее стремления к завоеванию и порабощению других народов. В этой, лишь частично перекликающейся с радикально реалистской традицией – российские войны всегда, по крайней с петровских времен, преследовали цели расширения пространств империи и подавления других народов³.

1 См., например, публикации на сайтах Атлантического Совета, Института Брукингса, Совета по защите демократий, Центра Американского прогресса и других.

2 Sakwa 1998, 295.

3 Подробнее об этой теории, см.: Tsygankov 2012; Цыганков 2012.

В основе такой имперской политики исследователи видят не только мотивы руководства России, но и разделяемую в обществе «русскую идею» как в своей основе имперскую. Русские идеи национальной самобытности – славянофильство, евразийство и национальный коммунизм – рассматриваются в данном случае как принципиально враждебные идеям демократии и либерализма,¹ демонстрирующие ностальгию по империи и борьбе с Западом². Это же относится и к восприятию русских консервативных идей как антизападных³. Проецирование западных страхов и культурно-политических стереотипов имеет место и здесь. Любые попытки сформулировать национальную или культурно-цивилизационную идею как отличающуюся от западных ценностей нередко воспринимаются западными исследователями как прямой вызов «универсальной» идеологии Запада.

Неудивительно, что осмысление России как имперской, бросающей вызов самой модерности Запада получило новое рождение в условиях развития конфликта на Украине. Многие американские исследователи либеральной и иной ориентации усмотрели в российских действиях на Украине не борьбу за нейтралитет соседнего государства и обеспечение российской безопасности от расширяющейся военной инфраструктуры НАТО и США. Вместо этого, в действиях России увидели стремление Кремля забрать, вслед за Крымом, всю Украину, а в случае успеха – двинуться дальше на восток и запад Европы⁴. Согласно этой теории, в основе действий российского руководства – широкая поддержка империализма не только в элитах, но в широких слоях общества. Поддержку многими русскими военной операции восприняли как доказательство исторически сформированной имперской политической культуры, разделяемой широкими слоями населения. В политике России увидели практическую реализацию идей евразийцев и славянофилов о цивилизационной исключительности «русского мира», о непризнании украинского народа и самостоятельности его национальной памяти и политико-культурной идентичности. Общим местом стали обвинения российских политиков в агрессии и фашизме, чьи взгляды могли сформироваться под влиянием русских националистов вроде А. Дугина⁵.

Попытки русских защитить особые, исторически сформировавшиеся отношения с другими народами в Евразии воспринимаются лишь как агрессия и империализм России и российских властей. Именно так после окончания холодной войны трактовали попытки Москвы сохранить и укрепить отношения в бывшем советском регионе, за которыми виделось лишь стремление восстановить (нео) советскую империю. Конфликт на Украине стал удобным поводом убедить общественность, что любое поведение России связано с «имперскими амбициями», а Украины – с ее естественным стремлением к свободе и независимости.

1 Devlin 1999; Engelstein 2009.

2 Laruelle 2008; Katzenstein, Weygrant 2017.

3 Pipes 2005.

4 Jane Burbank, "The Grand Theory Driving Putin to War," New York Times, March 22, 2022, accessed June 20, 2024, <https://www.nytimes.com/2022/03/22/opinion/russia-ukraine-putin-eurasianism.html>.

5 imothy Snyder, "We Should Say It. Russia Is Fascist," New York Times, May 19, 2022, accessed June 16, 2024, <https://www.nytimes.com/2022/05/19/opinion/russia-fascism-ukraine-putin.html>.

Например, по заявлению историка Йельского университета Т. Снайдера, Россия ведет колониальную войну с намерением уничтожения украинцев как народа¹.

Отсюда – многочисленные призывы «отменить» и «деколонизовать» Россию как государство и как культуру, подвергнуть остракизму и запрету произведения российской литературы, поэзии и т.д. Как известно, по этому пути запретов уже пошло украинское руководство. В академическом мире звучат призывы «деколонизовать» само изучение и преподавание России в университетах, сместив акценты на «порабощенные» народы и урезав ресурсы для изучения собственно России².

Политическое следствие осмысления политики России как ведущей к имперскому уничтожению других народов – необходимость не только силового противостояния руководству страны, но и ее «деколонизации», понимаемой как демонтаж российской территориально-государственной системы и разделение страны на несколько «неимперских» государственных образований³.

Тупики национального проецирования и попытки его преодоления

Таким образом, состояние американской академической мысли в целом не располагает к развитию интеллектуального диалога в мире. В особенности, если речь идет о диалоге с представителями национальных сообществ, ценности которых существенно отличаются от американских. Понимание сущего в США России здесь нередко сопряжено с вмешательством должного в процесс познания, в ущерб пониманию российских интересов, ценностей и мотиваций, а следовательно, – и объективному исследованию роли страны в международных отношениях. Это вмешательство не является формально-административным, а сопряжено с живучестью негативных стереотипов и эмоций у самих исследователей. Такие стереотипы и эмоции американских исследователей относительно других стран способны помочь пониманию и самих США⁴.

Примеров стереотипов и этноцентризма в политике и исследованиях международных отношений предостаточно. Во время холодной войны многие специалисты по Советскому Союзу преувеличивали угрозу, представляя советского Другого в качестве экзистенциального противника и зеркального отражения Америки⁵. После террористических атак на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 г. американские СМИ и аналитические центры оказались охвачены исламофобией⁶. Сегодня примером распространяющих фобии теорий может служить уже

1 Timothy Snyder, "The War in Ukraine Is a Colonial War," *The New Yorker*, April 28, 2022, accessed June 16, 2024, <https://www.newyorker.com/news/essay/the-war-in-ukraine-is-a-colonial-war>.

2 Тема «деколонизации» стала основной в докладе президента главной славистской ассоциации США ASEES (*Association for Slavic, Eastern European, and Eurasian Studies*) в 2023 г., см.: "ASEES 55th Annual Convention," ASEES, 2023, accessed June 16, 2024, <https://www.asees.org/convention/2023-asees-convention-theme>.

3 Botakoz Kassymbekova, and Erica Marat, "Time to Question Russia's Imperial Innocence," *Ponars Eurasia*, April 27, 2022, accessed June 16, 2024, <https://www.ponarseurasia.org/time-to-question-russias-imperial-innocence/>.

4 Изучение США под этим углом зрения плодотворно, хотя и выходит за рамки данной статьи. В случае если такое изучение было бы предпринято, оно могло бы привести к выводу, что консолидация взглядов на России американских либералов и реалистов отражает не только политико-идеологическую борьбу в международных отношениях, но и кризис национальной идентичности США, нуждающихся в образе внешнего врага в целях сплочения внутренних либеральных ценностей (См., подробнее: Tsygankov 2019; Цыганков 2020).

5 Foglesong 2007.

6 Об освещении в СМИ во время международных кризисов см. Boyd-Barrett 2016.

упоминавшиеся разработки гибридной войны. В условиях кризисов нейтральное, беспристрастное знание особенно ценно, но и особенно редко. В результате его отсутствия, государства нередко заняты не поиском решений, а нагнетанием страха и мифотворчеством¹. Теории, занятые превращением возможных партнеров в извечных противников, служат плохую службу политикам, осложняя ситуации кризиса в международных отношениях. Непредвзятый, объективный анализ был и остается в дефиците. Усиливая эрозию доверия к знаниям, в мире распространяются полуправда и мифотворчество, когда факты больше не имеют значения, а используются или изобретаются политиками в своих интересах².

Чаще всего отмеченные эмоции и стереотипы являются отражением образа национального «Я» и результатом исторического опыта взаимодействия США и России. Национальное сообщество и его представители – в данном случае академические исследователи российских реалий – проецируют свои ожидания и эмоции на объект своего внимания. Проблема проецирования не нова и характерна не только для США, а для любой крупной культуры. Поэтому задача стремящегося к объективности исследователя – осознать проблему и сопротивляться ее воздействию на результаты своей работы. В лучшем случае проецирование ведет к искаженному, одностороннему пониманию России, в худшем – к русофобии и развитию упомянутых стереотипов в познании и политике. И в том, и в другом случаях отсекаются возможности комплексного, всестороннего понимания объекта изучения, исключается перспектива широких совместных международных исследований и политического диалога в мире.

Не случайно известные и широко растиражированные на Западе идеи вроде либеральной теории «конца истории» Ф. Фукуямы³ и близкой к реализму теории «столновения цивилизаций» С. Хантингтона⁴ нередко критиковались российскими (и не только) учеными как несостоятельные⁵. Тезис Ф. Фукуямы был сформулирован в консервативном западном контексте конца 1980-х гг. и обосновывал глобальное распространение рыночной демократии западного стиля. Фукуямовская теория «конца истории» отвергалась в России дважды – до и после распада СССР – и с течением времени российское восприятие теории как проамериканской, ограничивающей социальное творчество в мире и игнорирующей интересы России только усилилось. Что касается хантингтоновской теории столкновения цивилизаций, многие российские исследователи увидели в ней потенциал дестабилизации евразийского региона и мира в целом, подрыв плюрализма цивилизаций, создание ненужных врагов в лице Китая и мусульманского мира и эксплуатацию внутренней уязвимости России.

Причины такого восприятия связаны как с наличием межкультурных границ и различий в политических интересах, так и этноцентризмом самих теорий американских авторов. Ни тот, ни другой не собирались учитывать, как они будут восприняты за пределами США. Ф. Фукуяма исходил из единых, задаваемых

1 Mearsheimer 2011.

2 Tom Nichols, "How America Lost Faith in Expertise," *Foreign Affairs*, March/April 2017, accessed June 16, 2024, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2017-02-13/how-america-lost-faith-expertise>; Drezner 2017.

3 Fukuyama 1992.

4 Huntington 1996.

5 Tsygankov 2004.

Западом стандартов модернизации, в то время как С. Хантингтон подразумевал априорную враждебность незападных культур.

Для сравнения отметим, что российское сообщество международных отнеслось с симпатией к теории мир-системы критически мыслящего И. Валлерстайна¹. Многократно раскритикованная на Западе и не безупречная в академическом отношении, данная теория подвергла критике установки на приоритет стабильности и процветания Запада за счет остальной части мира. Для И. Валлерстайна мир-система с западным «центром» и незападной «периферией» – состояние, заслуживающее критики и нуждающееся в трансформации, в которой активную роль должны играть все мировые участники, а не только ее «центр». На такую трансформацию и равноправие в мире была ориентирована академическая и публицистическая деятельность И. Валлерстайна, и не случайно, что за пределами Запада к ней отнеслись серьезнее, чем в академическом мейнстриме США. Показательно, что в России одобрительные ссылки на труды ученого преобладают. Подавляющая часть российских международных видит в нем большего авторитета, нежели рассмотренных выше теоретиков. И. Валлерстайн справедливо воспринимается как менее этноцентричный и открытый для понимания незападными культурно-цивилизационными сообществами. В американском академическом сообществе немало тех, кто стремится к преодолению упомянутой выше проблемы этноцентризма и национального проецирования. Их исследования не задавали и не задают тон в мейстримном понимании России. Кроме того, в условиях все более заметного сдвига российско-американских отношений к модели политико-идеологической и частично военной конфронтации, стремящихся к объективности исследований будет еще меньше. Тем не менее в той мере, в какой сохранится пространство для различных позиций, сохранятся и альтернативные, неидеологизированные исследования, которые смогут оказывать влияние на молодое поколение ученых-обществоведов. До сих пор такого рода исследования проводились как критиками либерально-реалистско-имперского консенсуса, так и рефлексивно настроенной частью мейнстрима. К первым относятся представители критических и постструктуралистских теорий, работающих в области международных отношений, социологии, географии, истории и других дисциплин. Ко вторым – умеренные реалисты, не закрывающие глаза на злоупотребления властью самих Соединенных Штатов и выступающие за активизацию дипломатии в отношениях с Россией. Объединяющей чертой всех этих исследований является способность к более широкому осмыслению международных проблем и выходу за пределы национального проецирования. Главным становится понимание сущего. При этом должное не исчезает из внимания, но усложняется, позволяя более взвешенное и рефлексивное осмысление не только российского, но и национального.

В качестве примера кратко рассмотрим недавние исследования представителей реализма и критической геополитики, анализирующие отношения России и ее ближнего окружения. Осмысление российских интересов и мотиваций

1 См. например, подборку откликов на работы ученого в журнале Космополис, зима 2003–2004, № 1 (7), в которой в качестве критика выступил лишь В. Иноземцев.

в данном случае принципиально отличается от понимания тех, кто работает в рамках американского академического консенсуса. Такое осмысление связано со стремлением связать российские интересы с защитой безопасности и суверенитета, осмысливая широкий исторический и географический контекст взаимодействия России с другими державами Запада и Евразии. Историки-слависты, географы и международники-реалисты не склонны рассматривать российскую политическую систему как раз и навсегда данную. Процессы формирования границ также анализируются ими как социально обусловленные, оспариваемые и подлежащие постоянному переосмыслению¹.

Например, в книге «Ближнее зарубежье: Путин, Запад и соперничество за Украину и Кавказ» географ и представитель критико-геополитического направления Дж. Тоал доказывает, что пограничные страны слишком часто рассматриваются Россией и Западом по манихейскому принципу, хотя в этих странах не сложилось единого нарратива или согласия относительно идентичности и стратегических принципов отношений с внешним миром². Соперничество внешних держав еще более осложняет достижение национального единства, способствуя дестабилизации промежуточных земель. Выводам Дж. Тоала оказалась созвучной работа близких к реалистскому мышлению С. Чарапа и Т. Колтона «Все – в проигрыше: Украинский кризис и губительное соперничество за пост-советскую Евразию»³. Авторы указали в том числе на важность понимания интересов России и необходимость выстраивания совместной системы безопасности в регионе во избежание развития конфликтов.

В качестве контраста напомним о вышедшей в 2019 г. книге М. Оренстайна из Пенсильванского университета о шести странах Восточной Европы и Кавказа, расположенных между Евросоюзом и Россией (Молдавия, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения и Азербайджан)⁴. Подход М. Оренстайна мейнстримен и противоположен работам Дж. Тоала, С. Чарапа и Т. Колтона. Следуя описанному выше шаблону, автор рассматривает деятельность России в регионе «промежуточных земель» исключительно через призму «гибридного» и имперского противодействия Западу. С позиций развития вооруженного конфликта на Украине, М. Оренстайн мог бы утверждать, что правильно предсказал поведение России. Однако конфликт не был неизбежен, став результатом взаимодействия трех сторон: России, Украины и Запада. Россия неоднократно предпринимала попытки создания совместных структур безопасности в регионе, но не встречала понимания со стороны украинских и западных лидеров. М. Оренстайн не уделяет этим попыткам значимого внимания, игнорируя и альтернативные подходы к анализу проблемы. Например, книга Дж. Тоала – одного из заметных и уважаемых представителей «критической геополитики» – была опубликована за полтора года до книги М. Оренстайна, однако последний не обнаружил какого-либо знания работ Дж. Тоала.

В американском изучении России имеется немало примеров и других, заслуживающих внимания работ исследователей. Сопrotивляясь мейнстриму,

1 Rieber 2014; SuNew York, Kivelson 2017.

2 Toal 2017.

3 Charap, Colton 2016.

4 Orenstein 2019.

они руководствуются пониманием, что достигнутое в одном обществе знание не должно вести к углублению изоляции и недоверия в других обществах. В многокультурном мире интеллектуалы ответственны за то, как создаваемые ими проекты воспринимаются за пределами «родного» для них социокультурного контекста. В их власти – способствовать диалогу культур, а не утверждению превосходства одних народов над другими. Без движения в этом направлении поиск истины обречен, а исследователи будут склонны подчиняться приоритетам националистической идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бжезинский, З. Великая шахматная доска. М., 1998.
- Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostategic Imperatives*. Moscow, 1998 [In Russian].
- Цыганков, А.П., Цыганков, П.А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 3. С. 33–44.
- Tsygankov, Andrei P., and Pavel A. Tsygankov. "The Crisis of the 'Democratic Peace' Argument." *International Processes* 3, no. 3 (2005): 33–44 [In Russian].
- Цыганков, А.П., Цыганков, П.А. Социология международных отношений. М., 2006.
- Tsygankov, Andrei P., and Pavel A. Tsygankov. *Sociology of International Relations*. Moscow, 2006.
- Цыганков, А.П. Экспансионизм – не догма // Россия в глобальной политике. 2012. Выпуск № 3.
- Tsygankov, Andrei P. "Expansionism is not a Dogma." *Russia in Global Affairs* 3 (2012) [In Russian].
- Цыганков, А.П. Отложенный полицентризм // Россия в глобальной политике. 2014. Выпуск № 4.
- Tsygankov, Andrei P. "Procrastinated Polycentrism." *Russia in Global Affairs* 4 (2014) [In Russian].
- Цыганков, А.П. Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка // Международная аналитика. 2020. № 11(2). С. 28–44. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>.
- Tsygankov, Andrei P. "Gulliver at the Crossroads: America's Strategy During the Global Transition." *Journal of International Analytics* 11, no. 2 (2020): 28–44 [In Russian].
- Boyd-Barrett, Oliver. *Western Mainstream Media and the Ukraine Crisis: A Study in Conflict Propaganda*. London, 2016.
- Brooks, Stephen, Ikenberry, John, and William Wohlforth. "Don't Come Home, America: The Case against Retrenchment." *International Security* 37, no. 3 (Winter 2012/2013): 7–51.
- Charap, Samuel, and Timothy J. Colton. *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. New York: Routledge, 2016.
- Cohen, Stephen F. "Russian Studies Without Russia." *Post-Soviet Affairs* 15, no. 1 (1999): 37–55. <https://doi.org/10.1080/1060586X.1999.10641461>.
- Devlin, Judith. *Slavophiles and Commissars: Enemies of Democracy in Modern Russia*. New York, 1999.
- Drezner, Daniel. *The Ideas Industry*. New York, 2017.
- Engelstein, Laura. *Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path*. Ithaca, 2009.
- Fish, Steven. *Democracy from Scratch*. Princeton, 1995.
- Foglesong, David S. *The American Mission and the 'Evil Empire': The Crusade for a 'Free Russia' since 1881*. Cambridge, 2007.
- Frye, Timothy. *Weak Strongman: The Limits of Power in Putin's Russia*. Princeton, 2021.
- Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York, 1992.
- Fuller, William S. Jr. *Strategy and Power in Russia, 1600-1914*. New York, 1992.
- Greene, Samuel A., and Graeme B. Robertson. *Putin v. the People: The Perilous Politics of a Divided Russia*. New Haven, 2019.
- Huntington, Samuel. *Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*. New York, 1996.
- Ikenberry, John. "Rethinking the Origins of American Hegemony." *Political Science Quarterly* 104, no. 3 (1989): 375–400.
- Inayatulla, Naeem, and David Blaney. *International Relations and the Problem of Other*. London, 2004.
- The Culture of National Security*, edited by Peter Katzenstein. New York, 1996.
- Katzenstein, Peter. *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. London, 2009.
- Katzenstein, Peter, and Nicole Weygrant. "Mapping Eurasia in an Open World: How the Insularity of Russia's Geopolitical and Civilizational Approaches Limits Its Foreign Policies." *Perspectives on Politics* 15, no. 2 (2017): 428–442. <https://doi.org/10.1017/S153759271700010X>.
- Kennedy, Paul. *The Rise and Fall of Great Powers*. New York, 1986.
- Kissinger, Henry. *Diplomacy*. New York, 1994.
- Kissinger, Henry. *World Order*. New York, 2010.
- Kroenig, Matthew. *The Logic of American Nuclear Strategy*. New York, 2018.
- Kroenig, Matthew. *The Return of Great Power Rivalry: Democracy Versus Autocracy from the Ancient World to the US and China*. New York, 2020.
- Laruelle, Marlene. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Washington, DC, 2008.
- Marten, Kimberley. "NATO Enlargement: Evaluating Its Consequences in Russia." *International Politics* 57, no. 3 (2020). <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00233-9>.
- Mearsheimer, John. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, 2001.

Mearsheimer, John. *Why Leaders Lye: The Truth about Lying in International Politics*. New York, 2011.

McFaul, Michael. *Russia's 1996 Presidential Election: The End of Polarized Politics*. Stanford, 1997.

Nye, Joseph. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, 2004.

Orenstein, Mitchell. *The Lands in Between*. New York, 2019.

Pipes, Richard. *Russian Conservatism and Its Critics*. New Haven, 2005.

Renz, Bettina. *Russia's Military Revival*. Cambridge, 2018.

Rieber, Alfred J. *The Struggle for the Eurasian Borderlands*. Cambridge, 2014.

Sakwa, Richard. *The Rise and Fall of the Soviet Union*. London, 1998.

Stoner, Kathryn. *Russia Resurrected: Its Power and Purpose in a New Global Order*. New York, 2021.

Suny, Ronald, and Valerie Kivelson. *Russian Empires*. New York, 2017.

Suchkov, Maxim A. "Whose Hybrid Warfare? How 'The Hybrid Warfare' Concept Shapes Russian Discourse, Military, and Political Practice." *Small Wars & Insurgencies* 32, no. 3 (2021): 415–440. <https://doi.org/10.1080/09592318.2021.1887434>.

Toal, Gerard. *The "Near Abroad."* New York, 2017.

Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives, edited by Guillermo O'Donnell,

Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead. Baltimore, 1991.

Transitions to Democracy: A Comparative Perspective, edited by Kathryn Stoner and Michael McFaul. Baltimore, 2013.

Tsygankov, Andrei P. *Whose World Order? Russia's Perception of American Ideas after the Cold War*. South Bend, 2004.

Tsygankov, Andrei P. "Assessing Cultural and Regime-Based Explanations of Russia's Foreign Policy: 'Authoritarian at Heart and Expansionist by Habit?'" *Europe-Asia Studies* 64, no. 4 (2012): 695–713. <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.671568>.

Tsygankov, Andrei P. *The Strong State in Russia*. New York, 2014.

Tsygankov, Andrei P. *The Dark Double*. New York, 2019.

Tsygankov, Andrei P., Tsygankov, Pavel A., and Haley Gonzales. "Putin's 'Global Hybrid War': The U.S. Experts, Russia, and the Atlantic Council." *Russia in Global Affairs* 1, January-March 2021. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-1-146-172>.

Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. New York, 1979.

Wohlforth, William. "Realism and Great Power Subversion." *International Relations* 35, no. 4 (2020): 459–481. <https://doi.org/10.1177/0047117820968858>.

Zarakol, Ayse. *Before the West*. Cambridge, 2022.

Сведения об авторах

Андрей Павлович Цыганков,

профессор международных отношений и политических наук

Калифорнийского Университета Сан-Франциско

94143, США, Сан-Франциско, 1600, Холлоуэй Авеню

e-mail: andrei@sfsu.edu

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 апреля 2024.

Переработана: 20 июня 2024.

Принята к публикации: 24 июня 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Цыганков, А.П. Сущее и должное: социология изучения России в США // Международная аналитика. 2024. Том 15 (2). С. 18–35.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-18-35>

What Is and What Should Be: Sociology of Studying Russia in the U.S.

ABSTRACT

The article examines the process of knowledge formation about Russia in American academia since the end of the Cold War. The article's hypothesis is that knowledge formation largely reflects the social and national and cultural conditions of the country and its research community. Although many scholars strive for objectivity and ethical detachment from the object of their research, they most often approach its study from positions that reflect and project the interests and values of the societies in which they work. This hypothesis is formulated within the framework of the sociological approach to knowledge formation undertaken in the article, which involves understanding the conditions of its formation and the social demands that it meets. American knowledge about Russia, which they have long viewed and continue to view as a threat and challenge to the interests and values of the United States, bears the stamp of national assumptions, preferences, beliefs, and emotions. In studying reality, they are far from always able to free themselves from the American understanding of what should be, projecting into their research how, in their opinion, Russia should develop. Since the second half of the 2000s, this gap has been widening. Compared to the Cold War, knowledge about Russia in America has lost its former status of priority and privilege, and has become more politicized, especially in matters affecting international security and the politics of values. In addition, this knowledge has been integrated into generally accepted theories of international relations and comparative politics in the West. These changes reflect Russia's declining status in the international hierarchy compared to the United States and the growing conviction of American social scientists in the universal validity of their approaches and theories. Contemporary Russia is increasingly perceived as developing in the wrong direction, threatening Western "liberal democratic" values and security, and, with its desire to be an "empire," the very structures of modern society. Although not all American researchers share such concepts and theories, the latter express the mood of the mainstream in both politics and science. The final part sums up the results and discusses the possibilities of forming less biased and ideologically loaded knowledge about Russia. Approaches to obtaining such knowledge in the United States exist, although they do not dominate.

KEYWORDS

sociology of knowledge, Russia, U.S., liberalism, realism, empire

Author

Andrei P. Tsygankov,

Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
1600 Holloway Ave, San Francisco, U.S., CA 94132

e-mail: andrei@sfsu.edu

Additional information

Received: April 1, 2024. Revised: June 20, 2024. Accepted: June 24, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Tsygankov, Andrei P. "What Is and What Should Be: Sociology of Studying Russia in the U.S."

Journal of International Analytics 15, no. 2 (2024): 18–35.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-18-35>

В будущее возьмут не всех? Место прогнозирования в международно- политических теориях

Игорь Александрович Истомин, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: iaistomin@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Дискуссии о соотношения теории и прогноза в зарубежных изданиях активизировались с 2010-х гг., но в российской литературе эта тематика остается в значительной степени непроблематизированной. Настоящая статья систематизирует выдвигаемые в исследованиях международных отношений оценки роли теории в прогнозировании, выявляя перспективы совмещения прескриптивных, объяснительных, интерпретативных и предиктивных функций науки. Она раскрывает истоки как скепсиса теоретиков относительно прогнозов, так и ответной критики бесплодного теоретизирования. В результате статья выявляет ограничения и доминирующей в дисциплине гипотетико-дедуктивной модели познания, и оппонирующего ей статистического индуктивизма. Анализ начинается с представления различных классов теорий, сформировавшихся в исследованиях международных отношений.

Оно демонстрирует, что базовые установки нормативного, деконструирующего и интерпретативного теоретизирования плохо совместимы с прогнозированием. После этого рассматривается амбивалентное отношение к прогнозам сторонников объяснительных теорий, апеллирующих к принципиальной непрогнозируемости социальных взаимодействий. Статья отмечает появление с конца 2000-х гг. расчетов на то, что аккумулирование больших массивов данных вкупе с развитием методов их обработки обеспечит предсказания без опоры на объяснительные умозаключения. Тем не менее повышению прикладной ценности научных разработок способствовало бы совмещение теоретических объяснений и прогнозных исследований. Предпринятый обзор подводит к выводу: для того, чтобы теория могла играть большую роль в прогнозировании, прогнозы должны играть большую роль в теоретизировании. Принципиально разделять заключения/выводы о реальности, которые теоретики, безусловно, делают, и предположения о будущем, которые они в массе своей предлагать отказываются, а стоило бы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

теория, прогноз, гипотетико-дедуктивная модель, статистический индуктивизм, машинное обучение

Должна ли теория помогать предсказывать будущее? Возможно ли прогнозирование без опоры на теоретические умозаключения? В исследованиях международных отношений дискуссии по этим вопросам активизировались с 2010-х гг., в том числе под влиянием волны статистического индуктивизма, оспорившего примат гипотетико-дедуктивной модели познания. Тем не менее в российской литературе соотношение теории и прогноза до сих пор остается в значительной степени непроблематизированным¹.

Подобное положение сохраняется, несмотря на богатый опыт прогностических разработок, накопленный отечественным академическим сообществом с советских времен². Более того, в 2010-х–2020-х гг. интерес к прогнозированию в России подстегивался ростом ожиданий фундаментальных изменений мирового порядка³. Такие представления усилили потребность в прояснении научных оснований, на которых базируются предположения о будущем.

Дефицит интереса к вопросу о соотношении теоретизирования и прогнозирования объясняет доминирующий в отечественном академическом сообществе скепсис применительно к теории международных отношений как таковой. В советские годы последняя находилась под прессом марксистско-ленинской догматики, подавлявшей попытки самостоятельного теоретизирования⁴. С 1990-х гг. доминировала «парадигма освоения», в которой превалирующее место заняла ретрансляция западных построений зачастую без попыток их критической деконструкции⁵.

Как следствие, прогнозирование в России опирается преимущественно на интуитивные оценки экспертов, линейную экстраполяцию трендов, а также слабо операционализированные онтологические представления⁶. В этих условиях дискуссия о вкладе теории в построение прогнозов представляет интерес с точки зрения совершенствования методологических оснований российской науки. Осмысление ее результатов необходимо, чтобы в рамках самостоятельного теоретизирования не повторять путь проб и ошибок, который уже прошли зарубежные коллеги.

В этой связи статья призвана систематизировать выдвигаемые оценки роли теории в прогнозировании, оценивая перспективы совмещения прескриптивных, объяснительных, интерпретативных и предиктивных функций науки. Она раскрывает истоки как скепсиса теоретиков относительно прогнозов, так и ответной критики бесплодного теоретизирования. Как следствие, анализ вскрывает ограничения и доминирующей в дисциплине гипотетико-дедуктивной модели познания, и оппонирующего ей статистического индуктивизма.

1 Исключение на общем фоне составляют работы А.А. Кокошина, А.И. Подберезкина, М.А. Хрусталева (см.: Кокошин 2014; Стратегическое прогнозирование и планирование 2015; Стратегического прогнозирование международных отношений 2016, Хрусталева 2008).

2 Черкасов 2016, 245–249.

3 Сафранчук, Лукьянов 2021.

4 Показательный пример тому – судьба обзорного труда об основах теории международных отношений, разрабатывавшегося Институтом мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1970-х–1980-х годах. Книга так и не смогла выйти до распада Советского Союза (см.: Косолапов и др. 2021; Иноземцев 2022).

5 Богатуров 2004.

6 Между тем ещё в 1970-х гг. Э.А. Поздняков указывал: «Интерес к новым методологическим подходам к исследованию международных отношений, в том числе и к системному подходу, разумеется, не случаен. Когда перед наукой, изучающей международные отношения, встает задача раскрытия механизма их функционирования и развития, предвидения и прогнозирования этих отношений, то историко-описательные, дескриптивные методы исследования уже не могут обеспечить в должной мере решение такого рода задач» (Поздняков 1976, 9).

Статья решает не только описательно-объяснительные, но и прескриптивные задачи, определяя пути совершенствования исследовательской работы как с точки зрения углубления научного познания, так и для получения прикладных результатов на его основе. Предпринятый обзор подводит к выводу: для того чтобы теория могла играть большую роль в прогнозировании, прогнозы должны играть большую роль в теоретизировании. В этом смысле отказ исследователей от проверки своих заключений предположениями о будущем ставит барьер развитию исследований.

Многоликость теоретизирования

Понятие «теория» имеет множество значений. Словари разграничивают широкий и узкий варианты определений. В первом случае теория представляет собой «комплекс взглядов, представлений, идей, связанных с попытками объяснения или интерпретации определенной предметной области»¹. Пример употребления слова в этом значении даёт выражение «теория международных отношений», характеризующее совокупность несвязанных, а порой и противоречащих друг другу утверждений, объединённых общей проблематикой.

В узком смысле теория – это «форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях некоторой области действительности»². В данном случае речь идет о логически согласованной системе идей, а не разнородном наборе обобщений. Под такое понимание попадают теории баланса сил, экономической взаимозависимости, плюралистической однополярности и др. Каждая из них даёт внутренне непротиворечивое представление о каком-то аспекте реальности. Настоящая статья оперирует понятием «теория» во втором значении.

При этом продолжаются дискуссии относительно требований, предъявляемых к теориям в этом узком понимании, и задач, которые они призваны решать. Иными словами, ученые не могут договориться, для чего нужны теории, что они могут и должны делать. Споры по этим вопросам сыграли значимую роль, в том числе в становлении исследований международных отношений.

Традиционная точка отсчета летописания этой научной области – завершение Первой мировой войны. Моментом образования дисциплины считается открытие специализированной кафедры в Университете Абериструита. Ее создатели руководствовались ясным практическим мотивом – научное познание призвано было предотвратить новую крупномасштабную войну. Симптоматично, что кафедре назвали в честь президента США В. Вильсона, добивавшегося коренной реорганизации международного порядка для установления стабильного мира³.

Логично, что на начальном этапе в исследовании международных отношений доминирующей стала нормативная теория, ориентированная на проектирование будущего мироустройства⁴. Тем не менее уже в межвоенный

1 Новейший философский словарь 1999, 709.

2 Там же.

3 Booth 2019.

4 Здесь прослеживается параллель с общей логикой развития политической мысли, которая также изначально была ориентирована на поиск идеальной формы организации власти – см.: диалог «Государство» Платона.

период ее положения вызывали острую критику. Ведущую роль в развенчании утопий нормативизма сыграл британский историк Э. Карр, требовавший изучать реальность как она есть, а не то, какой она должна быть¹. Тем самым он закладывал основу позитивной теории международных отношений.

Сторонники последней исходили из принципиальной невозможности переустройства мира на рациональных началах. Практическую ценность науки они видели в том, чтобы научить государства приспосабливаться к реальности, в которой мировые войны возможны, а не устранить вероятность таковых. При этом сторонники позитивной теории стремились постичь каузальные механизмы, лежащие за наблюдаемыми событиями. Тем самым они фокусировались на поиске объяснений и выявлении логики в международных отношениях².

Образцом для них выступал Фукидид, который, повествуя о Пелопонесской войне, не ограничился списком взаимных обвинений афинян и лакедемонян, но искал «истиннейший повод, хотя на словах и наиболее скрытый»³. Из современных теоретиков центральность вопроса «почему?» наиболее последовательно отстаивал К. Уолтц. Он проводил различие между законами, фиксирующими взаимосвязи между явлениями, и теориями, дающими им объяснение⁴. К. Уолтц утверждал, что наука призвана устанавливать причины, а не просто корреляции.

Исторический контекст способствовал закреплению объяснительной теории в качестве доминирующего варианта теоретизирования и оттеснению нормативизма на периферию. В частности, Вторая мировая война нанесла удар по надеждам на возможность рационального переустройства мира, а следовательно, и по проектам, его преследующим. Вместе с тем гегемония позитивизма не выродилась в монополию.

Такие специалисты, как М. Уолцер, С. Хофман, Й. Галтунг заработали признание трудами о должном⁵. Элементы прескриптивизма прослеживаются даже в работах реалистов, возводящих интеллектуальную родословную к Э. Карру. Так, они проявляются в указании К. Уолтца, что государствам следует ограничивать амбиции обеспечением собственной безопасности, учитывая, что попытки экспансии порождают сдерживающие коалиции⁶.

С 1980-х гг. позитивные теории столкнулись с обвинениями в ценностной ангажированности со стороны рефлексивистского подхода. Сторонники последнего указывали, что призыв изучать реальность как она есть подразумевает, что никакой другой действительности быть не может. В этих условиях попытки объяснения становятся одновременно и способом оправдания наблюдаемого⁷.

Такая критика породила интерес к деконструирующим теориям, ставящим вопросы о том, как существующая реальность стала возможной, как она обосновывает свою легитимность и безальтернативность. Вместо рассуждений о причинах, по которым государства воюют, исследователи начали

1 Carr 1939, 13.

2 Jackson 2017.

3 Фукидид 1999, 41.

4 Waltz 1979, 5.

5 Walzer 1977; Hoffmann 1981; Galtung 1996.

6 Waltz 1979, 92.

7 Ashley 1981.

интересоваться, каким образом национальные государства стали господствующей формой политической организации или что представляет собой война в качестве социально регулируемого типа межгосударственного взаимодействия¹.

Деконструирование реальности продемонстрировало ограничения теоретизирования, преследующего цель выявления каузальных связей – поиска причин в предшествующих явлениях. Оно выявило необходимость изучения отношений взаимного конституирования, то есть связей между различными элементами реальности, которые делают друг друга возможными и необходимыми². Отход от объяснительной модели познания стал еще одной точкой расхождения деконструирующих и позитивных теорий.

При этом в отличие от представителей нормативизма, сторонники деконструирующих теорий выражали скепсис касательно возможностей социально-го инжиниринга ввиду глубокого переплетения между различными элементами существующей реальности. Их взаимная связанность побуждает выразителей этой интеллектуальной традиции признавать устойчивость структур действительности, несмотря на исходный пафос критического развенчания сложившегося порядка вещей.

Еще больше проблематизировали позитивистскую картину мира наиболее радикальные представители рефлексивистского подхода, утверждая, что объективная действительность в принципе не поддается изучению³. Следовательно, требование исследовать «реальность как она есть» бессмысленно. Вместо этого предметом изучения должны выступать представления о ней – различного рода нарративы. Этот подход лег в основу интерпретативных теорий, концентрирующихся на выявлении истоков и значений конкурирующих картин мира⁴.

Таким образом, за столетие с момента своего становления исследования международных отношений породили крайне разнообразные классы теорий. Тем не менее ни один из них не относил получение прогнозных оценок к числу приоритетных задач познания. Такой дефицит интереса к научным предсказаниям на фоне развития нормативных, объяснительных, деконструирующих, интерпретативных подходов порождает потребность в объяснении.

Предписания вместо прогнозов

С 1970-х гг. звучали голоса, обосновывавшие необходимость повышения роли прогнозирования в исследованиях международных отношений⁵. Однако в теоретических работах прогнозные оценки встречаются редко. В настоящем разделе рассматриваются положения нормативного, деконструиющего и ин-

1 См., например: Biersteker and Weber 1996; Finnemore 1996.

2 Wendt 1999, 25–28. Например, фигуры студента и преподавателя взаимосвязаны: педагогом может выступать только человек, у которого учатся, а учеником – только тот, кому есть у кого учиться – один невозможен без другого. В этом смысле они взаимно конституируют друг друга, но было бы некорректным утверждать, что наличие преподавателя выступает причиной появления студента и наоборот. В данном случае отсутствуют отношения логического и хронологического предшествования, необходимые для каузальности.

3 В основе такой позиции могут лежать как онтологические, так и эпистемологические основания. В первом случае исследователи утверждают, что объективной реальности отдельной от наблюдателя в принципе не существует. Во втором – что вне зависимости от наличия или отсутствия объективной реальности наши средства познания неспособны ее наблюдать.

4 Neufeld 1993; Lynch 2013.

5 Choucri 1974; Choucri and Robinson 1978; Freeman and Job 1979; Schneider, Gleditsch and Carey 2011.

терпретативного подходов, отвращающие их сторонников от совершения прогнозов. Позиция представителей объяснительных теорий относительно научных предсказаний ввиду ее противоречивости будет рассмотрена отдельно.

Прежде чем перейти к разбору взглядов теоретиков на прогнозирование, следует дать дефиницию изучаемого понятия. Словарь определяет прогноз как «вероятностное суждение о состоянии какого-либо явления в будущем, основанное на специальном научном исследовании»¹. Наиболее сильный вариант – предсказание конкретного события в оговоренные сроки. Научные предсказания выражаются и в менее однозначной форме – в виде предположений относительно шансов на достижение объектом некоторого состояния при выполнении ряда условий.

Не любые высказывания о будущем представляют собой теоретически обоснованный прогноз. В частности, выдвижение ряда альтернативных сценариев отражает неуверенность относительно возможного развития событий. Несмотря на широкое применение этого метода в аналитических разработках, опора на него свидетельствует о неспособности редуцировать сложность рассматриваемого явления. Таким образом, оно представляет собой отступление перед лицом неопределенности будущего, снижающее прогностическую ценность теоретизирования.

Иной тип высказываний, не подпадающих под определение прогнозов, представлен в нормативных теориях. Проектируя варианты преобразования реальности на более или менее отдаленную перспективу, они обнаруживают предписывающее, а не предсказывающее отношение к будущему. Их представители не дают вероятностных суждений о возможных состояниях явления, а предъявляют к нему требования. Последние зачастую радикально расходятся с окружающей действительностью, а потому предполагают преодоление укоренившегося порядка вещей.

Примером противопоставления нормативного теоретизирования и реальности выступают проекты искоренения межгосударственных войн, восходящие к кантианской концепции «вечного мира». Сам И. Кант однозначно указывал: «Состояние мира между людьми, живущими по соседству, не есть естественное состояние (*status naturalis*); последнее, наоборот, есть состояние войны»². Таким образом, он априори не рассматривал исчезновение международного насилия в качестве наиболее вероятного развития событий.

Положения нормативной теории осуществимы, только если политические субъекты стремятся их реализовать. Вместе с тем такое исполнение не может рассматриваться в качестве примера реализованного прогноза. Скорее, элементы прогнозирования стоит искать в тех предупреждениях, которые выдвигают сторонники нормативных теорий на случай, если их предписания проигнорируют. Пример дает вывод Н. Энджелла в 1910 г., что, если великие державы не откажутся от империалистических иллюзий, они будут втянуты в катастрофическую войну³.

1 Новейший философский словарь 1999, 548.

2 Кант 2019, 256.

3 Angell 1910.

Хотя деконструирующие теории, в первую очередь, ориентированы на осмысление истоков настоящего, выводы о том, как сформировалась окружающая реальность, их представители порой проецируют на будущее. Так, предположения Э. Линклейтера о перспективах преодоления государственного эгоизма строятся на аналогии с распадом племенных общностей¹. Аналогичным образом А. Вендт обосновывал неизбежность появления мирового государства, исходя из логики предшествовавшего исторического развития².

Такие предположения, выражая телеологический взгляд на исторический процесс, в первую очередь раскрывают ценностные установки их авторов. Они оказываются случаями скрытого нормативизма, маскирующего предписания под видом прогнозов. Подтверждением тому становится отсутствие указаний на конкретные сроки реализации описываемых изменений, которые, как правило, относятся к неопределенно далекому будущему.

Между тем изначальный посыл деконструирующих теорий ставит под сомнение саму возможность прогнозирования. Изучение того, как сложившееся положение сделалось возможным, заведомо предполагает, что оно не было неизбежным. Логика деконструирующих теорий подразумевает наличие неосуществленных альтернатив. Из этой проблематизации следует, что будущее принципиально неопределенно. Соответственно, последовательная приверженность деконструирующему подходу требует скепсиса в отношении предположений о нем³.

На схожих позициях стоят представители интерпретирующих теорий. Замечая изучение реальности осмыслением альтернативных дискурсов и соперничающих нарративов, они в принципе не рассматривают проблему прогнозирования как интригующую. Разделяя с деконструирующими теориями ориентацию на эмансипацию, они не связывают ее с будущим, даже отдаленным. Освобождение понимается как преодоление навязанных представлений, выступая сугубо индивидуальным актом.

Как следствие, эмансипация возможна не когда-то потом, а сейчас, но она требует постоянного подрыва непрекращающихся попыток дискурсивного контроля⁴. Интерпретативные теории исходят из того, что будущее будет таким же, как прошлое, в том смысле, что борьба интерпретаций и навязывание представлений неизбежны. В этом отношении они сближаются с рядом позитивных теорий (реализмом), которые в других отношениях ожесточенно критикуют.

Таким образом, базовые установки нормативных, деконструирующих, интерпретативных вариантов теоретизирования не дают оснований для научного

1 Linklater 1982.

2 Wendt 2003.

3 Противоречие между телеологическими представлениями об истории и социальной критикой, характерное для деконструиющего теоретизирования, остро осознавалось еще классиками общественной мысли. Показательной попыткой найти формулу их примирения выступает известное утверждение Карла Маркса о том, что «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (Маркс 1957, 119).

4 Показательно в этой связи утверждение Мишеля Фуко: «...невозможно никакое общество без отношений властвования, если понимать их как стратегии, посредством которых индивидуумы пытаются руководить, определять действия других...». Таким образом, проблема состоит не в том, чтобы попытаться растворить их в утопии совершенно прозрачной коммуникации, а в том, чтобы обеспечить себя правовыми нормами, техниками управления и моралью, этосом, практикой относительно самих себя, которые позволяют играть в этих играх власти с возможным минимумом доминирования» (см.: Foucault 1994, 727).

прогнозирования. Вероятностные предположения о будущем могут появляться лишь как побочный продукт прескрипций или в результате отступления от строгого следования логике самих этих подходов. На этом фоне позитивные теории ввиду приверженности каузальности должны отличаться большей готовностью к выдвиганию прогнозных оценок. Тем не менее их сторонники также нередко исповедуют скептическое отношение.

Причинность без предсказаний

Объяснительное теоретизирование – наиболее логичная опора прогнозирования, ввиду его сциентистской ориентации на принципиальную познаваемость реальности. В позитивистской концепции науки, разработанной, в частности, К. Гемпелем, объяснение и прогноз предстают зеркальными отражениями друг друга – определить причины событий значит постичь их логику и, следовательно, стать способным делать обоснованные предположения о том, что произойдет в будущем¹.

Такой взгляд разделяет ряд международников, работающих в русле объяснительного подхода. Например, Дж. Миршаймер и С. Уолт утверждали, что прогнозы вообще невозможны без опоры на теоретическое объяснение: «...теория позволяет предсказывать, что важно для нашей повседневной жизни, разработки политики и развития социальных наук[...] поскольку многие аспекты будущего неизвестны, мы обязаны полагаться на теории, чтобы предсказывать, что может произойти»².

Вместе с тем ряд крупных представителей объяснительной теории в исследовании международных отношений скептически оценивали возможность научного прогнозирования. Так, один из основателей дисциплины Г. Моргентау негативно характеризовал попытки предсказывать что-либо, кроме наиболее общих тенденций. В качестве препятствий он выделял неполноту информации о состоянии международно-политической среды и обстоятельствах принятия внешнеполитических решений, а также индетерминизм свободы воли человека³.

Еще более показателен взгляд К. Уолтца. Следуя заветам К. Поппера, он увязывал обоснованность теоретических предположений со сложностью проходимых ими эмпирических проверок – недостаточно оценивать справедливость объяснений на случаях, в которых они заведомо дадут ожидаемый ответ⁴. События, происходившие после формулирования теории, предстают идеальными кандидатами на роль такого рода сложных тестов. Их достоинство уже в том, что они не могли быть источником наблюдений, на которых выстраивалось объяснение.

Тем не менее К. Уолтц прямо оговорил неспособность своей теории структурного реализма предсказать поведение отдельных участников международной политики. Он утверждал, что отношения между государствами определяются

1 Hempel 1966.

2 Mearsheimer, Walt 2013, 436.

3 Morgenthau 1946.

4 Waltz 1979, 13–16.

принуждениями среды, но государства не во всех случаях следуют им. К. Уолтц сравнивал это положение с невозможностью спрогнозировать траекторию падения отдельного листа с дерева на основе ньютоновской теории гравитации¹. Такой оговоркой он резко осложнил перспективы фальсификации собственных построений.

На эту особенность указал Дж. Васкез, отмечая, что в уолтцевской трактовке структурный реализм заведомо не проверяем. Когда все же другие исследователи пытались приложить его к анализу исторических ситуаций, развитие событий противоречило теоретическим ожиданиям. Следуя критериям позитивной науки, Васкез заключал, что теория Уолтца не только некорректна, но и ненаучна, так как не дает основы для конкретных научных предсказаний².

В ответе на критику К. Уолтц осудил увязывание продуктивности теоретизирования со способностью предсказывать конкретные события. Он утверждал, что критерием хорошей теории выступает качество объяснения, а не точность основанных на ней прогнозов. Он приводил пример теории эволюции, выявлявшей логику появления биологических видов, но неспособной оценить, какие изменения с ними произойдут в будущем³. К. Уолтц заключал, что выявление причин не гарантирует возможности прогнозов.

Его аргументацию поддержала группа теоретиков, опубликовавших статью с провокационным названием «Бог дал физике простые проблемы»⁴. В ней авторы осудили попытки аналогий между изучением физических процессов и социальных явлений. Они также вернулись к тезису Моргантау о непредсказуемости человеческого выбора, усложняющей прогнозирование в общественных науках даже в сравнении с объяснением истории биологических видов.

Авторы статьи заключали, что прогнозы отдельных событий в исследовании международных отношений невозможны. Как следствие, они призывали в оценках будущего ориентироваться на сценарный подход к осмыслению перспектив. Они подчеркивали, что сценарии – не предсказания, а обусловленные предположения о возможных трендах⁵. Показательно, что такая критика прогнозирования звучала именно с позиции сторонников объяснительных теорий, а не нормативных, деконструирующих или интерпретативных подходов.

Она базировалась на предложенном ранее противопоставлении различных типов явлений, которые К. Поппер обозначал как «часы» и «облака»⁶. Механические часы выступали образцом предельно детерминированной системы. Если разобрать ее устройство, можно прогнозировать возможные состояния в любой момент времени. Напротив, облака предстают заведомо неопределенными образованиями. Даже глубокое знание атмосферных явлений не позволяет давать точные предсказания формы конкретной тучи.

В рамках противопоставления «облаков» и «часов» отдельным предметным областям приписываются различные позиции на континууме прогнозируемости.

1 Waltz 1979, 20.

2 Vasquez 1997.

3 Waltz 1997.

4 Bernstein et al. 2000.

5 Ibid., 54.

6 Popper 1966.

Одни явления (например, технические устройства) более предсказуемы, чем другие (социальные отношения)¹. Большинство теоретиков согласны в том, что объект «международные отношения» относится к числу «облаков». Соответственно, они не видят противоречия в совмещении интереса к причинности и отказа от прогнозирования².

Такой подход с конца 2000-х гг. стал вызывать критику, апеллировавшую к прикладным задачам науки, а также к предсказательной силе как критерию научности. Ее инициаторами выступили сторонники статистического индуктивизма, опиравшиеся на теорию вероятности, оперирование большими массивами данных и инструменты машинного обучения. С появлением новых методов и технических средств они связывали рост возможностей прогнозирования.

Прогноз как мера познания

Привилегированное положение теории в науке отражало закрепление примата дедуктивной логики познания, требовавшей подведения частных случаев под общие правила. Она прибегала к анализу эмпирики, в первую очередь, для проверки ранее выдвинутых предположений³. Этому подходу противостояла индуктивистская традиция, восходящая к трудам Ф. Бэкона⁴. Она отстаивала примат наблюдений над умозаключениями. С точки зрения Ф. Бэкона, только опора на опыт избавляет от идолов мышления.

Фундаментальный изъян бэконовской традиции, получивший название «проблемы индукции», обозначил Д. Юм. Он указал, что выведение обобщений на основе отдельных примеров исходит из допущения, что случаи, которые мы еще не наблюдали, будут схожи с теми, на которые опираются наши умозаключения⁵. Такое предположение нередко оказывается ошибочным. Хрестоматийным примером выступало убеждение, что все лебеди белые, господствовавшее в Европе до тех пор, пока не были обнаружены черные особи в других Частях Света.

Критика Д. Юма прямо ставила под сомнение обоснованность предсказаний, совершаемых на основе индукции. Тем не менее развитие инструментов сбора и анализа данных реинкарнировало надежды на то, что увеличение числа наблюдений позволит повысить точность прогнозов, следуя представлениям о перерастании количества в качество. Прилив энтузиазма в отношении возможностей индуктивистского подхода стал особенно заметен на рубеже 2000-х–2010-х годов.

Программой оказалась статья публициста К. Андерсона, амбициозно провозгласившая конец научных теорий. Она оптимистично пропагандировала возросшие возможности аккумулирования и обработки больших массивов информации

1 При этом Поппер указывал, что еще в период господства классической физики появлялись критики механистической картины мира, которые утверждали, что даже за строгими законами Ньютона скрывается недооцененный элемент индетерминизма. Открытие квантовых процессов подкрепило эту точку зрения.

2 В этой связи они игнорируют критиков фундаментального индетерминизма. Позицию последних выразил Альберт Эйнштейн, заявляя: «Бог не играет в кости». Письмо Эйнштейна Макс Борну от 4 декабря 1926 г. (см.: Born and Einstein 1971, 91). Цитируемое утверждение было написано ввиду неприятия Эйнштейном принципиального индетерминизма квантовой теории. Оно впоследствии нашло отражение в критической статье Einstein, Podolsky and Rosen 1935. Этот подход исходит из того, что все «облака» на самом деле «часы», а представление о принципиальной непрогнозируемости – интеллектуальное капитулянтство.

3 См.: Поппер 2004.

4 Бэкон 2018.

5 Юм 2019.

с помощью компьютерных средств. Андерсон заключал, что многомерный статистический анализ столь значительного числа наблюдений обеспечивал получение предсказаний высокой точности, даже без определения причин выявляемых закономерностей.

Его пафос был прямо направлен против объяснительной теории, опирающейся на гипотетико-дедуктивную модель познания: «Петабайты позволяют нам сказать: “Корреляции достаточно”. Мы можем перестать искать модели. Мы можем анализировать данные без гипотез о том, что они могут нам сказать. Мы можем бросить числа в самые большие вычислительные кластеры, которые когда-либо видел мир, и позволить статистическим алгоритмам находить закономерности там, где их не может найти наука»¹.

Архетипическим для К. Андерсона был опыт компании «Гугл», разрабатывавшей алгоритмы Интернет-поиска для предсказания запросов пользователей. Вместо того чтобы выяснять, почему люди открывают те или иные страницы, «Гугл» ориентировался на частотность запросов различных аудиторий и с учетом собираемых данных адаптировал выдачи. Андерсон утверждал – превосходство прогнозов, опирающихся на статистику, а не теории, обеспечит доминирование индуктивизма в научном познании.

В том же 2008 г. Н. Сильвер продемонстрировал продуктивность анализа данных для предсказания политических событий. Используя алгоритмы взвешенного агрегирования, он дал корректный прогноз итогов электоральной кампании в США для всех, кроме одного штатов. В 2012 г. он улучшил результат, представив точную оценку распределения всех выборщиков в стране². Этот успех породил множество подражателей, сформировав моду на статистические модели в электоральной аналитике³.

Для прогнозирования выборов Н. Сильвер адаптировал инструменты, которые ранее использовал в оценке спортивных турниров. Он брал данные опросов общественного мнения, придавал им различный вес с учетом степени отклонения их результатов от развития событий в прошлом, а потом рассчитывал средний показатель. При этом он не обращал внимания на причины, определявшие исход выборов, не рассматривал программы кандидатов, их агитацию, предшествующий опыт или медийный образ, ограничиваясь статистической вероятностью.

Еще одним влиятельным голосом в поддержку статистического индуктивизма выступил Ф. Тетлок, проводивший конкурсы политических прогнозистов. Его исследования продемонстрировали, что наиболее точные предсказания давали респонденты, не склонные к догматизму одной объяснительной схемы, а, наоборот, характеризующиеся открытостью мышления⁴. Кроме того, преимущество в оценивании шансов наступления политических событий давало владение теорией вероятности.

1 Chris Anderson, "The End of Theory: The Data Deluge Makes the Scientific Method Obsolete," *The Wired*, June 23, 2008, accessed March 12, 2024, <https://www.wired.com/2008/06/pb-theory/>.

2 Luke Harding, "Numbers nerd Nate Silver's forecasts prove all right on election night," *The Guardian*, November 7, 2012, accessed March 12, 2024, <https://www.theguardian.com/world/2012/nov/07/nate-silver-election-forecasts-right>.

3 Jay Caspian Kang, "What Was Nate Silver's Data Revolution?" *The New Yorker*, June 13, 2023, accessed March 12, 2024, <https://www.newyorker.com/news/our-columnists/what-was-nate-silvers-data-revolution>.

4 Tetlock 2017; Tetlock, Gardner 2016.

Эти результаты согласовывались с экспериментами психологов, выявивших ориентацию человеческого мышления на когнитивную согласованность. Оно склонно встраивать получаемую информацию во внутренне непротиворечивые истории. Поиск рациональных объяснений может приводить к недооценке роли случая. Работы Д. Канемана и А. Тверски показали, что опора на частотность аналогичных событий позволяет получать более точные прогнозы, чем рассуждения на основе поиска причин¹.

Провозвестником статистического индуктивизма в исследованиях международных отношений стал М. Уорд, в середине 2010-х гг. выступивший с осуждением засилья теории². Развивая критику Дж. Васкеза, он обвинил теоретиков (не только К. Уолтца) в низкой предсказательной силе их построений, ввиду недостаточно четкой операционализации переменных, множественных оговорок, волюнтаристского подбора примеров для подтверждения правоты. Между тем М. Уорд утверждал, что именно предсказательная сила выступает критерием оценки истинности научных суждений.

Его критика сопутствовала росту числа публикаций, выдвигавших на основе статистического анализа предиктивные предположения относительно динамики вооруженных конфликтов, террористической активности, политического насилия³. Он лично участвовал в прогнозных исследованиях рисков гражданских и межгосударственных противостояний, смещения политических лидеров, а также в разработке методов предсказания геополитических событий путем комбинирования экспертных и машинных оценок⁴.

Перечисленные примеры свидетельствуют, что наибольший интерес к прогнозированию демонстрировали специалисты, изучающие различные типы политического насилия⁵. Еще ранее среди них широкое распространение приобрело использование статистических методов. Они применялись преимущественно для тестирования моделей на основе массивов данных о предшествующих событиях. Такие исследования продолжали следовать в русле гипотетико-дедуктивной модели.

Новой тенденцией 2010-х гг. стало внедрение прогнозов на основе машинного обучения. Оно использовало алгоритмы, в которых заранее не закладываются предположения о возможных закономерностях. Вместо этого они выявляли множественные взаимосвязи в массиве данных и на их основе выдавали предсказания о последующих случаях. Этот подход не только исключил опору на теоретические предположения, но и не предполагал получение обобщений по итогу работы⁶.

Машинное обучение строится даже не на восхождении от частного к общему, присущем индуктивной логике, а на выведении по аналогии – оценки делаются на основе выявления сходств с предшествующими наблюдениями без

1 Tversky, Kahneman 1983.

2 Ward 2016; 2017.

3 См., например: Goldstone et al. 2010; Brandt et al. 2011; Raghavan, Galstyan, and Tartakovsky 2013; Colaresi, Mahmood 2017; Schutte 2017; Hegre et al. 2019; Hossain et al. 2020; Hegre, Vesco, and Colaresi 2022.

4 Ward, Greenhill, and Bakke 2010; Gleditsch and Ward 2013; Ward, Beger 2017; Benjamin et al. 2023.

5 Hegre et al. 2017; Chadeaux 2017; D'Orazio 2020.

6 Нужно оговориться, что любые статистические методы опираются на математическую науку, включая теорию вероятности.

формулирования обобщений. Такой подход априори не предполагает возможности целостного объяснения получаемых выводов. По сути, его сторонники воспроизводят позицию представителей копенгагенской интерпретации квантовой теории. По колкому замечанию Н.Д. Мермина, последние на вопросы о странностях взаимодействия элементарных частиц отвечали окриком: «Заткнись и вычисляй!»¹.

Хотя статистический индуктивизм и машинное обучение в исследовании международных отношений до сих пор не получили распространения за пределами отдельных субдисциплин, вопрос о перспективах их широкого внедрения стоит остро. Показательно, что объектом критики М. Уорда выступали ведущие международники, а не только конфликтологи. В этой связи следует оценить оправданность выводов статистического индуктивизма о бесплодности теории для прогнозирования и перерастании количества данных в качество прогнозов.

Quo Vadis?

В основе аргументации статистического индуктивизма лежат три взаимосвязанных утверждения. Во-первых, прогноз – основной продукт исследовательской деятельности, определяющий как ее прикладную ценность, так и валидность умозаключений. Во-вторых, существующие теоретические объяснения не обеспечивают основы для прогнозирования ввиду недостаточной строгости их положений. В-третьих, многомерный анализ больших массивов данных позволяет давать предсказания без опоры на объяснительные теории.

Сторонники гипотетико-дедуктивной модели познания редко впрямую оспаривают эти положения. Как отмечалось выше, они, в первую очередь, апеллируют к непредсказуемости человеческого поведения. Однако этот тезис противоречит опыту изучения других областей общественной жизни, дающего успешные примеры прогнозов социальных взаимодействий². Показательно также, что в отношении прогнозирования ряда явлений, считавшихся слабо предсказуемыми, впоследствии был достигнут заметный прогресс³.

Кроме того, указание на элементы индетерминизма в международных отношениях игнорирует вероятностный характер оценок, выдвигаемых сторонниками статистического индуктивизма. Последние не претендуют на обладание хрустальным шаром для чтения будущего. Они лишь утверждают, что оперирование большими массивами данных обеспечивает большую точность прогнозов по сравнению с опирающимися на теорию умозаключениями.

Более изощренным предстает контраргумент о малом числе наблюдений. Не оспаривая продуктивность статистического индуктивизма в иных областях, он сетует на отсутствие условий для этого подхода в международных отношениях. Исходя из того, что изначально проблемное поле дисциплины определялось

1 Mermin 1989.

2 В частности, упомянутые предсказания результатов выборов.

3 Например, в середине XIX в. принципиально нерешаемой считалась задача прогнозирования погоды. Впоследствии метеорология добилась значительного прогресса в этой области. Даже за последние десятилетия произошли революционные изменения – к рубежу 2020-х гг. прогнозы метеорологов на пять дней достигли того же уровня точности, какой в 1980-х гг. характеризовались прогнозы на ближайшие сутки (см.: Alley, Emanuel, and Zhang 2019).

страхом мировых войн, ее предметом выступало действительно редкое явление. За последние пять веков в среднем на столетие насчитывалось по два общесистемных конфликта между великими державами¹ – выборка недостаточная для статистических оценок.

В то же время предметное поле исследований международных отношений с течением времени расширилось до изучения всего комплекса взаимодействий между государствами и другими типами субъектов. Они имеют множество эмпирических проявлений, включая политические заявления, визиты, переговоры, подписание совместных документов, введение санкций, направление войск и др. Совокупность этих фактов обеспечивает обширный материал для статистического анализа².

Реализация проектов создания Интегрированной системы раннего предупреждения о кризисах (*Integrated Crisis Early Warning System, ICEWS*) и Глобальной базы данных событий, языков и тональностей (*Global Database of Events, Language, and Tone, GDELT Project*) подтвердила возможность формирования структурированных массивов гранулированной информации о политических событиях³. Соответственно, аргументы о дефиците сведений или о сложностях их сбора в исследовании международных отношений становятся все менее релевантными.

Недостатки описанной критики статистического индуктивизма возвращают к вопросу обоснованности его базовых положений. При внимательном рассмотрении они оказываются весьма уязвимы. В первую очередь, сомнения вызывает вера в эвристическую ценность аккумулирования данных без опоры на теоретическую базу. Опыт использования машинного обучения в других областях дает немало примеров искажений в результатах, обусловленных содержанием тех массивов, на которых обучаются алгоритмы.

В частности, корпорация *Amazon* была вынуждена отказаться от внедрения искусственного интеллекта для найма сотрудников, потому что разработанная ею система дискриминировала женщин в процессе отбора. По итогам обработки резюме за предшествующие годы алгоритм выявил, что кандидатуры мужчин одобрялись чаще, и стал рекомендовать только их⁴. Аналогичные проблемы возникали при применении машинного обучения в правоохранительной сфере – использование полицейских архивов для обучения алгоритмов в США давало искаженные прогнозные оценки, завышавшие вероятность совершения преступлений представителями отдельных этнических, расовых групп⁵.

1 Braumoeller 2019, 26.

2 В качестве аналогии можно привести пример революции в футбольной аналитике. Футбол отличается от других видов спорта низкой результативностью (главное событие в игре – гол, но множество матчей заканчивается счетом 0:0) и малой структурированностью (правила не разграничивают игровое поле на большое количество зон, время таймов не останавливается в случае пауз между игровыми эпизодами). В результате до начала 2010-х гг. статистические методы находили меньшее применение в анализе по сравнению с другими играми (американским футболом, баскетболом, бейсболом, хоккеем, шахматами). Тем не менее внедрение инструментов продвинутой статистики (например, показателя xG, оценивающего ожидаемые голы в матче) способствовало повышению значения количественного анализа в этой области деятельности (см.: Rein, Memmert 2016; Goes et al. 2021).

3 Ward et al. 2013.

4 Datin J., "Insight – Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women," Reuters, October 11, 2018, accessed March 12, 2024, <https://www.reuters.com/article/idUSKCN1MK0AG/>.

5 Richardson, Schultz, and Crawford 2019; Ugwuodike 2022.

Приведенные примеры демонстрируют, что рост технических возможностей в вопросах сбора и обработки информации не устраняет вопрос о том, какие данные релевантны для решения поставленных задач. Теория остается востребована при классификации явлений, без которой невозможно формирование массивов для последующего обучения самых совершенных алгоритмов. Причем прояснением природы наблюдаемого, в первую очередь, озабочены деконструирующие подходы.

Не менее спорным выступает тезис о бесполезности объяснений для прогнозирования. Он слабо согласуется с опытом сопоставления прогнозных оценок на основе дедуктивных объяснений и механистической обработки больших массивов. В частности, Р. Блэр и Н. Самбанис продемонстрировали, что в предсказании вероятности инициирования гражданских войн индуктивный подход, опирающийся на статистическую обработку больших объемов данных, проигрывает в точности процедурным моделям, построенным на дедуктивно-обоснованных переменных¹.

В дискуссии, вызванной этим исследованием, даже сторонники статистического индуктивизма, включая М. Уорда, согласились, что вопрос о прогностической ценности теоретических объяснений должен решаться на основе эмпирического анализа². Иными словами, они были вынуждены признать, что не все теории одинаково бесполезны. При этом они сохраняли требование определять научную значимость объяснений их предиктивной способностью – критерий, по-прежнему вызывающий отторжение у теоретиков.

Наконец, проблематичен продвигаемый статистическим индуктивизмом тезис о примате прогнозных задач. В частности, некорректно увязывать прикладное значение исследований исключительно со способностью давать предсказания будущих событий. Практиков интересует не столько собственно прогнозирование, сколько вклад познавательной деятельности в решение управленческих проблем, которые перед ними встают.

Показательно, что в период становления дисциплины прикладной запрос обусловил доминирование нормативного теоретизирования. Такое положение отражало ориентацию познавательной деятельности на преобразование международной действительности, пусть и вызывая обвинения в прожектерстве. Даже сторонники реализма, критиковавшие нормативизм, выводили из своих умозаключений прикладные рекомендации по выстраиванию внешнеполитического курса.

Таким образом, в глазах практиков полезность прогнозных оценок и иных результатов исследования увязана с возможностями оказания управляющего воздействия на развитие событий в выгодную для себя сторону. Прогнозы, не подкрепленные объяснением логики развития событий, не обеспечивают оснований для принятия решений, так как не раскрывают механизмы, определяющие их динамику. Они не дают ответа, как различные действия могут способствовать достижению предпочтительного варианта будущего.

1 Blair, and Sambanis 2020.

2 Beger, Morgan, and Ward 2021.

Соответственно, принципиальная необъяснимость результатов, полученных на основе машинного обучения, понижает их прикладную ценность. Как следствие, растет запрос на «объяснимый искусственный интеллект» (*Explainable Artificial Intelligence*) – такой, который сможет эксплицировать закономерности, лежащие в основе получаемых оценок. Однако на пути его построения сохраняются не только технические, но и концептуальные сложности¹.

Наибольшему удовлетворению прикладных запросов способствовало бы совмещение объяснительного теоретизирования и предсказательных разработок в качестве взаимодополняющих подходов. Опыт предшествующих дебатов о предназначении научного знания в исследовании международных отношений побуждает ожидать, что на смену взаимным обвинениям придет достижение именно такого компромисса. Более того, дисциплины, испытавшие воздействие статистического индуктивизма ранее, демонстрировали аналогичную эволюцию.

Так, 1990-е гг. были отмечены ростом интереса к доказательной медицине, приоритезировавшей клинические испытания над другими источниками медицинского познания². Ключевым критерием выбора лечения постулировались результаты рандомизированных контролируемых экспериментов, обобщаемые в рамках метаанализа. При этом отвергались иные основания медицинских суждений, в том числе отражавшие теоретические представления об устройстве организма и природе болезней.

К середине десятилетия радикализм новомодного подхода сменился признанием необходимости соединения опоры на экспериментальные данные с поиском механизмов, объясняющих эффективность рекомендуемых способов и средств медицинского вмешательства³. Оно сопровождалось ростом требований к доказательной проверке предположений относительно последних. Таким образом, на смену острому противостоянию в медицинских науках пришел компромисс.

В исследованиях международных отношений условием продуктивного совмещения объяснительного теоретизирования и статистического индуктивизма также должно стать изменение отношения к предиктивным оценкам. До сих пор в дисциплине фактически отсутствуют механизмы санации не оправдавших себя умозаключений, для поддержания на плаву последних всегда можно откопать ряд исторических примеров. Сопоставление научных предположений с последующим развитием событий дало бы мощный инструмент проверки дедуктивных построений.

Доминирующий скепсис в отношении прогнозирования становится барьером на пути развития дисциплины. В дискуссиях о том, может ли и должно ли объяснение выступать основанием для предсказаний, недооцененной остается потенциальная роль прогнозов в качестве основы для совершенствования теоретизирования. Внедрение прогнозирования в качестве критерия обоснованности умозаключений осложнит жизнь теоретиков, но сделает их работу более научно доказательной, а результаты более практически применимыми.

1 Gunning 2019.

2 Guyatt et al. 1992.

3 Andersen 2012; Howick 2011.

Заключение

Исследования международных отношений за столетие с момента институционализации дисциплины разрослись в обширную семью подходов, концепций и субдисциплин. Не всегда отношения в сообществе складываются гладко, имеется множество внутренних разногласий и конфликтов. Например, объяснительное теоретизирование занимает главенствующие позиции, но его статус постоянно оспаривается. Появляются все новые амбициозные альтернативы.

На фоне этой богатой и разнообразной жизни прогнозирование долгое время оставалось на позициях Золушки в дисциплине. Развернувшаяся с 2010-х гг. дискуссия, подпитываемая аналогичными обсуждениями в других областях научного знания, привлекла к нему дополнительное внимание. Распространение статистического индуктивизма, определившего предсказательную силу в качестве главного и единственного критерия научности, ставит под сомнение устоявшееся положение вещей в дисциплине.

Традиционный тезис о принципиальной непредсказуемости международных отношений удобен тем, что снимает ответственность с исследователей, избавляет их от необходимости подвергать риску собственную репутацию. Тем не менее дефицит научно обоснованных предсказаний оставляет лакуну, которую нередко заполняют псевдоакадемические спекуляции и заведомо антинаучные построения. В этом отношении уклонение исследователей от выдвижения прогнозных оценок порождает негативные последствия.

Следует признать, что нормативные, деконструирующие, интерпретативные теории в силу своих базовых онтологических установок мало предрасположены к выдвижению прогностических следствий. Между тем проверка на предмет предсказательной способности позволила бы повысить качество научных объяснений. Тем более, что подобный шаг не требует капитуляции перед вызовом статистического индуктивизма. Наоборот, он способен укрепить позиции теоретиков, устранив уязвимые для критики дедуктивные построения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Богатуров, А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. № 1. С. 16–33.

Bogaturov, Alexey D. "The Notion of World Politics in Theoretical Discourse." *International Trends*, no. 1 (2004): 16–33 [In Russian].

Бэкон, Ф. Новый Органон. М.: РИПОЛ классик, 2018.

Bacon, Francis. *Novum Organum*. Moscow: RIPOЛ klassik, 2019 [In Russian].

Иноземцев, Н.Н. et al. Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы. М.: Аспект пресс, 2022.

Inozemtsev, Nikolay N. *Foundations of the International Relations Theory: the Record of Institute of World Economy and International Relations in the 1970s*. Moscow: Aspekt press, 2022 [In Russian].

Кант, И. К вечному миру. М.: РИПОЛ классик, 2019.

Kant, Immanuel. *Zum Ewigen Frieden. Ein Philosophischer Entwurf*. Moscow: RIPOЛ klassik, 2019 [In Russian].

Кокошин, А.А. Методологические проблемы прогнозирования в интересах национальной безопасности России. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.

Kokoshin, Andrey A. *Methodological Challenges of Forecasting in the Interests of National Security of Russia*. Moscow: Institute of Oriental studies, 2014 [In Russian].

Косолапов, Н.А. et al. О попытке создания теории международных отношений в ИМЭМО в 1970-е годы // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 4. С. 80–91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-4-80-91>.

Kosolapov, Nikolay A. et al. "About an Attempt to Create International Relations Theory in Institute of World Economy and International Relations in the 1970s." *World Economy and International Relations*, no. 4 (2021): 80–91 [In Russian].

Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

Marx, Karl. "18th Brumaire of Louis Bonaparte." Marx Karl, and Fridrich Engels. Works. Second edition. Vol. 8. Moscow: State Publishing House for Political Literature, 1957 [In Russian].

Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанов. Минск: В.М. Скакун, 1999.

Newest Philosophical Dictionary. Edited by Alexander A. Gritsanov. Minsk: V.M. Skakun, 1999 [In Russian].

Поздняков, Э.А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976.

Pozdnyakov, Elgiz A. *System Approach and International Relations*. Moscow: Science, 1976 [In Russian].

Поппер, К. Предположения и опровержения. М.: АСТ, 2004.

Popper, Karl. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. Moscow: AST, 2004 [In Russian].

Сафранчук, И.А., Лукьянов, Ф.А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 57–76.

Safranchuk, Ivan A., and Fyodor A. Lukyanov. "Modern World Order: Structural Realities and Competition Among Great Powers." *Polis. Political Studies*, no. 3 (2021): 57–76 [In Russian].

Стратегическое прогнозирование международных отношений / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. М.: МГИМО – Университет, 2016.

Podberyezkin, Alexey I., Aleksandrov, Mikhail V. *Strategic Forecasting of International Relations*. Moscow: MGIMO University, 2016 [In Russian].

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики. Том 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО – Университет, 2015.

Podberyezkin, Alexey I. *Strategic Forecasting and Planning in Foreign and Defense Policy. Volume 1. Theoretical Foundations of the System of Analysis, Forecasting and Planning Foreign and Defense Policy*. Moscow: MGIMO – University, 2015 [In Russian].

Фукидид. История. СПб.: Наука, 1999.

Thucydides. *History*. Saint Petersburg: Science, 1999 [In Russian].

Хрусталева, М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: НОФМО, 2008.

Khrustalev, Mark A. *Analysis of International Situations and Political Expertise*. Moscow: NOFMO, 2008 [In Russian].

Черкасов, П.П. ИМЭМО. Очерк истории. М.: Весь мир, 2016.

Cherkasov, Pyotr P. *Institute of World Economy and International Relations. History Essay*. Moscow: Whole World, 2016 [In Russian].

Юм, Д. Исследование о человеческом разумении. М.: Эксмо, 2019.

Hume, David. *An Enquiry Concerning Human Understanding*. Moscow: Eksmo, 2019 [In Russian].

Alley, Richard B., Kerry A. Emanuel, and Fuqing Zhang. "Advances in Weather Prediction." *Science* 363, issue 6425 (2019): 342–344. <https://doi.org/10.1126/science.aav7274>.

Andersen, Holly. "Mechanisms: What are They Evidence for in EvidenceBased Medicine?" *Journal of Evaluation in Clinical Practice* 18, no. 5 (2012): 992–999. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2753.2012.01906.x>.

Angell, Norman. *The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to Their Economic and Social Advantage*. London: W. Heinemann, 1910.

Ashley, Richard K. "Political Realism and Human Interests." *International Studies Quarterly* 25, no. 2 (1981): 204–236. <https://doi.org/10.2307/2600353>.

Beger, Andreas, Richard K. Morgan, and Michael D. Ward. "Reassessing the Role of Theory and Machine Learning in Forecasting Civil Conflict." *Journal of Conflict Resolution* 65, no. 7–8 (2021): 1405–1426. <https://doi.org/10.1177/0022002720982358>.

Benjamin, Daniel M., et al. "Hybrid Forecasting of Geopolitical Events." *AI Magazine* 44, no. 1 (2023): 112–128. <https://doi.org/10.1002/aaai.12085>.

Bernstein, Steven, et al. "God Gave Physics the Easy Problems: Adapting Social Science to an Unpredictable World." *European Journal of International Relations* 6, no. 1 (2000): 43–76. <https://doi.org/10.1177/135406610006001003>.

Blair, Robert A., and Nicholas Sambanis. "Forecasting Civil Wars: Theory and Structure in an Age of 'Big Data' and Machine Learning." *Journal of Conflict Resolution* 64, no. 10 (2020): 1885–1915. <https://doi.org/10.1177/0022002720918923>.

Booth, Ken. "International Relations: The Story So Far." *International Relations* 33, no. 2 (2019): 358–390. <https://doi.org/10.1177/0047117819851>.

Born M., Einstein A. *The Born-Einstein Letters*. London: Macmillan, 1971.

Brandt, Patrick T., John R. Freeman, and Philip A. Schrod. "Real Time, Time Series Forecasting of Inter- and Intra-State Political Conflict." *Conflict Management and Peace Science* 28, no. 1 (2011): 41–64. <https://doi.org/10.1177/0738894210388125>.

Braumoeller, Bear F. *Only the Dead: The Persistence of War in the Modern Age*. Oxford University Press, 2019.

Carr E.H. *The Twenty Years' Crisis 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London: Macmillan, 1939.

Chadefaux, Thomas. "Conflict Forecasting and Its Limits." *Data Science* 1, no. 1–2 (2017): 7–17. <https://doi.org/10.3233/DS-170002>.

Choucri, Nazli. "Forecasting in International Relations: Problems and Prospects." *International Interactions* 1, no. 2 (1974): 63–86. <https://doi.org/10.1080/03050627408434390>.

Choucri, Nazli, and Th. W. Robinson. *Forecasting in International Relations: Theory, Methods, Problems, Prospects*. San Francisco: W. H. Freeman, 1978.

Colaresi, Michael, and Zuhaib Mahmood. "Do the Robot: Lessons from Machine Learning to Improve Conflict Forecasting." *Journal of Peace Research* 54, no. 2 (2017): 193–214. <https://doi.org/10.1177/0022343316682065>.

David Mermin, N. "What's Wrong with This Pillow?" *Physics Today* 42, no. 4 (1989): 9–11. <https://doi.org/10.1063/1.2810963>.

D'Orazio, Vito. "Conflict Forecasting and Prediction." *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 2020. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.514>.

Einstein, Albert, Boris Podolsky, and Nathan Rosen. "Can Quantum-Mechanical Description of Physical Reality Be Considered Complete?" *Physical Review* 47, no. 10 (1935): 777–780. <https://doi.org/10.1103/PhysRev.47.777>.

Finnemore M. *National Interests in International Society*. Ithaca: Cornell University Press, 1996.

Foucault, Michel. *Dits et Écrits 1954–1988* (IV: 1980–1988). Gallimard, 1994.

Freeman, John R., and Brian L. Job. "Scientific Forecasts in International Relations: Problems of Definition and Epistemology." *International Studies Quarterly* 23, no. 1 (1979): 113–143. <https://doi.org/10.2307/2600276>.

Galtung, Johan. *Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization*. Oslo: International Peace Research Institute, 1996.

Gleditsch, Kristian Skrede, and Michael D. Ward. "Forecasting is Difficult, Especially About the Future: Using Contentious Issues to Forecast Interstate Disputes." *Journal of Peace Research* 50, no. 1 (2013): 17–31. <https://doi.org/10.1177/0022343312449033>.

Goes, F. R., et al. "Unlocking the Potential of Big Data to Support Tactical Performance Analysis in Professional Soccer: A Systematic Review." *European Journal of Sport Science* 21, no. 4 (2021): 481–496. <https://doi.org/10.1080/017461391.2020.1747552>.

Goldstone, Jack A., et al. "A Global Model for Forecasting Political Instability." *American Journal of Political Science* 54, no. 1 (2010): 190–208. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00426.x>.

Gunning, David, et al. "XAI—Explainable Artificial Intelligence." *Science Robotics* 4, no. 37 (2019): eaay 7120. <https://doi.org/10.1126/scirobotics.aay7120>.

Guyatt, Gordon, et al. "Evidence-Based Medicine: A New Approach to Teaching the Practice of Medicine." *Jama* 268, no. 17 (1992): 2420–2425. <https://doi.org/10.1001/jama.1992.03490170092032>.

Hegre, Håvard, et al. "ViEWS: A Political Violence Early-Warning System." *Journal of Peace Research* 56, no. 2 (2019): 155–174. <https://doi.org/10.1177/0022343319823860>.

Hegre, Håvard, et al. "Introduction: Forecasting in Peace Research." *Journal of Peace Research* 54, no. 2 (2017): 113–124. <https://doi.org/10.1177/0022343317691330>.

Hegre, Håvard, Paola Vesco, and Michael Colaresi. "Lessons from an Escalation Prediction Competition." *International Interactions* 48, no. 4 (2022): 521–554. <https://doi.org/10.1080/03050629.2022.2070745>.

Hempel, Carl G. *Philosophy of Natural Science*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966.

Hoffmann, Stanley. *Duties beyond Borders: on the Limits and Possibilities of Ethical International Politics*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1981.

Hossain, KSM Tozammel, et al. "Forecasting Violent Events in the middle East and North Africa Using the Hidden Markov Model and Regularized Autoregressive Models." *The Journal of Defense Modeling and Simulation* 17, no. 3 (2020): 269–283. <https://doi.org/10.1177/1548512918814698>.

Howick, Jeremy. "Exposing the Vanities and a Qualified Defense of Mechanistic Reasoning in Health Care Decision Making." *Philosophy of Science* 78, no. 5 (2011): 926–940. <https://doi.org/10.1086/662561>.

Jackson, Patrick Thaddeus. "Causal Claims and Causal Explanation in International Studies." *Journal of International Relations and Development* 20 (2017): 689–716. <https://doi.org/10.1057/jird.2016.13>.

Linklater, Andrew. *Men and Citizens in the Theory of International Relations*. London: Macmillan, 1982.

Lynch, Cecelia. *Interpreting International Politics*. Oxon: Routledge, 2013.

Mearsheimer, John J., and Stephen M. Walt. "Leaving Theory Behind: Why Simplistic Hypothesis Testing is Bad for International Relations." *European Journal of International Relations* 19, no. 3 (2013): 427–457. <https://doi.org/10.1177/1354066113494320>.

Morgenthau, Hans J. *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago, Ill.: The University of Chicago press, 1946.

Neufeld, Mark. "Interpretation and the 'Science' of International Relations." *Review of International Studies* 19, no. 1 (1993): 39–61. <https://doi.org/10.1017/S0260210500117334>.

Popper, Karl R. *Of Clouds and Clocks: An Approach to the Problem of Rationality and the Freedom of Man*. Washington University, 1966.

Price, Richard, and Christian Reus-Smit. "Dangerous Liaisons? Critical International Theory and Constructivism." *European Journal of International Relations* 4, no. 3 (1998): 259–294. <https://doi.org/10.1177/1354066198004003001>.

Raghavan, Vasanthan, Aram Galstyan, and Alexander G. Tartakovsky. "Hidden Markov Models for the Activity Profile of Terrorist Groups." *The Annals of Applied Statistics* (2013): 2402–2430. <https://doi.org/10.1214/13-AOAS682>.

Rein, Robert, and Daniel Memmert. "Big Data and Tactical Analysis in Elite Soccer: Future Challenges and Opportunities for Sports Science." *SpringerPlus* 5 (2016): 1–13. <https://doi.org/10.1186/s40064-016-3108-2>.

Richardson, Rashida, Jason M. Schultz, and Kate Crawford. "Dirty Data, Bad Predictions: How Civil Rights Violations Impact Police Data, Predictive Policing Systems, and Justice." *NYUL Rev. Online* 94 (2019): 15–55.

Schneider, Gerald, Nils Petter Gleditsch, and Sabine Carey. "Forecasting in International Relations: One Quest, Three Approaches." *Conflict Management and Peace Science* 28, no. 1 (2011): 5–14. <https://doi.org/10.1177/0738894210388079>.

Schutte, Sebastian. "Regions at Risk: Predicting Conflict Zones in African Insurgencies." *Political Science Research and Methods* 5, no. 3 (2017): 447–465. <https://doi.org/10.1017/psrm.2015.84>.

State Sovereignty as Social Construct, edited by T.J. Biersteker, C. Weber. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Tetlock, Philipp E. *Expert Political Judgment: How Good is It? How Can We Know?* Princeton: Princeton University Press, 2017.

Tetlock, Philipp E., and Dan Gardner. *Superforecasting: The Art and Science of Prediction*. Random House, 2016.

Tversky, Amos, and Daniel Kahneman. "Extensional versus Intuitive Reasoning: The Conjunction Fallacy in Probability Judgment." *Psychological Review* 90, no. 4 (1983): 293–315. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-295X.90.4.293>.

Ugwudike, Pamela. "Predictive Algorithms in Justice Systems and the Limits of Tech-Reformism." *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy* 11, no. 1 (2022): 85–99. <https://doi/10.3316/informit.379473425080819>.

Vasquez, John A. "The Realist Paradigm and Degenerative versus Progressive Research Programs: An Appraisal of Neotraditional Research on Waltz's Balancing Proposition." *American Political Science Review* 91, no. 4 (1997): 899–912. <https://doi.org/10.2307/2952172>.

Waltz, Kenneth N. "Evaluating Theories." *American Political Science Review* 91, no. 4 (1997): 913–917. <https://doi.org/10.2307/2952173>.

Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley, 1979.

Walzer, Michael. *Just and Unjust Wars: a Moral Argument with Historical Illustrations*. N.Y.: Basic Books, 1977.

Ward, Michael D., et al. "Comparing GDELT and ICEWS Event Data." *Analysis* 21, no. 1 (2013): 267–297.

Ward, Michael D. "Can we Predict Politics? Toward What End?" *Journal of Global Security Studies* 1, no. 1 (2016): 80–91. <https://doi.org/10.1093/jogss/ogv002>.

Ward, Michael D. "Do We Have Too Much Theory in International Relations or Do We Need Less? Waltz was Wrong, Tetlock was Right." *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.301>.

Ward, Michael D., and Andreas Beger. "Lessons from Near Real-Time Forecasting of Irregular Leadership Changes." *Journal of Peace Research* 54, no. 2 (2017): 141–156. <https://doi.org/10.1177/0022343316680858>.

Ward, Michael D., Brian D. Greenhill, and Kristin M. Bakke. "The Perils of Policy by p-value: Predicting Civil Conflicts." *Journal of Peace Research* 47, no. 4 (2010): 363–375. <https://doi.org/10.1177/0022343309356491>.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Wendt, Alexander. "Why a World State is Inevitable." *European Journal of International Relations* 9, no. 4 (2003): 491–542. <https://doi.org/10.1177/135406610394001>.

Сведения об авторе

Игорь Александрович Истомин,

к. полит.н, доцент, и.о. заведующего кафедры прикладного анализа международных проблем (ПАМП) МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76

e-mail: iaistomin@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 23 апреля 2024.

Переработана: 17 мая 2024.

Принята к публикации: 20 мая 2024.

Сведения о финансировании

Публикация подготовлена в рамках гранта на реализацию МГИМО МИД России программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Благодарность

Предыдущие версии исследования прошли апробацию в рамках совместного научного семинара МГИМО – НИУ «Высшая школа экономики» 27 января 2023 г. и на заседании исследовательской лаборатории «Стратегия, статус и этика в международном обществе» 12 апреля 2023 года. Автор выражает признательность участникам обоих обсуждений за ценные комментарии и критику.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Истомин, И.А. В будущее возьмут не всех? Место прогнозирования в международно-политических теориях // Международная аналитика. 2024. Том 15 (2). С. 36–56.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-36-56>

Not Everyone Will Be Taken into the Future? The Role of Forecasting in International Relations Theory

ABSTRACT

The 2010s witnessed intensified debates in international academia on the relationship between theory and forecast, but Russian scholarship remained detached from these discussions. This article intends to examine the contribution of theory to forecasting in IR, identifying prospects for combining the prescriptive, explanatory, interpretive and predictive functions of science. It reveals the origins of both theoretical skepticism about prediction and the counter criticism of futile theorizing. The article reveals the limitations of both the hypothetico-deductive model of scholarship, which dominates the discipline, and the statistical inductivism that opposes it. The analysis begins by identifying the different classes of theories in international relations studies. It demonstrates that the basic assumptions of normative, deconstructive, and interpretive theorizing are poorly compatible with prediction. The article further scrutinizes the ambivalent attitude of explanatory theories towards the matter, claiming the fundamental unpredictability of social interactions. It explores the growth in expectations since the late 2000s that the accumulation of big data and the advancement of methods for processing them will provide predictions without relying on explanatory inferences. Nevertheless, the value of scholarship for foreign policy practice requires a combination of theoretical explanations and predictive studies. This article suggests that for theory to play a major role in forecasting, forecasts must play a major role in theorizing. In this sense, reluctance to test their logical inferences with predictions exemplified by scholars poses a barrier to the development of IR studies.

KEYWORDS

theory, forecast, hypothetico-deductive model, statistical inductivism, machine learning

Author

Igor A. Istomin,

PhD (Polit. Sci), Associate Professor, Head of the Department of Applied International Political Analysis,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: iaistomin@gmail.com

Additional information

Received: April 23, 2024. Revised: May 17, 2024. Accepted: May 20, 2024.

Funding

The article was prepared within the framework of a grant for the implementation of the MGIMO strategic academic leadership program "Priority-2030."

Acknowledgment

Previous versions of the study were tested at a joint scientific seminar of MGIMO – National Research University Higher School of Economics on January 27, 2023 and at a meeting of the research laboratory "Strategy, Status and Ethics in International Society" on April 12, 2023. The author expresses gratitude to the participants of both discussions for valuable comments and criticism.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Istomin, Igor A. "Not Everyone Will Be Taken into the Future? The Role of Forecasting in International Relations Theory." *Journal of International Analytics* 15, no. 2 (2024): 36–56.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-36-56>

«Африканская агентность» в конструировании «африканской агентности»: международные исследования на Черном континенте

Денис Андреевич Дегтерев, Институт Африки РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: ddegterev@inafr.ru

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблемам и перспективам развития науки о международных отношениях в Тропической Африке. В исследовании рассматривается феномен африканской агентности (субъектности) на двух уровнях: внешнеполитической экспертизы и практики, с особым акцентом на первый уровень. Африканская агентность – это концептуализация зависимого развития континента в контексте агент-структурной проблемы в международных отношениях, позволяющая посредством конструктивистского подхода более реалистично передать основные особенности международных отношений на континенте. В статье представлен инструментальный и даже манипулятивный аспекты нарратива «африканской агентности», при этом особое внимание уделяется пределам агентности. Среди них – недостаточный уровень распространения качественного среднего и высшего образования, особенно на национальных языках. Показан советский опыт выхода общественной науки Мали из «интеллектуального кокона» бывшей метрополии. Исследуется проблема финансирования ведущих африканских мозговых центров по международным отношениям, в т.ч. их зависимость от западных и китайских источников, а также усиливающаяся иерархичность науки о международных отношениях, что негативно сказывается на положении дел на континенте. Проведен анализ участия африканских исследователей в международных конференциях, в том числе в рамках Ассоциации международных исследований (ISA). Большое внимание уделяется позитивным примерам развития африканской агентности – проведению пяти Международных конгрессов африканистов в 1960–1980-е гг., а также деятельности Совета по развитию исследований в области социальных наук в Африке (CODESRIA). Представлены основные элементы успешного развития деятельности CODESRIA в 1970–1980-е годы. В заключении сделаны выводы о перспективах усиления агентности в международных исследованиях Африки в контексте современных геополитических трансформаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Африка, международные исследования, африканская агентность, научные иерархии, конгресс африканистов, CODESRIA

Введение

За последний год произошло сразу несколько событий, заставивших экспертов-международников заговорить о реальном влиянии Африки в мировой политике. Так, с 1 января 2024 г. членами БРИКС стали сразу две соседние африканские страны – Египет и Эфиопия, а общее их число (вместе с ЮАР, присоединившейся к институту еще в 2010 г.) достигло трех. Таким образом, возникла новая «африканская тройка» (А3) в ключевом институте глобального управления, вдобавок к А3 в СБ ООН, состоящей из непостоянных членов, которые представляют континент и на протяжении последних нескольких лет предварительно согласовывают свои позиции по актуальным вопросам повестки СБ ООН в рамках Совета мира и безопасности Афросоюза, выступая единым блоком¹. Координация действий стран Африки по стратегическим вопросам международной повестки в других форматах осуществляется уже давно². Времена, когда можно было лоббировать принятие выгодных решений в СБ ООН за счет расширения масштабов помощи отдельным странам АЗ³, постепенно уходят в прошлое, а африканская агентность уже трансформируется в реальное внешнеполитическое влияние⁴.

Кроме того, в сентябре 2023 г. Афросоюз стал постоянным коллективным членом «Группы двадцати» (G20) наряду с ЮАР, также входящей в G20. Наконец, в течение 2023–2024 гг. продолжались усилия стран континента по продвижению африканского «плана мира» по урегулированию кризиса на Украине⁵. Африка из континента с постоянными кризисами, урегулированием которых занимались преимущественно внерегиональные игроки, вдруг превратилась в глобального актора, предлагающего свою «формулу мира» великим державам.

Игнорировать влияние африканских стран в мировых делах становится сложнее. А ведь еще полвека назад основатель американской реалистской парадигмы в ТМО Г. Моргентау цинично, но предельно откровенно отмечал, что в XIX и первой половине XX вв. Африка была континентом с «политически пустыми пространствами» (*politically empty spaces*)⁶. Его последователь, структурный реалист К. Уолтц в контексте «силовой макрометрики» (только «великие державы имеют значение», а в Африке они в традиционном западном понимании отсутствуют и по сей день) отмечал, что обсуждать глобальную политику малых держав – «...нелепо»⁷. Сегодня *нелепо не* обсуждать глобальную роль Африки!

В этом контексте важно понимать, как формируется африканская точка зрения на те или иные глобальные вызовы, какие проблемы и перспективы стоят перед международными исследованиями на континенте, чему и посвящена настоящая статья.

1 Solomon Ayele Dersso, "How Africa is Using the A3 as a De Facto Permanent Power Block in Global Peace and Security Decision-making," Ideas Indaba, December 21, 2023, accessed May 26, 2024, <https://amaniafrica-et.org/how-africa-is-using-the-a3-as-a-de-facto-permanent-power-block-in-global-peace-and-security-decision-making/>.

2 Brown, Harman 2013, 19–33.

3 Alexander, Rooney 2019.

4 Brosig, Lecki 2022.

5 Лакстыгал, И.М. Африка начала свою посредническую миссию в украинском конфликте // Ведомости. 17 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/17/980937-afrika-nachala-posrednicheskuyu-missiyu> (дата обращения: 26.05.2024).

6 Morgenthau 1973, 369.

7 Waltz 1979, 72.

Агентность как аналитическая рамка

Для характеристики неравноправных отношений Африки в международной системе¹ чаще всего используются нарративы критических, неомарксистских исследований², связанных с антиколониальным дискурсом³. Реже, преимущественно в исследованиях безопасности, применяется инструментарий международной политической экономики (на стыке реализма и либерализма), а именно – элементы структурной силы (власти), разработанные С. Стрэндж⁴.

В данной работе будет использован преимущественно иной, конструктивистский инструментарий, связанный с концептуализацией африканской агентности (субъектности)⁵, что позволяет более точно отразить характер отношений, сложившихся в формировании и реализации внешней политики стран Африки. Фактически идет отсылка к агент-структурной проблеме, обозначенной в социальных науках в рамках теории структуризации Э. Гидденса и адаптированной к международным исследованиям А. Вендом⁶. Социальный агент хотел бы принимать наиболее выгодные для него самостоятельные решения, однако они во многом детерминированы окружающей его социальной средой и ее структурными ограничениями («красными линиями»). По мнению социальных конструктивистов, структура системы не является жестко и объективно предзаданной, а обретает значение в ходе постоянного процесса ее осмысления субъектами. Структура и агенты выступают как взаимообусловленные и динамично изменяющиеся в процессе взаимодействия сущности.

Проблема африканской агентности имеет многоуровневый характер и связана как с агентностью внешнеполитической экспертизы, так и собственно с агентностью внешнеполитического поведения стран Африки на разных уровнях реализации (национальный, региональный, континентальный, глобальный). Разные виды агентности взаимоувязаны. Особое внимание в статье уделяется внешнеполитической экспертизе, процесс взаимообусловленного взаимодействия в которой реализуется прежде всего в ходе научных коммуникаций – написания статей и выступлений на международных конференциях.

Собственно, эта многоуровневость (насколько сами африканцы участвуют в разработке и разноуровневой реализации собственных внешнеполитических интересов?) и вынесена в заглавие настоящей статьи. При этом ряд структурных ограничений снимается при переходе на более высокий уровень анализа и переходит в разряд факторов, контролируемых более влиятельными социальными агентами (агент-структурная «матрешка»). Однако у последних на более высоком уровне появляются свои структурные ограничения. Таким образом, политика на более низком уровне анализа, как матрешка, «вложена» в политику,

1 Clapham 1996; Heredia, Wai 2018.

2 Whitaker, Clark 2018, 13–15.

3 Абрамова 2023; Бокерия et al. 2022; Дегтерев 2023.

4 Strange 1988.

5 В тексте данной статьи используются два написания термина с разным смысловым значением: африканская агентность и «африканская агентность». В первом случае речь идет о подлинном значении термина, причем применяется он достаточно часто, поскольку автор действительно верит в реалистичность достижения агентности Африки в международных отношениях. В тех случаях, когда пока еще рано говорить о подлинной агентности, либо когда данный термин используется в манипулятивных целях, он закавычен и понимается в переносном смысле.

6 Wendt 1987.

определяемую на более высоком уровне (*nested politics*)¹. Внешнеполитическая экспертиза также «вложена» во внешнеполитическое поведение.

Так, Афросоюз (АС), чья правосубъектность производна от правосубъектности африканских государств, призван действовать как единый актор мировой политики (по аналогии с Евросоюзом). В 2015 г. АС утвердил программный документ «Повестка дня-2063: Африка, какой мы хотим ее видеть», в котором обозначены приоритетные направления развития континента. В 2018 г. секретариат НЕПАД был преобразован в Агентство по развитию Афросоюза-НЕПАД (AUDA-NEPAD), призванное координировать реализацию региональных и континентальных проектов². На деле значительная часть внерегиональных игроков реализует свои проекты напрямую в странах-членах, продвигая собственные интересы, а не приоритеты Афросоюза.

Однако возникает вопрос и о том, насколько проявляется африканская агентность не только при реализации региональных приоритетов развития, но и при их формулировании. Ведь значительная часть аналитической работы выполняется при внешней финансовой поддержке³, а также с привлечением внерегиональных консультационных агентств, которые и выступают реальными исполнителями. Показательно, что наиболее комплексное исследование африканской агентности в мировой политике было подготовлено под редакцией двух британских исследователей, У. Брауна и С. Харман, за счет гранта Совета по экономическим и социальным исследованиям Великобритании⁴.

Проявлением африканской агентности является хорошо известная формула «африканским проблемам – африканские решения», предполагающая, что Африка должна решать проблемы континента без вмешательства внешних сил. И хотя первоначально данную формулу использовал ганский экономист Дж. Айитти применительно к экономическим проблемам, впоследствии она получила наиболее широкое распространение в контексте миротворческой проблематики⁵. Африканская агентность также рассматривается в контексте обеспечения проблем безопасности на континенте⁶.

Под африканской агентностью подразумевается субъектность не только отдельной страны, но и всего континента в целом, включающего 54 государства-члена ООН. Соответственно, степень их субъектности прямо зависит от уровня их сплоченности и солидарности. В этой связи ряд экспертов предлагают говорить о коллективной агентности, а также о дипломатии убунту⁷, когда общие интересы ставятся выше частных. Для достижения этого необходимо, чтобы Афросоюз не использовался для сведения счетов одних африканских государств с другими, тем самым сея раздор между ними. Также важно, чтобы любая критика в адрес африканских акторов со стороны внерегиональных игроков не поддерживалась

1 Braumoeller 2013, 16.

2 "About Us," African Union Development Agency, accessed May 26, 2024, <https://www.nepad.org/microsite/who-we-are-0>.

3 "EU Technical Assistance to the African Union–Infrastructure Support Mechanism (ISM)," EU, March 30, 2022, accessed May 26, 2024, https://capacity4dev.europa.eu/projects/eu-technical-assistance-to-the-african-union-infrastructure-support-mechanism-ism_en.

4 Brown, Harman 2013.

5 Бокерия, Дегтерев 2024, 349–364.

6 Bah 2017; Fisher 2013.

7 Емельяненко 2023.

АС¹. Более того, некоторые исследователи находят странным говорить об африканской агентности в единственном числе, ведь агентность Африки – это и агентности отдельных африканских стран, а также их сплоченность на международной арене².

Одним из способов «размывания» африканской агентности является отход от государство-центричного подхода в ее конструировании. При этом особый акцент делается на то, что агентность формируют не только государства и правительства, а также граждане, но и институты гражданского общества, правозащитные сети, а также диаспоры. Последние могут использоваться принимающими интеллектуалов-мигрантов странами для формирования необходимого образа и обоснования «правильных стратегий» для стран их происхождения³. Так, Ф. Суле, профессор Оксфордского университета родом из Бенина, призывает своих земляков из Лондона более критично относиться к китайским инвестициям, естественно, апеллируя к... «африканской агентности»⁴.

В целом стоит отметить инструментальную, в ряде случаев даже манипулятивную составляющую использования нарратива «африканской агентности». Проявить «африканскую агентность» и более критично отнестись к китайским инвестициям в Анголе призывает и Л. Коркин⁵, которая несколько лет преподавала в ЮАР и работала в ряде горнодобывающих компаний в Южной Африке, впоследствии став исследователем Школы восточных и африканских исследований Университета Лондона⁶. Ж. Мохан и Б. Ламперт, преподаватели Открытого университета (Лондон), подготовившие исследование в рамках двух грантовых проектов уже упомянутого Совета по экономическим и социальным исследованиям Великобритании, также отмечают необходимость проявления «африканской агентности» в отношении КНР⁷. К. Лэм из Университета Лозанны в своей статье на основе полевых исследований в Бенине и Гане по гранту Швейцарского национального фонда также использует дискурс «африканской агентности» в контексте китайского присутствия в Гане⁸.

Справедливости ради стоит отметить, что ряд европейских интеллектуалов, имеющих опыт работы и исследований на континенте, весьма критично оценивают действия ЕС в Африке и призывают к укреплению «африканской агентности» уже по отношению к Евросоюзу⁹.

Пределы агентности

Развитие африканской агентности связано с дальнейшим пробуждением национального и panaфриканского самосознания посредством распространения качественного образования (как школьного, так и высшего), особенно на

1 Chipaike, Knowledge 2018, 6–7.

2 Brown 2012, 1891.

3 Dabashi 2011.

4 Soulé-Kohndou 2016.

5 Corkin 2016.

6 Lucy Corkin, "Interview," E-International Relations, November 5, 2019, accessed May 26, 2024, <https://www.e-ir.info/2019/11/05/interview-lucy-corkin/>.

7 Mohan, Lampert 2012.

8 Lam 2015.

9 Money et al. 2020; Murray-Evans 2015.

национальных языках. Неслучайно панафриканизм как идеологическое течение возник первоначально на американской почве среди образованных афроамериканцев, вторым этапом его развития стал европейский (среди африканцев из колоний, обучавшихся в Лондоне), а собственно африканский период является третьим в его становлении¹. Современный идеолог афроцентризма, популярного среди многих молодых африканцев, – это афроамериканец М. Асанте, преподаватель Университета Тэмпл (США)².

К сожалению, на самом континенте доступ населения к школьному и вузовскому образованию до сих пор не гарантирован и зачастую остается недостижимой роскошью. При том, что в системе школьного образования национальные языки получают распространение, высшее образование на континенте ведется практически исключительно на европейских языках – английском, французском, португальском. По сути, изучение международных отношений на континенте ведется на языках бывших метрополий, а также арабском. Однако язык – это не просто средство общения, но и механизм формирования понятийного аппарата и особенностей мировосприятия.

Немаловажно также и то, что большинство африканских языков «привязаны» через систему переводов к французскому и английскому (см. *Рис. 1*). Иными словами, большинство переводов на местные языки в итоге «замыкаются» на языки бывших метрополий с их понятийным аппаратом, системой образов и категорий. Примечательно, что на обозначенной схеме такие языки, как малагасийский (Мадагаскар) и амхарский (Эфиопия), расположены ближе всего к русскому.

Достаточно сложно проявлять агентность в международных исследованиях, находясь в «когнитивном поле» бывшей метрополии – используя ее язык, книги, категориальный аппарат. В этом контексте примечателен опыт советских преподавателей по общественным наукам в Высшей педагогической школе Мали (*École Normale Supérieure de Bamako, ENSUP*), основанной в 1963 году. Фактически в 1960–1980-е гг. в Бамако сформировалась критическая масса интеллектуалов с альтернативной точкой зрения из опытных советских преподавателей истории, других гуманитарных и социальных дисциплин, помогавшая выйти малийской высшей школе из «интеллектуального кокона» «ФрансАфрик»³. Среди них такие известные профессора, как Р.А. Арсланов⁴, Г.Н. Новиков⁵, Д.П. Урсу⁶ и др. Примечательно, что Г.Н. Новиков после своей малийской командировки написал самобитый российский учебник по ТМО⁷.

Как уже отмечалось ранее, ключевым ограничением африканской агентности в международных исследованиях в работе африканских аналитических центров является финансовый вопрос⁸. Особенно остро он встал после программ структурной перестройки 1980–1990-х гг., вызвавших кризис в финансировании

1 Касcae, Ивкина 2022.

2 Asante 1991.

3 Филиппов 2022.

4 Зверев 2018.

5 Кузнецов 2019.

6 Горлянский 2017.

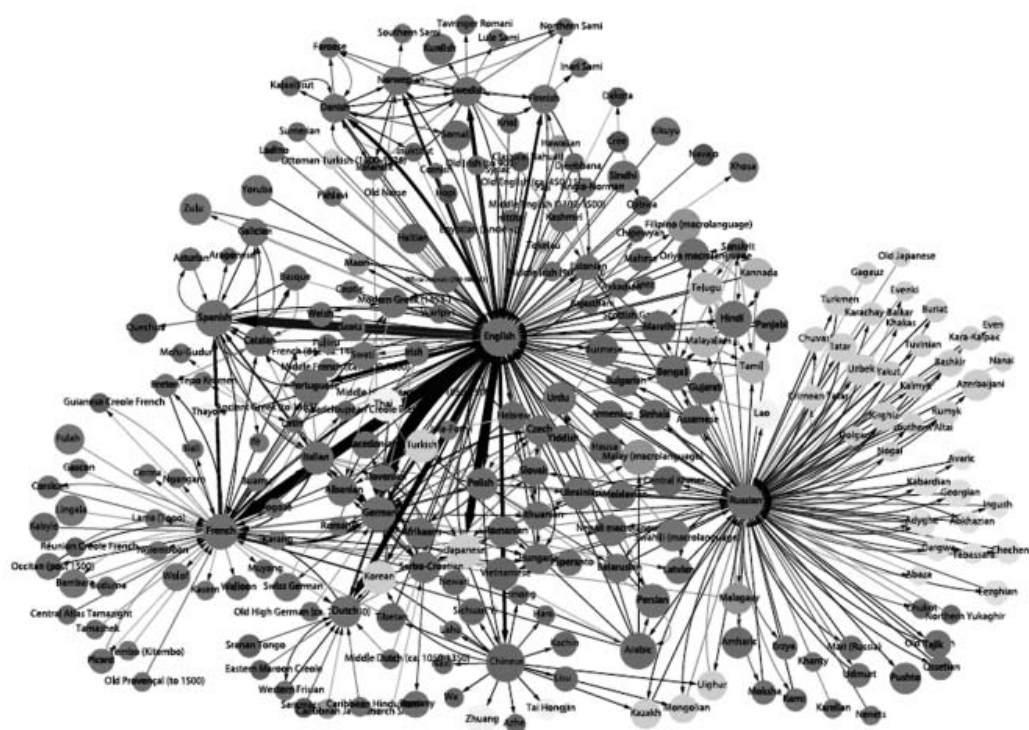
7 Новиков 1996.

8 Дегтерев 2023а, 259–262;

высшей школы, в т.ч. международных исследований¹. М.В. Вилисов констатирует, что большую роль в создании аналитических центров в форме НГО в последние 15–20 лет «играют общественные деятели с опытом образования и работы в странах Запада»². В самом деле, большинство таких центров решают скорее узкопрофильные задачи, выступая субподрядчиками для ряда проектов технической помощи Всемирного банка и других международных институтов развития.

Рисунок 1.

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ КНИГ WEB ANALYSIS OF BOOKS' TRANSLATIONS

Источник: Ronen Sh., Gonçalves B., Hu K. "Links that Speak: The Global Language Network and Its Association with Global Fame."³

В последние годы сотрудничество КНР с аналитическими центрами Африки также существенно расширилось. В рамках Форума сотрудничества Китай–Африка (FOCAC) сформировался отдельный трек – Китайско-африканский форум мозговых центров (CATF), запущенный в 2011 г. Чжэцзянским педагогическим университетом (Цзиньхуа, провинция Чжэцзян, близ Шанхая). Педагогическая специализация вуза предполагает особый акцент на подготовке преподавательских кадров. Тринадцатая (!) встреча Форума прошла в марте 2024 г. в Дар-Эс-Саламе (Танзания) с участием более 150 исследователей из Африки и

1 Tieku 2021, 665.

2 Вилисов 2022, 124.

3 Ronen et al. 2014.

Китая¹. В 2022 г. в Танзании при поддержке КПК также была запущена Школа политического лидерства Дж. Ньерере². Предыдущая, 12-я встреча Форума с участием более 400 исследователей и политиков из 45 стран прошла в базовом вузе в Цзиньхуа в мае 2023 года³.

Как правило, более финансово обеспеченные мозговые центры на континенте взаимодействуют преимущественно с либо западными, либо китайскими фондами. Немногие из них выходят на уровень «стратегической автономии» (подлинной африканской агентности), получая финансирование сразу из нескольких источников (в т.ч. из национальных) и оставаясь «над схваткой» КНР и западных стран в контексте «новой биполярности», продвигая тем самым непосредственно африканские интересы. К числу таких структур относится, например, Институт глобального диалога (ЮАР), исполнительный директор которого П. Мтембу учился и в КНР, и в ФРГ.

Важным ограничением африканской агентности стала иерархичность науки о международных отношениях, усилившаяся в 1990-е гг. после реализации программ структурной перестройки. В условиях глобального капитализма крупнейшие мировые англоязычные издательства и вузы установили жесткую иерархию создания и распространения знаний⁴. На «верхних» этажах данной пирамиды (вузы Лиги плюща, Оксфорд и Кембридж и их издательства) стали формироваться смыслы, которые в дальнейшем ретранслируются на более «низкие» этажи⁵.

Жесткому структурированию данного деления на «столичную», «провинциальную» и «туземную» науку (по М. Соколову и К. Титаеву)⁶ способствовало введение обязательных требований к публикациям в изданиях *Scopus* и *WoS* в большинстве бывших британских колоний. В ЮАР при этом сложилась более сложная система, в рамках которой признаются также и национальные издания⁷. В бывших франкоязычных колониях сформировалась своя специфика, где в качестве «столичных» признаются научные издания и издательства, расположенные преимущественно в VI муниципалитете Парижа⁸.

Конференции об Африке или конференции для Африки?

Международные конференции – это важный элемент научных коммуникаций *ex ante*, т.е. участники должны быть заранее осведомлены о состоянии дел в своей сфере. В ходе научного диалога агенты частично ретранслируют (поддерживают) ценности данной среды, частично меняют устоявшиеся нормы, формируя

1 "Report: ACCPA at the 13th China-Africa Think Tanks Forum 2024," The Africa-China Centre for Policy and Advisory, March 10, 2024, accessed May 26, 2024, <https://africachinacentre.org/report-accpa-at-the-13th-china-africa-think-tanks-forum-2024/>.

2 Paul Nantulya, "China's First Political School in Africa," Africa Center for Strategic Studies, November 7, 2023, accessed May 26, 2024, <https://africacenter.org/spotlight/china-first-political-school-africa/>.

3 "Forum Emphasizes China-Africa Cooperation, Creating Beneficial Opportunities," FOCAC, June 6, 2023, accessed May 26, 2024, http://www.focac.org/eng/zfzs_1/202306/t20230606_11090154.htm.

4 Дегтерев 2023а, 30–32.

5 Лункин et al. 2023, 428–436.

6 Соколов, Титаев 2013.

7 "DHET Accredited Journals," DHET, accessed May 26, 2024, <https://www.dhet.gov.za/SitePages/University%20Research%20Support%20and%20Policy%20Development.aspx>.

8 Raphaël Thierry, "Le Marché du Livre Africain Francophone et Ses Enjeux Géopolitiques (Book Market of Francophone Africa and Its Geopolitical Challenges)," 2017, accessed May 26, 2024, https://www.academia.edu/43336819/Le_march%C3%A9_du_livre_africain_francophone_et_ses_enjeux_g%C3%A9opolitiques.

новые смыслы¹. Круг тех, чье мнение важно для социальных агентов-участников конференции, а также приоритетные темы конференции и ее повестка задают структурные рамки. Формируются данные рамки программным комитетом конференции, а принятые нормы устанавливаются через тезисы, звучащие во вступительных речах и докладах на пленарных сессиях.

Доминирование США в современных международных исследованиях, выявленное еще С. Хоффманом², во многом структурируется через ежегодные конференции Ассоциации международных исследований (ISA), в которых принимает участие до 5 тыс. человек, только половина которых – американцы.

В последние годы в фокусе ISA – исследователи из стран «Глобального Юга», объединенные в *Global South Caucus (GSCIS)*, которых американцы стремятся интегрировать в западное академическое сообщество. Секции, проводимые GSCIS, как правило, собирают наибольшее количество участников и пользуются повышенным спросом. Возглавляет GSCIS в 2024–2026 гг. камерунец Л. Тики, долгие годы работающий в США, в т.ч. в аппарате ISA³. Проводя глобальную экспансию, в последние годы ISA активно организует региональные конференции, усиливая контакты американских международных исследователей, изучающих соответствующие регионы, с региональными экспертами. В Африке такая конференция впервые прошла в 2019 г. в Аккре (Гана)⁴, а в июне 2023 г. она состоялась в Ифране (Марокко)⁵.

В качестве стартовой площадки региональной экспансии в Африку неслучайно был выбран Университет Аккры, где с 1950-х гг. функционирует Легонская школа международных отношений со своими богатыми традициями. В 1960–1970-е гг. они опирались на умеренно антиколониальный дискурс (Ж. Мохан), в т.ч. на основе работ С. Амина и К. Нкрумы, а также panaфриканизм (Я. Ману и Э. Хассен) с опорой на труды Ф. Фанона. В 1980–1990-е гг. акцент постепенно сместился на западные политологические концепты (демократия, права человека, гражданское общество), а также на более утилитарные вопросы в рамках реализации проектов западных доноров⁶.

В попытке вовлечь незападных экспертов, в т.ч. из Африки, в конвенциональный западный академический дискурс А. Ачария уже несколько лет продвигает идею «Глобальных МО» (*Global IR*)⁷, в этом же русле можно рассматривать и постколониальные исследования, выступавшие на период «однополярного момента» в качестве подмены подлинного антиколониального дискурса⁸. Сам А. Ачария занимал должность президента ISA в 2014–2015 гг., продвигаемые им подходы позволяют вовлекать в т.ч. африканских исследователей в деятельность Ассоциации.

Региональные конференции ISA на континенте позволяют принять в них участие как сотням американцев, занимающихся Африкой (в т.ч. афроамериканцев),

1 Соколов, Титаев 2013, 239–242.

2 Hoffmann 1977.

3 “Global South Caucus (GSCIS)”, accessed May 26, 2024, <https://www.isanet.org/ISA/Caucuses/Global-South-Caucus>.

4 “ISA International Conference 2019,” Accra, accessed May 26, 2024, <https://www.isanet.org/Conferences/ISA-Accra-2019>.

5 “ISA International Conference 2023,” Ifrane, accessed May 26, 2024, <https://www.isanet.org/Conferences/ISA-Ifrane-2023>.

6 Tieku 2021. Примечательно, что сама статья Т. Тиеку была написана «на полях» региональных конференций ISA в Гане в 2019 году.

7 Amitav Acharya, “Towards a Global International Relations?” *E-International Relations*, December 10, 2017, accessed May 26, 2024, <https://www.e-ir.info/2017/12/10/towards-a-global-international-relations>.

8 Фитини, Абрамова 2020; Vasiliev et al. 2021, 6–11; Дертепев 2023a, 25–35.

так и множеству африканцев из соседних стран, не имеющих возможности посещать другие мероприятия *ISA*. Региональные конвенты, безусловно, привносят «большую науку» на континент, однако формируют американские структурные рамки в международных исследованиях, в которых агентность собственно африканцев невелика. Так, однако, было не всегда.

Важно помнить об опыте проведения Международных конгрессов африканистов с участием как африканских, так и западных, а также советских ученых в годы холодной войны. Идея проведения таких конгрессов, кстати, родилась в Москве в августе 1960 г. на африканской секции Международного конгресса востоковедов. На Первом конгрессе африканистов (декабрь 1962 г., Аккра), открывал который К. Нкрума, с докладом выступил первый директор Института Африки АН СССР И.И. Потехин¹. Второй конгресс африканистов прошел в декабре 1967 г. в г. Дакар (Сенегал), однако был не очень успешным².

Третий конгресс на тему «Развитие Африки» с участием 200 участников из 40 стран состоялся в декабре 1973 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия)³. На конгрессе, кстати, был поднят вопрос о недопустимости ситуации, при которой основная часть фондов, финансирующих африканские исследования, принадлежит внерегиональным игрокам. Также критически отмечались квази-монополия Запада во многих областях общественных наук и попытки предложить «универсальные» теории на основе исключительно западного опыта.

В декабре 1978 г. в Киншасе (Заир, ныне – Республика Конго) на Четвертом конгрессе африканистов «Зависимость Африки и пути ее преодоления» выступили известные эксперты, в том числе А. Мазруи, представлявший Кению и Американскую ассоциацию африканских исследований (*ASA*). На конгрессе обсуждались различные формы зависимости, включая технологическую и экономическую, а также культурную. Культура была разделена на языковую, философскую, идеологическую, правовую, религиозную, искусство и литературу, образование и политику.

Примечательно, что Б. Харрел-Бонд (Американский университет, США), писавшая отчет об участии в Конгрессе, находилась под впечатлением от оригинальных идей, высказанных там⁴, т.е. данные мероприятия стали значимым проявлением африканской агентности в международных исследованиях. Структурные рамки (повестку конференции и ее программу) задавали сами африканцы. Участникам Конгрессов было важно быть в центре той дискуссии, которая идет непосредственно на континенте, а не в иных научных «столицах».

Последний, Пятый международный конгресс африканистов состоялся в декабре 1985 г. на излете холодной войны в Ибадане (Нигерия), после чего они уже не проводились, хотя неоднократно предпринимались попытки предложить им замену. Например, в 2023 г. состоялся Шестой международный конгресс исследований Африки и африканской диаспоры (*ICAADS*) по инициативе *ASA* одновременно

1 Ковалев 2023.

2 JMAS 1968.

3 Lindfors 1973.

4 Barbara Harell-Bond, "African Dependency and Remedies," The 4th International Congress of African Studies, American University Field Staff. Report No. 31, 1979, accessed May 26, 2024, <http://www.icwa.org/wp-content/uploads/2015/09/BHB-7.pdf>.

в США (Сан-Франциско), в Гане (Аккра) и Лубумбаши (ДРК)¹. Организаторы мероприятия ведут отсчет от пятого, Ибаданского конгресса 1985 г., однако акцент на африканской диаспоре предполагает, что это не аутентичные Международные конгрессы африканистов 1960–1980-х гг., и дает возможность легитимизировать особую роль США в организации мероприятия.

В целом проведение подлинно африканских конгрессов было прервано после окончания холодной войны. В настоящее время США по линии ASA ежегодно проводят в разных городах США свои Конгрессы африканистов с участием около 2 тыс. человек, программный комитет которых возглавляют два ведущих африканиста – из США и из одного из африканских вузов². В РФ один раз в три года ко Дню Африки также проходят Конгрессы африканистов на базе Института Африки РАН с участием нескольких сот человек, в т.ч. ведущих ученых, представляющих Черный континент. XVI международная конференция африканистов «Новый миропорядок: от наследия колониализма к суверенитету и развитию» прошла 21–23 мая 2024 года³.

В 2020, 2021 и 2023 гг. ежегодные конференции по международным отношениям в Африке с участием ведущих российских, западных и особенно широким участием африканских международных «Африка и формирование новой системы международных отношений» (*AFNSIR*) проводил и Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы⁴. В 2011–2019 гг. данная конференция также проходила в формате круглых столов по инициативе уроженца Эфиопии профессора М. Кассеа Ныгусие, широкое участие африканских исследователей в 2020–2023 гг. обеспечивала К.А. Амухайа (Кения). Материалы *AFNSIR-2020* и *AFNSIR-2021* в виде коллективных монографий с участием ведущих африканистов мира вышли в ведущем издательстве *Springer* в 2021 и 2023 гг. соответственно⁵.

CODESRIA как абсолют агентности

Одним из примеров подлинно африканской агентности в международных исследованиях является феномен Совета по развитию исследований в области социальных наук в Африке (*Council for the Development of Social Science Research in Africa, CODESRIA*). Во многом именно его члены сформировали интеллектуальную элиту континента в сфере общественных наук в 1970–1980-е гг., устанавливая собственные стандарты и рамки научной дискуссии.

Успех Совета был обусловлен сразу рядом факторов. Во-первых, это личность самого создателя – политэкономиста С. Амина (1931–2018 гг.), отец которого был египтянином, а мать имела франко-немецкие корни. Получив образование в Париже, он буквально «растворился» в Тропической Африке, проводя там большую часть своей профессиональной жизни. Любым контактам с университетами

1 "Save the Dates: The Sixth International Congress of African and African Diaspora Studies (ICAADS)," African Studies Association, accessed May 26, 2024, <https://africanstudies.org/individual-membership/save-the-date-the-sixth-international-congress-of-african-and-african-diaspora-studies-icaads/>.

2 "Past Annual Meetings," African Studies Association, accessed May 26, 2024, <https://africanstudies.org/individual-membership/save-the-date-the-sixth-international-congress-of-african-and-african-diaspora-studies-icaads/>.

3 XVI международная конференция африканистов «Новый миропорядок: от наследия колониализма к суверенитету и развитию» // Институт Африки РАН. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inafran.ru/node/2963> (дата обращения 26.05.2024).

4 AFNSIR, Annual Conference on IR in Africa // RUDN University, accessed May 26, 2024, <https://africa.rudn.ru/>.

5 Vasiliev et al. 2021; 2023.

Севера он предпочитал научное сотрудничество по линии Юг–Юг. Не случайно спустя полвека эксперты «по крупницам» восстанавливают данные о проведенной им в Дакаре в 1972 г. конференции специалистов по зависимому развитию из Латинской Америки и Тропической Африки¹.

Во-вторых, важную роль сыграл еще не выветрившийся «дух Бандунга» (Бандунгской конференции 1955 г.), неутраченная вера в позитивные ожидания от постколониального развития стран Африки. Данный оптимизм во многом иссяк после реализации программ структурной перестройки в 1980–1990-е гг. и фактической «реколонизации» континента².

В-третьих, на тот момент в Дакаре сложилась уникальная экспертная среда. Несмотря на то, что Л. Сенгор и другие сенегальские исследователи 1960–1980-х гг. во многом шли в фарватере «ФрансАфрик», они все-таки являлись настоящими интеллектуалами, развивали концепцию негритюда, а также африканского социализма, превращая Дакар в центр интеллектуальной мысли континента.

В-четвертых, в ту эпоху, когда Интернет и социальные сети еще не были доступны для исследователей, С. Амин с 1973 г. собирал вокруг себя интеллектуалов из Африки, Азии и Латинской Америки в рамках созданного им «Форума Третьего мира». Интеллектуальное течение, сформировавшееся в рамках Форума, впоследствии стало ядром Всемирного Социального Форума как главной антиглобалистской платформы 1990-х годов.

Не последнюю роль сыграло и финансирование. С 1963 по 1970 гг. С. Амин возглавлял Африканский институт экономического развития и планирования (*IDEP*) в Сенегале, и по сей день функционирующий под эгидой Экономической комиссии ООН по Африке³. В Институте проходили подготовку по вопросам технической помощи дипломаты, лидеры и функционеры целого ряда стран Африки. Первые заседания *CODESRIA*, созданной им в 1973 г., как раз и проходили на площадке *IDEP*. Вместе со своим заместителем Т. Мкандавайр (Малави) им удалось привлечь финансирование из ряда скандинавских стран, в т.ч. от социал-демократического правительства Швеции времен У. Пальме⁴. Последние в те годы также пытались повысить роль Африки в мировой политике, предотвратить эксплуатацию и насилие по линии Север–Юг.

Сочетание всех этих факторов привело к тому, что членами *CODESRIA* стало более 4 тыс. человек, а на ее площадке вели интеллектуальные дискуссии такие выдающиеся африканские исследователи, как нигерийские политологи К. Аке и А. Олукоши, всемирно известные философы угандиец М. Мамдани и камерунец А. Мбембе, а также десятки других⁵. Была собрана действительно критическая масса африканских интеллектуалов, и количество перешло в новое качество. Упомянутые выше имена до сих пор составляют «золотой фонд» африканской политической мысли⁶.

1 Oliveira, Kvangraven 2023.

2 Дертепев 2023а, 15–25.

3 “African Institute for Economic Development and Planning (IDEP),” accessed May 26, 2024, <https://www.uneca.org/african-institute-economic-development-and-planning-idep>.

4 Kvangraven 2020, 634–635.

5 Ibid.

6 Martin 2012; Sharawy 2014.

Возможно ли повторить успех *CODESRIA* в современных реалиях – вопрос не из легких. С одной стороны, Африка находится на пороге эпохи «нового пробуждения», обновленного «духа Бандунга», наглядным проявлением чего являются исторические изменения в странах Сахеля. Предыдущая концептуальная рамка «постколониальных исследований» как псевдо-антиколониального дискурса уже нерелевантна окружающей обстановке¹. Как и в 1970-е гг., требуются принципиально новые подходы к взаимодействию стран Африки друг с другом, а также с окружающим миром.

С другой стороны, для успеха необходимо уникальное сочетание сразу нескольких обозначенных нами выше факторов. На сегодня есть ряд городов (стран) континента, где имеется несколько предпосылок, однако одного этого недостаточно для формирования подлинного интеллектуального центра. Так, в Танзании до сих пор сильны концептуальные подходы (в т.ч. опора на собственные силы), заложенные еще Дж. Ньерере². В стране активно используется суахили, в т.ч. в школьном образовании. Неслучайно, как уже отмечалось, Школу партийного лидерства КНР создали именно здесь. Уже несколько лет Институт Африки РАН совместно с Российским центром науки и культуры в Дар-эс-Саламе проводит российско-танзанийскую научную конференцию по актуальным проблемам развития континента, его места в международной системе³. Примечательно, что часть российских докладчиков традиционно участвует очно, развивая научные контакты с танзанийскими коллегами.

В последние годы власти стран Сахеля также проявляют интерес к развитию суверенной общественной науки, поддерживая, например, Институт африканских свобод (Бамако), который возглавил известный философ Ф. Ньямси. Удастся ли превратить Бамако в интеллектуальную столицу новой, свободной от неоколониализма Африки, покажет время.

Альтернативный, более умеренный проект замещения интеллектуального вакуума после демонтажа «ФрансАфрик» реализует журналист камерунского происхождения А. Фока (бывший сотрудник *RFI*), создавший мозговой центр «Манса» (отсылка к верховному правителю империи Мали на пике ее могущества в XIV–XVI вв.), занимающийся вопросами развития франкофонной Африки⁴ и выбравший в качестве штаб-квартиры столицу Того г. Ломе. Среди участников его проекта – ведущие политические и деловые элиты франкоязычной Западной Африки. В последние годы Того позиционирует себя как одна из столиц panaфриканизма (телеканал *New World TV*), а также как авиационный хаб континента (авиакомпания *ASKY*).

Наибольшее количество университетов и профессоров мирового класса в Тропической Африке, безусловно, аккумулировано в ЮАР, причем молодое поколение южноафриканских международников не стесняется заявлять о себе все более громко: «считаем необходимым сделать оговорку о том, что мы все афри-

1 Дегтерев 2023а.

2 Bondarenko et al. 2013.

3 Российским центром науки и культуры в Дар-эс-Саламе проводит российско-танзанийскую научную конференцию // Институт Африки РАН. 17 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inafran.ru/node/2883> (дата обращения: 26.05.2024).

4 "Manssah Official Website," accessed May 26, 2024, <https://www.manssah.com/>.

канцы по крови и географическому положению»¹, делая упрек по отношению к диаспоре, «приобщившейся» к «столичной» науке. Однако и в Южной Африке имеются и не менее серьезные структурные ограничения для проявления африканской агентности².

Африканская агентность в международных исследованиях континента – это *sine qua non* африканской агентности во внешнеполитическом поведении государств Африки. Африканские международные исследования переживали как взлеты (CODESRIA, Международные конгрессы африканистов), так и падения (после реализации программ структурной адаптации и распространения феномена «провинциальной» науки на континенте). В настоящее время, на пороге эпохи «нового африканского пробуждения» и в контексте масштабных геополитических трансформаций как в мире, так и на континенте (особенно – в Сахеле)³, возможно новое развитие африканской агентности в международных исследованиях. Для этого необходимо укрепление внутриконтинентальных академических связей, а также возрождение практик проведения Международных конгрессов африканистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамова, И.О. (ред). Африка: неоплаченный долг колонизаторов / под ред. И.О. Абрамовой. М.: Институт Африки РАН, 2023.

Afrika: Neoplachennyj Dolg Kolonizatorov, edited by Irina O. Abramova. Moscow: Institut Afriki RAN, 2023 [In Russian].

Бокерия, С.А., Давидчук, А.С., Дегтерев, Д.А., Дубровский, И.Р., Журавлева, Е.В., Енокан, А.В., Ивкина, Н.В., Никулин, М.А., Кассасе Нигусие, В.М., Шпаковская, М.А. Советские исследования неокolonialизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22 (04). С. 671–687. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687>.

Bokeriya, Svetlana A., Davidchuk, Anna S., Degterev, Denis A., Dubrovskij, Ivan R., Zhuravleva, Evgeniya V., Enokyan, Artem V., Ivkina, Natalia V., Nikulin, Maxim A., Kassae Nigusie, W.M., Shpakovskaya, Marina A. "Sovetskie Issledovaniya Neokolonializma." *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* 22, no. 4 (2022): 671–687 [In Russian].

Вилисов, М.В. Поворот на Юг: аналитические центры Африки как потенциальные партнеры исследовательских центров стран ЕАЭС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15 (04). С. 116–136. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.04.07>.

Vilisov, Maxim V. "Povorot na Yug: Analiticheskie Centry Afriki kak Potencial'nye Partnery Issledovatel'skikh Centrov Stran EAES." *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* 15, no. 6 (2022): 116–136 [In Russian].

Горлянский, С.П. Профессор: памяти доктора исторических наук Дмитрия Павловича Урсу // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3 (69). № 1. С. 168–173.

Gorlyanskij, Sergei P. "Professor: Pamyati Doktora Istoricheskikh Nauk Dmitriya Pavlovicha Ursu." *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* 69, no. 3 (2017): 168–173 [In Russian].

Дегтерев, Д.А. Африканский континент как полюс притяжения: вопросы солидарности и соперничества // Проблемы национальной стратегии. 2023а. № 3 (78). С. 256–273.

Degterev, Denis A. "Afrikanskij Kontinent kak Polyus Prityazheniya: Voprosy Solidarnosti i Sopernichestva." *Problemy nacional'noj strategii* 78, no. 3 (2023a): 256–273 [In Russian].

Дегтерев, Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. 2023б. № 1. С. 13–46.

Degterev, Denis A. "K Okonchaniyu «Postkolonial'nogo Momenta» Antikolonial'noj Bor'by: Kontury Issledovatel'skoj Programmy." *Postkolonializm i sovremennost'*, no. 1 (2023b): 13–46 [In Russian].

Емельяненко, Е. Принцип убунту во внутренней и внешней политике ЮАР // Международный аспект. 2023. Т. 4 (01). С. 12–35.

Emelyanenko, Ekaterina. "Princip Ubuntu vo Vnutrennej i Vneshnej Politike YUAR." *Mezhdunarodnyj aspekt* 4, no. 1 (2023): 12–35 [In Russian].

1 Shai et al. 2022, 54.

2 Shai 2021.

3 Дегтерев 2023б.

Зверев, В.В. Р.А. Арсланову, ученому и педагогу, 70 лет! // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17 (04). С. 946–953. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2018-17-4-946-953>.

Zverev, V.V. "Researcher and Professor Rafael A. Arslanov is 70 years old!" *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* 17, no. 4 (2018): 946–953 [In Russian].

Кассе, Н.В., Ивкина Н.В. Основные этапы становления и развития концепции panaфриканизма: история и современность // Азия и Африка сегодня. 2022. № 10. С. 34–40. <https://doi.org/10.31857/S032150750022719-2>.

Kassae, Niguse, W.M., and Natalia V. Ivkina. "Osnovnye Etapy Stanovleniya i Razvitiya Konceptii Panafrikanizma: Istoriya i Sovremennost'." *Aziya i Afrika segodnya* 10 (2022): 34–40 [In Russian].

Ковалев, М.В. Иван Изосимович Потехин и Первый международный конгресс африканистов (1962) // История. 2023. Т. 14 (23). С. 86–100. <https://doi.org/10.18254/S207987840025653-7>.

Kovalev, Mikhail V. "Ivan Izosimovich Potekhin i Pervyj Mezhdunarodnyj Kongress Afrikanistov (1962 g.)." *Istoriya* 14, no. 23 (2023): 86–100 [In Russian].

Кузнецов, С.И. Жизнь, отданная науке. К 70-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Г.Н. Новикова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2019. Т. 28. С. 78–89. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2019.28.78>.

Kuznetsov, Sergei I. "Zhizn', Otdannaya Nauke. K 70-Letiyu so Dnya Rozhdeniya Doktora Istoricheskikh Nauk, Professora G.N. Novikova." *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* 28 (2019): 78–89 [In Russian].

Лункин, Р.Н., Гу, Хо Ом., Дегтерев, Д.А., Клемешев, А.П., Кузнецова, Т.Ю., Федоров, Г.М. Научные журналы в условиях трансформации международных отношений: проблемы, вызовы и перспективы. Часть 2. Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16 (04). С. 428–436. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2023.407>.

Lunkin, Roman N., Gu, Ho Om., Degterev, Denis A., Klemeshev, Andrei P., Kuznetsova, Tatiana Yu., and Gennadiy Fedorov. "Nauchnye Zhurnaly v Usloviyah Transformacii Mezhdunarodnykh Otnoshenij: Problemy, Vyzovy i Perspektivy. Chast' 2." *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* 16, no. 4 (2023): 428–436 [In Russian].

Миротворчество в многополярном мире / под ред. С.А. Бокерии и Д.А. Дегтерева. М.: Аспект Пресс, 2024.

Mirotvorchestvo v Mnogopol'yarnom Mire, edited by Svetlana A. Bokeriya and Denis A. Degterev. Moscow: Aspekt Press, 2024 [In Russian].

Новиков, Г.Н. Теории международных отношений. Иркутск: Изд. Иркут. ун-та, 1996.

Novikov, Gennadiy N. *Teorii Mezhdunarodnykh Otnoshenij*. Irkutsk: Izd. Irkut. un-ta, 1996 [In Russian].

Соколов, М., Титаев, К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

Sokolov, Mikhail., and Kirill Titaev. "Provincial'naya i Tuzemnaya Nauka." *Antropologicheskij forum* 19 (2013): 239–275 [In Russian].

Филиппов, В.Р. Феномен «Франсафрик» в зеркале французской историографии // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 3 (60). С. 73–87. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2022-60-3-73-87>.

Filippov, Vasily R. "Fenomen 'Fransafrik' v Zerkale Francuzskoj Istoriografii." *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN* 60, no. 3 (2022): 73–87 [In Russian].

Фитун, Л.Л., Абрамова, И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного про-

чтения // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.03>.

Fituni, Leonid L., and Irina O. Abramova. "Politicheskaya Teoriya Dekolonizacii: Imperativy Sovremennogo Prochteniya." *Polis. Politicheskoe issledovaniya*, no. 6 (2020): 26–40 [In Russian].

Africa and the Formation of the New System of International Relations. Rethinking Decolonization and Foreign Policy Concepts, edited by Alexey M. Vasiliev, Denis A. Degterev, and Timothy M. Shaw. Cham: Springer, 2021. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-77336-6>.

Africa and the Formation of the New System of International Relations. Vol. II. Beyond Summit Diplomacy: Cooperation with Africa in the Post-Pandemic World, edited by Alexey M. Vasiliev, Denis A. Degterev, and Timothy M. Shaw. Cham: Springer, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-34041-3>.

African Agency in International Politics, edited by William Brown, and Sophie Harman. London: Routledge, 2013.

Alexander, Dan, and Bryan Rooney. "Vote-Buying by the United States in the United Nations." *International Studies Quarterly* 63, no. 1 (2019): 168–176. <http://dx.doi.org/10.1093/isq/sqy059>.

Asante, Molefi K. "The Afrocentric Idea in Education." *Journal of Negro Education* 60, no. 2 (1991): 170–180. <http://dx.doi.org/10.2307/2295608>.

Bah, Abu-Bakarr. "African Agency in New Humanitarianism and Responsible Government." In *International Security and Peacebuilding: Africa, the Middle East and Europe*, edited by Abu-Bakarr Bah. Bloomington: Indiana University Press, 2017. <http://dx.doi.org/10.2307/j.ctt20061cg.9>.

Bondarenko, Dmitri M., Nkyabonaki, Jason, and Beatrice M. Mkunde. "Foreign Aid and Self-Reliance in Post-Socialist Tanzania (The Case of the Distribution of Mosquito Bed Nets)." *Modern Africa: Politics, History and Society* 1, no. 1 (2013): 67–103.

Braumoeller, Bear F. *The Great Powers and the International System: Systemic Theory in Empirical Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511793967>.

Brosig, Malte, and Markus Lecki. "The African Three (A3) at the United Nations Security Council: Translating Agency into Influence." *Politikon. South African Journal of Political Studies* 49, no. 3 (2022): 254–273. <https://doi.org/10.1080/02589346.2022.2122003>.

Brown, William. "Question of Agency: Africa in International Politics." *Third World Quarterly* 33, no. 10 (2012): 1889–1908. <https://doi.org/10.1080/01436597.2012.728322>.

Chipaike, Ronald, and Matarutse H. Knowledge. "The Question of African Agency in International Relations." *Cogent Social Sciences* 4, no. 1 (2018). <https://doi.org/10.1080/23311886.2018.1487257>.

Clapham, Christopher. *Africa and the International System. The Politics of State Survival*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511549823>.

Dabashi, Hamid. *Brown Skin, White Masks*. New York: Pluto Press, 2011.

Fisher, Jonathan. "Structure, Agency and Africa in the International System: Donor Diplomacy and Regional Security Policy in East Africa since the 1990s." *Conflict, Security and Development* 13, no. 5 (2013): 537–568. <https://doi.org/10.1080/14678802.2013.849471>.

Hoffmann, Stanley. "An American Social Science: International Relations." *Daedalus* 106, no. 3 (1977): 41–60.

"Second International Congress of Africanists." *Journal of Modern African Studies* 6, no. 1 (1968): 103–104. <https://doi.org/10.1017/S0022278X00016712>.

Kvangraven, Ingrid H. "Samir Amin: A Pioneering Marxist and Third World Activist." *Development and Change* 51, no. 2 (2020): 631–649. <https://doi.org/10.1111/dech.12562>.

Lam, Katy N. "Chinese Adaptations: African Agency, Fragmented Community and Social Capital Creation in Ghana." *Journal of Current Chinese Affairs* 44, no. 1 (2015): 9–41. <https://doi.org/10.1177/186810261504400102>.

Lindfors, Bernth. "The Third International Congress of Africanists, Addis Ababa, Ethiopia, December 9–19, 1973." *World Literature Written in English* 13, no. 1 (1974): 131–132. <https://doi.org/10.1080/17449857408588296>.

Martin, Guy. *African Political Thought*. New York: Palgrave Macmillan, 2012.

Mohan, Giles, and Ben Lampert. "Negotiating China: Reinserting African Agency into China–Africa Relations." *African Affairs* 112, no. 446 (2012): 92–110. <https://doi.org/10.1093/afraf/ads065>.

Money, Duncan, Frøland, Hans O., and Tshepo Gwatiwa. "Africa–EU Relations and Natural Resource Governance: Understanding African Agency in Historical and Contemporary Perspective." *Review of African Political Economy* 47, no. 166 (2020): 585–603. <https://doi.org/10.1080/03056244.2020.1839876>.

Morgenthau, Hans. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf, 1973.

Murray-Evans, Peg. "Regionalism and African Agency: Negotiating an Economic Partnership Agreement between the European Union and SADC-Minus." *Third World Quarterly* 36, no. 10 (2015): 1845–1865. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1071659>.

Oliveira, Felipe A., and Ingrid H. Kvangraven. "Back to Dakar: Decolonizing International Political Economy through Dependency Theory." *Review of International Political Economy* 30, no. 5 (2023): 1676–1700. <https://doi.org/10.1080/09692290.2023.2169322>.

Recentring Africa in International Relations. Beyond Lack, Peripherality, and Failure, edited by Marta I. de Heredia, and Zubairu Wai. Cham: Palgrave Macmillan, 2018. <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-67510-7>.

Ronen, Shahar, Gonçalves, Bruno, Hu, Kevin, Vespignani, Alessandro, Pinker, Steven, and César A. Hidalgo. "Links that Speak: The Global Language Network and Its Association with Global Fame." *PNAS* 111, no. 52 (2014): E5616–E5622. <https://doi.org/10.1073/pnas.1410931111>.

Sharawy, Helmi. *Political and Social Thought in Africa*. Dakar: CODESRIA, 2014.

Shai, Kgothatso. *Scholarship and Politics in South Africa's Higher Education System*. London: Adonis & Abbey Publishers, 2021.

Shai, Kgothatso, and Makhura Rapanyane. "An Afrocentric Criticism of World Systems Analysis as a Critical Theory in International Relations." *African Journal of Political Science* 10, no. 2 (2022): 53–62. <https://doi.org/10.36615/ajps.v10i2.1317>.

Soulé-Kohndou, Folashadé. "Passive Agents? Bureaucratic Agency in Africa-China Negotiations: A Case Study of Benin." *Working Paper Series* 3 (2016).

Strange, Susan. *States and Markets*. London: Continuum, 1988.

Tieku, Thomas K. "The Legon School of International Relations." *Review of International Studies* 47, no. 5 (2021): 656–671. <https://doi.org/10.1017/S0260210521000395>.

Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

Wendt, Alexander. "The Agent-Structure Problem in International Relations Theory." *International Organization* 41, no. 3 (1987): 335–370. <http://dx.doi.org/10.1017/S002081830002751X>.

Whitaker, Beth E., and John F. Clark. *Africa's International Relations: Balancing Domestic and Global Interests*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2018.

Сведения об авторе

Денис Андреевич Дегтерев,

д.полит.н., к.э.н., профессор, в.н.с. Института Африки РАН
123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

e-mail: ddegtere@inafr.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 29 апреля 2024.

Переработана: 26 мая 2024.

Принята к публикации: 29 мая 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Дегтерев, Д.А. «Африканская агентность» в конструировании «африканской агентности»: международные исследования на Черном континенте // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (2). С. 57–73.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73>

“African Agency” in Constructing “African Agency”: International Studies in Africa

ABSTRACT

This article is devoted to the problems and prospects for the development of international relations science in Tropical Africa. The study examines the phenomenon of African agency (subjectivity) at two levels: foreign policy expertise and practice, with a special emphasis on the first level.

African agency is a conceptualization of the continent's dependent development in the context of the agent-structural problem in international relations, which allows, through a constructivist approach, to more realistically convey the main features of international relations on the continent.

The article presents the instrumental and even manipulative aspect of the “African agency” narrative, with special attention paid to the limits of agency. Among them is the insufficient level of distribution of high-quality secondary and higher education, especially in national languages. The Soviet experience of Mali's social science emerging from the “intellectual cocoon” of the former metropolis is shown. The problem of financing leading African think tanks on international relations, including their dependence on Western and Chinese sources, as well as the increasing hierarchy of international relations science, which negatively affects the state of affairs on the continent. An analysis of the participation of African researchers in international conferences, including within the framework of the International Studies Association (ISA), is conducted. Much attention is paid to positive examples of the development of African agency, e.g. five International Congresses of Africanists in the 1960–1980s, as well as the activities of the Council for the Development of Social Science Research in Africa (CODESRIA). The main elements of the successful development of CODESRIA in the 1970–1980s are presented. Conclusions are made on the prospects for strengthening agency in international studies of Africa in the context of modern geopolitical transformations.

KEYWORDS

Africa, International Studies, African Agency, knowledge hierarchies, Congress of Africanists, CODESRIA

Author

Denis A. Degterev,

PhD (Polit. Sci.), PhS (Econ.), Professor, Leading Research Fellow, Institute for African Studies RAS
30/1 Spiridonovka street, Moscow, Russian Federation, 123001

e-mail: ddegterev@inafr.ru

Additional information

Received: April 29, 2024. Revised: May 26, 2024. Accepted: May 29, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Degterev, Denis A. “‘African Agency’ in Constructing ‘African Agency’: International Studies in Africa.”
Journal of International Analytics 15, no. 2 (2024): 57–73.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73>

Китайская школа международных отношений – успех исследовательской программы

Андрей Игоревич Козинец, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

Контактный адрес: kozinetc.ai@dvvfu.ru

АННОТАЦИЯ

Современная социальная организация академической науки в Китае позволила сформировать особые условия для развития теоретического знания в стране. Важной составляющей успешного развития китайских теорий международных отношений по-прежнему остается классическая китайская философия, а также богатый исторический опыт межгосударственных связей в Восточной Азии. При этом вопросы развития теории занимают центральное место в научном сообществе КНР на протяжении многих лет, так же как и система мотивации исследовательских кадров и методологическая подготовка исследователей. В статье рассматриваются основные этапы развития китайской школы как незападного подхода в теории международных отношений с особым вниманием к институциональным аспектам с точки зрения социологии науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

незападные теории международных отношений, китайская школа, китайские подходы в теории международных отношений, теория международных отношений в Китае, национальные школы в теории международных отношений

Введение

Наука о международных отношениях долгое время развивалась преимущественно как западная дисциплина¹. В XXI в. ситуация стала меняться, и на протяжении последних нескольких лет мировое академическое сообщество обсуждает феномен незападной теории международных отношений (НТМО), а также перспективы развития национальных школ в странах «глобального Юга». В этом контексте китайская школа находится в авангарде, так как довольно часто рассуждения о феномене НТМО строятся вокруг осмысления тех успехов, которые были достигнуты китайскими исследователями.

Если говорить об особых интересах академического сообщества к китайской школе, то значительное внимание уделяется истокам развития региональной архитектуры международных отношений в Восточной Азии (даннической системе Китая), а также межгосударственным отношениям в период Чжаньго (период «Сражающихся Царств»). На рубеже 2000–2010 гг. стали известны и получили широкое распространение такие оригинальные китайские подходы, как моральный реализм, реляционная теория международных отношений, концепция мирового института «система Тянься», а вскоре о себе заявила и теория симбиоза международного сообщества.

Для понимания причин успешного становления национальной теоретической школы в области международных отношений в Китае автор не только рассматривает ее историческую специфику, но и проводит анализ ключевых институциональных особенностей с позиций социологии науки. Согласно теории социальной организации наук Р. Уитли, именно институциональная составляющая влияет на приоритетность теоретических изысканий или эмпирических исследований для научного сообщества².

Существуют разные определения национальной научной школы. В широком смысле под китайской школой международных отношений понимается совокупность интеллектуального продукта, созданного китайскими учеными в профильных академических и научных учреждениях КНР. В более узкой трактовке – это оригинальные подходы и теории, базирующиеся на уникальных концепциях классической китайской философии и исторических паттернах китайской и восточноазиатской истории межгосударственных связей³.

Автор статьи рассматривает теоретические школы в рамках методологии научно-исследовательских программ. Согласно И. Лакатосу, научно-исследовательская программа состоит из «ядра» и «защитного пояса»⁴: ядро представляет собой совокупность ключевых постулатов и гипотез программы, а защитный пояс – вспомогательные концепции, а также методологические правила исследования. О необходимости создания концептуального ядра рассуждает и китайский исследователь Цинь Яцин – автор реляционной теории мировой политики⁵.

1 Бузан 2012.

2 Whitley 2000.

3 Wang, Buzan 2014, 10–13.

4 Лакатос 2008, 364–367.

5 Qin 2007, 326–329.

Такой подход позволяет рассматривать в качестве исследовательских программ как магистральные направления теории международных отношений (реализм, либерализм, конструктивизм), так и национальные школы. В рамках анализа национальных школ главной задачей является определение наличия концептуального ядра – набора постулатов, тем и идей, которые действительно являются уникальными. В случае их отсутствия можно лишь зафиксировать состояние провинциальной науки¹ или же состояние парадигмы освоения² – использование концепций и методов, созданных в академической «метрополии» для исследования локальных процессов.

В таком прочтении реляционная теория мировой политики («теория отношений»), «система Тянься», моральный реализм или теория симбиоза относятся к исследовательской программе китайской школы, а, например, теория социальной эволюции Тан Шипина³ выходит за ее рамки. Именно акцент на осмыслении идей традиционной китайской политической философии применительно к мировым политическим процессам выступает в качестве «ядра» ее исследовательской программы. Поэтому в первых разделах статьи автор анализирует постулаты традиционной философии, которые используются в современных китайских концепциях, а затем рассматривает основные этапы исторического развития китайской школы и ее институциональной организации.

Китайская школа и политическая философия

Парадигмы теории международных отношений (ТМО) в значительной мере опираются на идеи политической философии и выявление ключевых исторических тенденций и паттернов, подтверждающих философские идеи. Не случайно ТМО рассматривается не только как наука, но и как политическая философия⁴. Там, где реализм движим осмыслением идей Фукидида или Т. Гоббса применительно к европейской истории – истории многочисленных межгосударственных конфликтов, войн, борьбы за власть, – либерализм вдохновляется И. Кантом и А. Августином, находя многочисленные примеры развития общества (прежде всего европейского) в расширении прав и свобод индивида, в стремлении к миру и прогрессу. В значительной мере все это применимо и к другим парадигмам. Поэтому оригинальные концепции ТМО могут базироваться на философских идеях, не обязательно относящихся к европейской традиции, а также на осмыслении исторических паттернов других регионов мира.

Одним из краеугольных концептов китайской философии, которому многие китайские теоретики уделяют внимание, является идея «Тянься» (кит. 天下 – Поднебесная). Среди китайских интеллектуалов мироустроительная идея «Тянься» была заменена идеей «мира» в европейском понимании уже в конце правления династии Цин, когда Китайская Империя испытывала на себе давление колониаль-

1 Соколов, Титаев 2013, 239 – 275.

2 Богатуров, А.Д. «Десять лет парадигмы освоения» // «Научно-образовательный форум по международным отношениям». 10 мая, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://obraforum.ru/bogaturov6.htm> (дата обращения: 17.03.2024).

3 Tang 2020.

4 Алексеева 2019.

ной политики западных держав в Восточной Азии¹. В исследованиях современно-го китайского философа Чжао Тиняна концепция Поднебесной играет ключевую роль. В 2005 г. он опубликовал работу «Система Тянься: введение в философию мирового института», которая до сих пор популярна как в Китае, так и за его пределами. Сам термин «Тянься» обозначает весь физический мир («все земли под небом»), чувственную общность всех людей и общемировую политическую систему. По сути же, Чжао Тинян описывает международную систему, выстроенную династией Чжоу и существовавшую в период с 1045 по 221 гг. до н.э. Дом Чжоу не обладал достаточной силой для осуществления единоличного прямого контроля над всеми китайскими территориями, поэтому удельные правители сохраняли свою самостоятельность. При этом центральное правительство действовало в общих интересах, поддерживая баланс между всеми участниками².

В дальнейшем основные положения концепции мирового института были изложены Чжао Тиняном в различных англоязычных статьях³, а также в англоязычной монографии «Переосмысление философии мирового управления»⁴. По его мнению, единицей анализа в международных отношениях должен выступать весь мир, а не отдельные государства. Именно в «несостоявшемся мире» он видит ключевую проблему современности и считает, в отличие от Ф. Фукуямы, что мировая история не только не закончилась – но еще даже не начиналась⁵. Чжао Тинян полагает, что сегодня у человечества нет аналога мирового института, так как ООН является лишь площадкой для обсуждений (сам Чжао Тинян упоминает термин агора – место народных собраний в древнегреческих полисах) и не обладает правом самостоятельных решений без санкций на это государств-участников. В условиях отсутствия настоящего мирового института человечество оказывается не в состоянии сгладить межгосударственные противоречия и решить накапливающиеся проблемы. Именно поэтому Чжао Тинян говорит о необходимости качественной новой философии мирового управления. Он заявляет, что «если не удастся создать новую “систему Тянься”, способную взять под контроль глобальные риски, люди, скорее всего, потеряют мир»⁶.

Профессор университета Цинхуа Жэнь Цзяньтяо подчеркивает, что дискуссия о «системе Тянься» не является сугубо теоретической, а наоборот, имеет практическую значимость для современного Китая. Он также считает, что современный мир полон проблем, созданных «западными империалистическими державами». Этот мир несправедлив и негармоничен, в нем доминирует западный дискурс, который продолжает конструировать современный миропорядок в соответствии с интересами узкой группы государств, а не всего мирового сообщества. Поэтому он считает вполне понятной постановку вопроса о том, нужно ли Китаю полноценно «интегрироваться в международное общество», полное несправедливости, или же продвигать «систему Тянься», основанную на нормах морали и

1 Luo 2008.

2 Zhao 2006, 29–31.

3 Ibid., Zhao 2009.

4 Zhao 2019.

5 Ibid., 43–46.

6 Ibid., 65.

ориентированную не на национальные интересы одной или нескольких держав, а на интересы всего мира¹.

При этом Жэнь Цзяньтяо понимает, что в современных условиях прямой перенос «концепции Тянься» на современный глобальный порядок представляется крайне затруднительным. Китаю не под силу «повернуть вспять» современную мировую систему национальных государств. Не под силу и сменить эгоистичную логику национальных интересов государств на поведение, основанное на моральных ценностях и общемировых интересах. Тем не менее он соглашается с Чжао Тиняном в том, что философия «Тянься» может стать настоящим спасением для современного мира, так как, в отличие от концепций, которые продвигаются западными державами, только мировоззрение «Тянься» предлагает поиск гармоничных решений для глобальных проблем. Более того, продвижение дискурса о «системе Тянься» способно продемонстрировать концептуальные преимущества китайских идей и «разоблачить эгоизм дискурсивных стратегий западных стран»².

Доцент Фуданьского университета Цзянь Цзюнбо также считает, что философия «Тянься» способна изменить к лучшему проблемный мир национальных государств. Ценности философии «Тянься» долгое время позволяли сохранять мир и стабильность в Восточной Азии, где Китай всегда выступал в качестве центра. По мере продолжения экономического роста возможности Китая влиять не только на материальный мир, но и на «идеальный» мир – мир идей – будут расти³.

Профессор Янь Сюэту из университета Цинхуа, рассматривая взгляды Сюнь-цзы⁴, обращает внимание читателя на термин «йоу тянься» (有天下), который трактуется как овладение или достижение лидерства в Поднебесной. При этом он отмечает, что статус лидера достигается через добровольное подчинение, а не благодаря использованию грубой силы⁵. Более того, развивая идеи Сюнь-цзы, Янь Сюэту приходит к новому пониманию составляющих всеобъемлющей силы государства. Он критикует ставшее традиционным в теории международных отношений разделение на «жесткую» и «мягкую» силу. В его представлении общая сила государства состоит из суммы военной, экономической и культурной силы, помноженной на политическую силу. Политическая сила становится главным и определяющим фактором для всеобъемлющей силы государства, его возможностей и действий на международной арене. В качестве основы для определения политической силы выступает концепт «и» (义), в котором Янь Сюэту видит этические принципы и идеи справедливости⁶.

Согласно его точке зрения, «мягкая сила» в первую очередь связана с идеей культурной привлекательности государства. Янь Сюэту подчеркивает, что с культурной привлекательностью США ничего существенного не произошло – «американская мечта» по-прежнему остается популярной в мире. Не произошло

1 Ren 2020, 1–3.

2 Ibid., 12–14.

3 Jian 2015.

4 Сюнь-цзы – мыслитель конфуцианской традиции, первым осуществил интерпретацию традиционного конфуцианского канона. Не путать с Сунь-цзы – автором трактата «Искусство войны».

5 Yan 2008, 148.

6 Ibid., 161.

и снижения американской военной и экономической мощи. В то же время он приводит в качестве примера действия США в Ираке 2003 г., приведшие к существенным имиджевым потерям и осложнениям в отношениях с целым рядом партнеров. Так, по его мнению, потери произошли именно на уровне политической силы, в значительной мере описываемой Янь Сюэтуном в терминах морали (отсюда и моральный реализм – направление в рамках китайских теорий международных отношений, тесно связанное с именем самого ученого)¹.

Профессор университета Цинхуа Ли Бинь, физик по образованию, применил идеи Мо-цзы и философской школы моизма к анализу теории игр, что позволило иначе взглянуть на классическую «дилемму заключенного». По его мнению, конфликтное поведение является результатом отсутствия «*цзянь ай*» (кит. 兼愛 – всеобщая любовь), которая означает стремление к коллективной выгоде, коллективную заботу. Погоня за личной выгодой (или только за выгодой близких) ведет к ущербу общих интересов и является серьезным злом для Поднебесной. Согласно Ли Биню, концепт всеобщей любви демонстрирует возможность построения нисходящих систем ценностей, внедрение которых может способствовать укреплению международного сотрудничества. Это открывает путь к дальнейшему осмыслению причин конфликтов и сотрудничества в международных отношениях, а также к поиску стратегий, способствующих сотрудничеству².

Примеры Янь Сюэтуна и Ли Биня демонстрируют значимость китайской политической философии периодов *Чуньцю* (кит. 春秋 – «Весны и осени») и «Сражающихся царств» для так называемого *подхода Цинхуа*. В его рамках анализируются идеи таких философов, как Конфуций, Гуань Чжун, Лао-цзы, Мэн-цзы, Мо-цзы, Сюнь-цзы, Хан Вэй. Их идеи экстраполируются на реалии международной политической ситуации современности³. При этом применение идей классиков китайских философских школ к современным международным процессам проходит в соответствии с постулатами позитивизма, где полученные научные результаты должны быть проверяемыми и четкими.

Известный теоретик Цинь Яцин, с именем которого связана *реляционная теория мировой политики*, считает, что в рамках концепта «Тянься» нет места для гегельянской диалектики конфликта и противоречий. Содержание китайской диалектики Цинь Яцин раскрывает в *диалектике дополнительности*, или же *инь-ян диалектики*. Диалектика дополнительности содержит в себе следующие ключевые аспекты: инклюзивность, комплементарность и гармонию. Он предлагает рассматривать противоположности как элементы, способные к интеграции и трансформации не через гомогенизацию, а через взаимное изменение. Такая альтер-эго трансформация результируется в новой идентичности, сочетающей черты обеих противоположностей. Отношения противоположностей инь-ян являют собой метаотношения – прототип восприятия любых отношений в китайской философии⁴. Не существует в рамках этой философии и дихотомии «Я – Другой». В этом ему видится фундаментальное отличие западного и китай-

1 Yan 2016, 9.

2 Li 2009, 438.

3 Yan 2011, 21–107.

4 Qin 2016, 39.

ского осмысления мировых политических процессов. В частности, он считает, что в рамках Английской школы гегельянская диалектика проявляется в неспособности адекватно воспринять процесс развития Китая, а как результат – в объявлении Китая государством-ревизионистом, способным пошатнуть институты международного общества, а также в выражении сомнения в возможности действительного мирного «возвышения Китая»¹.

Подход Цинь Яцина базируется на традиционных китайских концептах *отношений* (关系 – *guānxi*) и процесса (过程 – *guòchéng*). Отношения и процессы рассматриваются как текущие отношения, встроенные в социальные практики и производящие социальные смыслы. Процессы – это комплекс взаимосвязанных и динамических отношений, сформированных социальными практиками. Следовательно, процесс онтологически значим и отношения являются первичной единицей анализа. Социальные акторы не существуют «сами по себе», они существуют только благодаря наличию социальных связей с другими. Поэтому и акторы международных отношений рассматриваются как *акторы-в-отношениях*².

Исходя из этого Цинь Яцин предлагает рассмотреть и концепт *реляционной силы*, так как сила государства проистекает из его кругов отношений, где отношения – это и есть сила³. Международный актор может считаться более сильным, чем его визави, в том случае, если он в отношениях с большим числом акторов, или же в его кругах отношений присутствуют более значимые игроки.

Идея *реляционных систем* позволяет иначе взглянуть на исторические и современные региональные системы международных отношений. Цинь Яцин подчеркивает, что Вестфальская система не является чем-то универсальным для международных отношений. Он также подчеркивает, что Вестфальские принципы и практики – суверенное равенство государств, баланс сил и конфликтные взаимоотношения между государствами – отражают западное индивидуалистическое и атомистическое мировоззрение. В качестве исторической альтернативы он приводит Конфуцианский порядок в Восточной Азии, основанный на принципах иерархии. При этом Цинь Яцин считает, что международные системы отличаются не из-за разного числа участников или их материальной мощи, а из-за разного типа отношений между участниками этих систем⁴.

К концепциям традиционной китайской политической философии обращаются и представители *теории симбиоза* в международных отношениях, которая, в отличие от вышеописанных исследовательских направлений, представленная в основном учеными из Пекина, разрабатывается учеными из Шанхая. Первоначально концепция социального симбиоза была представлена социологом Ху Шоуцзюнем, профессором Фуданьского университета, который в 2006 г. опубликовал книгу «Теория социального симбиоза» и основал центр исследований социального симбиоза в самом университете⁵.

В рамках этого направления первоочередное внимание уделяется идее гармонии (和合 – *héhé*). Современный мир обладает высочайшей степенью

1 Qin 2010, 135.

2 Ibid., 138.

3 Qin 2016, 41.

4 Ibid., 44.

5 Hu 2006.

разнообразия, и различия существуют во всех сферах человеческой жизни. Однако стремление мира к гармонии позволяет избежать излишней конфликтности. Неподохожесть международных акторов рассматривается как необходимое условие для их взаимовыгодного сотрудничества и развития. Такое конструктивное взаимодействие не приводит к поглощению или ассимиляции одним актором другого. Наоборот, посредством взаимного обучения они способны лучше понять и даже ценить друг друга. Профессор Фуданьского университета Жэнь Сяо даже считает, что когда принципы «симбиотического мира» станут общепризнанными принципами международной политики, возникнет действительно качественно новый мир, в котором человечество забудет о войнах и конфликтах. Причем в этом случае даже не нужно пытаться реализовывать утопию «мирового правительства»¹.

Таким образом, очевидно, что прорывные идеи китайской школы основываются на классической китайской философии, что в соответствии с терминологией И. Лакатоса и является концептуальным ядром исследовательской программы. Хотя Янь Сюэтуан скептически относится к самому термину «китайская школа», считая, что ТМО должна быть универсальной, а не национальной², однако и он является представителем теоретической мысли, характерной именно для китайской цивилизации.

Другой важной характеристикой выступает общий подход к переосмыслению исторических и политических сюжетов разных этапов развития китайской государственности. Интересен в этом контексте период «Сражающихся царств» – эпохи, когда даже в рамках конфуцианской традиции существовало несколько государств, отношения между которыми складывались скорее в русле международной политики, а не в строгой иерархии центра и периферии (Срединного государства с «варварами»). Свою специфику имеют исследования особенностей региональной архитектуры в Восточной Азии в рамках даннической системы Китая. В большинстве случаев эти исторические сюжеты получили новое прочтение благодаря политической философии Китая, что наглядно демонстрирует наличие «защитного пояса» исследовательской программы китайской школы.

Теория международных отношений в КНР в контексте институционального развития

Китайские исследователи выделяют разные исторические этапы развития науки о международных отношениях в КНР. Однако в их описаниях заметно, что весьма часто внешние, не входящие во внутреннюю среду академического сообщества факторы выступали в качестве движущей силы для перехода с одного этапа на другой. Таким образом, рассматривать историю академической дисциплины как на глобальном уровне, так и в отдельно взятой стране следует не только в разрезе академических дискуссий и накопления знаний, но и учитывая внешние факторы. Влияние таких факторов рассматривается в рамках *экстернализма* в социологии науки³.

1 Ren 2019.

2 Yan 2011, 256.

3 Экстернализм – философско-методологическая позиция, в которой научное познание определяется в значительной степени внешними условиями, в том числе социальными, историческими, политическими взаимодействиями.

Ван Ивэй в качестве отправной точки институционализации науки о международных отношениях в КНР называет 1955 г. – создание Китайского университета иностранных дел (кит. 外交学院, англ. *China Foreign Affairs University*). Однако еще в 1949 г. был создан Институт международных отношений (кит. 国际关系学院, англ. *University of International Relations*). Всего Ван Ивэй выделяет четыре исторических периода исследований международных отношений в Китае¹.

Зарождающийся – период марксизма (1960–1980)

В этот период в соответствии с государственными директивами создаются факультеты международной политики в Пекинском, Народном и Фуданьском университетах, а также специализированные исследовательские центры в рамках Академии общественных наук КНР (КАОН). Государственная идеология задавала четкие и строгие рамки исследований, а «разделение труда», по которому в университетах по большей части занимались обучением, а исследованиями – в структурах КАОН, позволяло поставить развитие науки о международных отношениях под прямой государственный контроль².

Международные отношения описывались с позиций марксизма-ленинизма. Изучение сильных сторон социализма и критика капитализма являлись ключевыми для исследований международных отношений этого периода. Другим важным направлением было осмысление взглядов политического руководства страны. Фактически в качестве теорий изучались идеи Мао Цзэдуна, например «теория трех миров»³ или «о противоречиях»⁴.

Ученический – период копирования (1980–е гг.)

Начало нового периода в значительной мере было заложено теми изменениями, которые стало проводить второе поколение руководителей КНР во главе с Дэн Сяопином. В первую очередь, это создание в 1980 г. Китайской национальной ассоциации международных исследований, ставшей платформой для кооперации ученых-международников со всей страны⁵. Очевидно, под влиянием XII съезда КПК (1–11 сентября 1982) идеи интернационализма, классовой борьбы и интересов пролетариата начинают уходить на второй план, особенно среди нового поколения китайских международных, предпочитающих рассуждать в терминах национального интереса и рационализма⁶.

Смена поколений стала возможна в связи с тем, что китайские международники начали активно изучать работы западных теоретиков. В этот период китайские студенты и преподаватели получили возможность ездить в США и

1 Wang 2009, 103–105.

2 Shambaugh, Wang 1984, 763.

3 Теория трех миров – теория, разработанная Мао Цзэдуном и утверждающая, что международные отношения состоят из трех политико-экономических блоков: Первого – мира сверхдержав США и СССР, Второго – промежуточных сил (Японии, Канады, стран Европы), Третьего мира – всей остальной Азии, Африки и Латинской Америки.

4 Эссе Мао Цзэдуна «О противоречиях» является частью философской основы Маоизма. Мао описывает сущее как состояние постоянных преобразований и противоречий. Ничто не является постоянным, как в метафизике, и может существовать только на основе противоборствующих противоречий.

5 “A Brief Introduction of China National Association for International Studies,” China Foreign Affairs University, November 8, 2022, accessed April 11, 2024, <https://en.cfau.edu.cn/col2485/col2516/col2738/col2740/index.htm>.

6 Виноградов, Салицкий 2019, 173.

Западную Европу для обучения, а американская профессура стала приглашаться в Китай – все это способствовало распространению западных теорий в КНР¹. Например, как раз в это время в магистратуре Университета Миссури обучался Цинь Яцин. Представители нового поколения исследователей стали проводниками западных подходов – они владели передовыми концепциями и методологией исследования, принятыми в американском академическом сообществе. Некоторые из них стали переводить на китайский язык работы ведущих западных авторов, что существенно расширило круг знакомых с западной (преимущественно американской) теорией международных отношений в Китае. Активный перевод работ западных теоретиков и их издание на китайском языке начинается с конца 1980-х гг. В целом этот период характеризовался некритичным изучением западных теорий.

Мотивационный – период отклика (1990-е гг.)

В этот период китайские международники в своих изысканиях помимо теоретических подходов американского происхождения стали обращаться к Английской школе, Копенгагенской школе и теориям зависимости. Более того, зарубежные теории стали критически осмысляться на предмет их применимости к реалиям международной обстановки и китайской внешней политики.

В 1990-е гг. в китайском академическом сообществе активно обсуждается концепт «национальные интересы», предлагаются разные интерпретации национальных интересов КНР в постбиполярную эпоху. В конце 1980-х и начале 1990-х гг. большинство авторов еще продолжали рассматривать национальные интересы как «преимущественно достояние правящего класса», оставаясь в марксистском русле. Одним из результатов периода отклика становится кардинальное переосмысление этого концепта². Первой глубокой концептуальной работой, полностью посвященной теме национальных интересов, становится книга Янь Сюэтун «Анализ национальных интересов Китая». Примечательно, что Янь Сюэтун в этой работе открыто критикует классовый подход, отмечая, что национальные интересы – это часть объективной реальности, требующая научного изучения с объективных позитивистских позиций³.

В 1995 г. публикуется знаковая для исследований международных отношений в КНР книга Ван Ичжоу «Анализ современной международной политики» (кит. 当代国际政治析论, англ. *Analysis of Contemporary International Politics*) – первая большая работа, посвященная комплексному анализу исторической эволюции международных отношений и обзору конкурирующих теоретических подходов⁴. Китайские международники все активнее рассматривают международные процессы и тенденции, мало соответствующие «азбучным истинам» теории международных отношений. Происходит переход от изучения западных концепций к самостоятельному мышлению.

1 Zhang 2003, 99–102.

2 Deng 1998.

3 Yan 1996.

4 Wang 1995.

Отражающий – период конструирования (2000-е гг.)

В рамках нового этапа западная дискуссия об «угрозе растущего Китая» (*“Rising China Threat”*) стимулировала появление китайского ответа – концепций «мирного возвышения» и «мирного развития». Китайские исследователи стали поднимать вопрос влияния идеологий на международные отношения. Значительная часть академического сообщества стала склоняться к тому, что западные по своему происхождению концепции и теории не смогут дать ответы на вопросы и вызовы, стоящие перед Китаем, поэтому приоритетом становится выработка собственных оригинальных подходов.

Политическое руководство также все в большей степени осознавало, что КНР, будучи великой державой, должна иметь свой собственный независимый голос в мире. Именно в этот период в академической среде распространяется идея о том, что для достижения новых высот и позиций на международной арене Китаю необходимо быть не только ведущей экономической силой в мире, но и обладать соответствующей *дискурсивной силой*, способной генерировать «мировые знания и идеи»¹.

С 2000-х гг. китайские международники все активнее применяют концепции «власти-знания» и дискурсивной силы М. Фуко. В числе первых работ в этом направлении можно выделить статью профессора Уханьского университета Жуань Цзяньпина «Дискурсивная сила и конструирование международного порядка», опубликованную в 2003 г. Жуань Цзяньпин отмечает, что развитые страны опираются не только на свои экономические и технологические, но также на языковые и культурные преимущества для распространения своей идеологии в мире. Развивающиеся страны при этом оказываются не в состоянии отстоять свои ценности и мировоззрение, а международный порядок в большей степени отражает волю и ценностные ориентации развитых стран².

В целом, китайские авторы придерживаются идеи о том, что доминирующий дискурс конструирует реальность, так как им фиксируется определенное представление об истине в общественных институтах, которое впоследствии воспроизводится на практике³. При этом огромный пласт других «истин» оказывается «дисквалифицированным», будучи признанным недостаточно концептуальным или недостаточно разработанным⁴. Это касается и науки о международных отношениях, где идеи из стран «глобального Юга» можно рассматривать в качестве подобного «дисквалифицированного знания». Например, К. Уолтц полагал, что ТМО должна опираться на анализ поведения великих держав эпохи и анализировать исторические процессы, связанные с ними. А так как начиная с эпохи великих географических открытий и колонизации наиболее сильными державами в мире были западные страны, то и использовать нужно западные идеи и западный исторический опыт⁵.

1 Thuy 2015, 23–24; Zhao 2016.

2 Ruan 2003.

3 Фуко 2012, 298.

4 Фуко 2005, 28.

5 Waltz 2010, 73.

Если у самого М. Фуко концепция «власти-знания» в большей степени объясняла господство правящего класса внутри государств, то в случае с теорией международных отношений речь идет о доминировании западных идей в глобальном дискурсе международных исследований. Из этого следует, что реальность международных отношений конструируется в пользу США и «коллективного Запада», а положение Китая остается невыгодным. Соответственно, для изменения сложившейся ситуации необходимо продвижение китайского дискурса – его взгляда на глобальные проблемы человечества и вопросы справедливого международного порядка. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что число публикаций с упоминанием концепта дискурсивной силы в китайской базе CNKI в период с 2000 по 2010 гг. выросло более чем в 600 раз¹.

При Цзян Цзэмине государством все активнее поощрялись мозговые центры и ведущие университеты КНР, предлагающие новые идеи и творческие подходы к анализу международных вопросов². В 2004 г. Цинь Яцин и профессор Чжан Юань из КАОН были приглашены для чтения совместной лекции членам Политбюро Коммунистической партии Китая. Это был первый случай, когда высшее китайское руководство проявило готовность учиться у ученых-международников³. В этот период возрастает статус экспертного и научного сообщества.

Профессор Пекинского университета Янь Фэнцяо приводит статистические данные, согласно которым в 2010 г. около 62% специалистов, обладавших правом руководства докторантами в университетах КНР, имели опыт обучения или стажировки на Западе⁴. Этим также может объясняться успех китайских авторов в трансляции своих идей на глобальную аудиторию. Значительная доля уже состоявшихся ученых, готовивших новое поколение китайских международных, умела проводить исследования и представлять научные результаты в соответствии с правилами американских и европейских научных журналов. Безусловно, необходимо учитывать и влияние структурных факторов, включая экономический рост и новый геополитический статус Китая. Три десятилетия бурного роста китайского ВВП со средними темпами порядка 10% в год открыли значительные возможности для увеличения финансирования науки. Сегодня Китай занимает второе место по вложениям в сферу науки и образования, немного уступая по этому показателю Соединенным Штатам⁵.

Другой важный аспект – внедрение в Китае системы стимулирования публикационной активности научных кадров и связанный с этим существенный рост доходов научных кадров⁶. В 2000-е гг. отмечался стремительный рост количества китайских научных периодических изданий по тематике международных отношений⁷. Далеко не везде наблюдалась похожая ситуация. Например, индий-

1 Денисов, И.Е., Зуенко, И.Ю. «От мягкой силы к дискурсивной силе: новый идеологемы внешней политики КНР». Доклад Института международных исследований // МГИМО-Университет. 1 февраля 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://mgimo.ru/library/publications/china-foreign-policy-new-ideologemes/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 17.03.2024).

2 Wang 2009, 106–107.

3 Ibid.

4 Yan 2010, 104.

5 Подробнее см. доклад ОЭСР: "Science, Technology and Innovation Outlook 2023," OECD, March 16, 2023, accessed April 10, 2024, <https://www.oecd.org/sti/science-technology-innovation-outlook/>.

6 Yan 2010, 104–106.

7 Zhang 2002, 107.

ские исследователи характеризовали состояние дел в индийском сообществе ученых-международников в этот же период как «летаргический сон», так как у профессорско-преподавательского состава отсутствовала мотивация к соответствующим видам деятельности¹. Причем некоторые авторы настаивают на том, что до конца 1980-х гг. индийская школа международных отношений качественно опережала китайскую². Очевидно, что сегодня ситуация выглядит иначе, и причина таких изменений – во влиянии институциональных факторов на производство интеллектуальных инноваций.

Главным результатом *периода конструирования* стало то, что большинство китайских международных (69% согласно опросу китайской профессуры, проведенному в 2013 г. П. Кристенсен и Р. Нильсеном) разделяло необходимость создания национальной теоретической китайской школы³. При этом к наиболее успешным «коллегам по цеху» ученые отнесли исследователей, занимающихся теоретическими проблемами. Проведенный опрос показал, что китайские международники особенно выделяют Цинь Яцина, Ван Ичжоу, Ван Цзисы и Янь Сюэтуна⁴.

Анализ биографии упомянутых выше ученых подтверждает выводы теории социальной организации научных дисциплин Р. Уитли, так как ведущие китайские ученые-международники в значительной мере являются теоретиками, занимая при этом значимые для академического сообщества посты. Так, в послужном списке Цинь Яцина, создателя реляционной теории мировой политики, присутствуют должности президента Китайского университета иностранных дел, директора Института международных и стратегических исследований Пекинского университета, вице-президента Китайской ассоциации международных исследований, члена Консультативной группы по внешней политике МИД КНР, национального координатора Сети восточноазиатских мозговых центров (*Network of East Asian Think-Tanks*)⁵. На карьерном пути Ван Цзисы были позиции декана Школы международных исследований Пекинского университета, директора Института американских исследований КАОН, директора Института международных стратегических исследований Центральной партийной школы КПК⁶. Среди сферы исследовательских интересов Ван Цзисы, помимо китайско-американских отношений и их влияния на международный порядок, можно выделить работы по китайской большой стратегии⁷. Ван Ичжоу, будучи одним из главных специалистов, занимающихся компаративистикой западных и китайских концепций в теории международных отношений, является заместителем декана Школы международных отношений Пекинского университета. Он также занимает должность вице-президента Китайской ассоциации международных исследований, а ранее был заместителем директора Института мировой экономики и политики

1 Matoo 2009.

2 Bajpai 2009, 109–110.

3 Kristensen, Nielsen 2013, 24.

4 Ibid., 23.

5 “Qin Yaqing bio,” Institute for Global Cooperation and Understanding, March 18, 2022, accessed April 14, 2024, <https://en.igcu.pku.edu.cn/info/1019/2760.htm>.

6 “Wang Jisi bio,” Asia Society Policy Institute, June 25, 2018, accessed April 14, 2024 <https://asiasociety.org/policy-institute/wang-jisi>.

7 Wang 2011.

КАОН КНР¹. Автор теории морального реализма и ведущая фигура в рамках подхода Цинхуа в международных исследованиях Янь Сюэтуна занимает должность декана факультета современных международных отношений Университета Цинхуа. Все перечисленные исследователи являются членами редколлегий ведущих китайских журналов по международным отношениям.

Принимая во внимание то, что вышеуказанная четверка выделяется как группа наиболее значимых специалистов-международников в соответствии с опросом китайских ученых, а также тот факт, что они занимают или занимали важные научные и административные посты, в соответствии с теорией социальной организации науки сложившуюся среду китайских исследований международных отношений можно назвать «*полицентричной олигархией*» по Р. Уитли. В такой ситуации другие ученые ориентируются на идеи и подходы небольшой группы лидеров, воспринимая их как своеобразную ролевую модель². То, что «олигархи» международно-политической науки в Китае являются в первую очередь теоретиками, может выступать дополнительным фактором, стимулирующим вовлечение более широкого круга китайских ученых-международников в дискуссии вокруг теоретического знания.

Вместо заключения: вопросы для дальнейшей дискуссии

Трансформация «политики реформ и открытости» в академической сфере вкупе с постановкой задачи на развитие собственных теорий стали мощнейшим стимулом для становления китайской школы. Развитие академической дисциплины в области международных отношений в Китае наглядно демонстрирует, что для создания национальной школы недостаточно одних оригинальных идей, так как теоретическая школа представляет собой определенную социальную реальность. В первую очередь необходимо систематическое продвижение собственного дискурса на глобальную аудиторию. Стратегия «энтризма»³ в определенной степени является выигрышной: вас видят, вас читают, с вами дискутируют. Б. Бузан и Цинь Яцин ведут заочный диалог о концепции международного общества, а Дж. Миршаймер и Янь Сюэтуна – об аспектах политического реализма в ТМО.

Продвижение новых идей «во внешний мир» требует не только определенного уровня открытости академического сообщества, но и умения следовать установившимся общемировым практикам представления научных результатов. Еще с 1980-х гг. в Китае издавались на китайском языке работы признанных корифеев ТМО Г. Моргентау, К. Уолтца, Р. Кеохейна. Многие китайские ведущие международники проходили обучение в зарубежных университетах и обладают навыками проведения современных исследований и публикации их результатов в репрезентативных научных изданиях международного класса. Показательным примером является англоязычный журнал *"The Chinese Journal of International*

1 "Wang Yizhou bio," Institute for Global Cooperation and Understanding, March 18, 2022, accessed April 15, 2024, <https://en.igcu.pku.edu.cn/info/1019/2734.htm>.

2 Whitley 2000, 158–160.

3 Энтризм – тактический прием, при котором представители сообщества / группы / партии вступают в более крупную и сильную, начиная оказывать на нее влияние изнутри.

Politics», спонсируемый фондом Макартуров и выходящий на платформе Оксфордского издательства. Поэтому при анализе национальных школ в области международных отношений в странах «глобального Юга» важно обращать внимание на институциональное состояние дисциплины: ставилась ли в принципе задача построения оригинальных теорий; достаточен ли уровень методологической подготовки местных специалистов; какое положение в академическом сообществе занимают теоретики; существует ли система мотивации исследовательской и публикационной активности.

Пример Китая показывает, что хотя первые заявления о задаче создания оригинальных теорий прозвучали еще во второй половине 1980-х гг. (как на государственном, так и академическом уровне), только в 2000-х гг. появились теоретические работы, получившие международное признание. При этом дебаты о развитии национальных подходов в ТМО занимали центральное место в академическом сообществе КНР на протяжении длительного времени. Шла активная дискуссия о том, что из себя представляет китайская специфика в ТМО, целесообразно ли развивать собственные аутентичные подходы, а впоследствии – каковы пути и способы развития китайских теорий в науке о международных отношениях¹.

Изучение Китайской школы является полезным опытом для российских исследователей ТМО. С одной стороны, возникает вопрос, насколько широко в России известны китайские теории в области международных отношений. С другой стороны, успешная институциональная организация теоретической науки в Китае является хорошим примером для целеполагания российской школы ТМО²: какое место вопросы теории и методологии занимают в отечественной академической дискуссии; что выступает в качестве «ядра» исследовательской программы; какие оригинальные идеи могут лечь в основу национальной теоретической школы, и их эффективно продвигать на институционально-организационном уровне?

За последние годы целый ряд российских специалистов обращался к вопросам развития ТМО в Китае³. Но, как отмечает А.С. Пятчкова, в большинстве своем эта тематика проходит в специализированных периодических изданиях, в то время как диссертационные исследования или монографии являются большими исключениями⁴. В российской науке о международных отношениях по-прежнему превалирует западный подход и китайские теории скорее используются единичными специалистами-регионоведами. При этом западные авторы предпринимают успешные попытки экстраполяции китайских подходов. Особую популярность получила концепция «Тянься», которая применяется для анализа американоцентричного международного порядка⁵. «Вашингтонский консенсус» рассматривается как аналог китайской даннической системы⁶. Постепенно китайские теории все-таки переступают через порог партикуляризма: это уже теории не только *про Китай и для Китая*, а теории, которые можно применять для анализа международных проблем.

1 Zhang, Chang 2016.

2 Цыганков 2014.

3 Грачиков 2016; Кривохиж, Соболева 2017.

4 Пятчкова 2023, 58. Пример подобного исключения см.: Грачиков 2021.

5 Babones 2017.

6 Khong 2013.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеева, Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М.: Аспект Пресс, 2019. 608 с.
- Alekseeva, Tatiana A. *Theory of International Relations as a Political Philosophy and Science*. Moscow: Aspekt Press, 2019 [In Russian].
- Бузан, Б. «Наука о международных отношениях – удел избранного круга государств...» // Международные процессы. 2012. № 3–4. С. 73–82.
- Buzan, Barry. "The Science of International Relations is the Domain of a Select Circle of States..." *International Trends*, no. 3–4 (2012): 73–82 [In Russian].
- Виноградов, А.В., Салицкий А.И. Можно ли говорить о формировании в Китае нового общественного строя? // Вестник Российской академии наук. 2019. № 2. С. 172–178.
- Vinogradov, Andrei V., Salickij, Alexander I. "Is it Possible to Talk about the Formation of a New Social Order in China?" *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, no. 2 (2019): 172–178 [In Russian].
- Грачиков, Е.Н. Китайская теория международных отношений // Международные процессы. 2016. № 3. С. 68–80.
- Grachikov, Evgeniy N. "Chinese International Relations Theory." *International Trends*, no. 3 (2016): 68–80 [In Russian].
- Грачиков, Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021. 304 с.
- Grachikov, Evgeniy N. *The Chinese School of International Relations: on the Way to Big Theories*. Moscow: Aspekt Press, 2021 [In Russian].
- Кривохиж, С.В., Соболева, Е.Д. Древность на службе современности: теория морального реализма Янь Сюэтуна и будущее мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 11. С. 76–84. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-76-84>.
- Krivokhizh, Svetlana V., Soboleva, Elena D. "The Past Serving the Present: Yan Xuetong's Theory of Moral Realism and the Future of the Global Order." *World Economy and International Relations*, no. 11 (2017): 76–84 [In Russian].
- Лакатос, И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический Проект, 2008. 475 с.
- Lakatos, Imre. *Selected Works on Philosophy and Methodology of Science*. Moscow: Academic Project, 2008 [In Russian].
- Пятачкова, А.С. Китайская школа международных отношений в исследованиях российских ученых // Российское китаеведение. 2023. № 3. С. 53–68. <https://doi.org/10.48647/CCA.2023.73.80.004>.
- Piatachkova, Anastasiia S. "The Chinese School of International Relations in Russian Scholarship." *Russian Sinology*, no. 3 (2023): 53–68 [In Russian].
- Соколов, М.М., Титаев, К.Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
- Sokolov, Mikhail M., Titaev, Kirill D. "Provincial and Native Science." *Forum for Anthropology and Culture*, no. 19 (2013): 239–275 [In Russian].
- Фуко, М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2012. 416 с.
- Foucault, Michelle. *The Archaeology of Knowledge*. Saint-Petersburg.: Gumanitarnaya akademiya, 2012 [In Russian].
- Фуко, М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
- Foucault, Michelle. *We need to Protect Society: A Course of Lectures Delivered at the College de France in the 1975–1976 Academic Year*. Saint-Petersburg: Nauka, 2005 [In Russian].
- Цыганков, А.П. Российская теория международных отношений: какой ей быть? // Сравнительная политика. 2014. № 2. С. 65–83.
- Tsygankov, Andrei P. "Russia International Relations Theory: What Should it be Like?" *Comparative politics*, no. 2 (2014): 65–83.
- Babones, Salvatore. *American Tianxia: Chinese Money, American Power, and the End of History*. Bristol: Policy Press, 2017. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1t88xx8>.
- Bajpai, Kanti. "Obstacles to Good Work in Indian International Relations." *International Studies*, no. 1–2 (2009): 109–128. <https://doi.org/10.1177/002088171004600208>.
- Buzan, Barry, "China in International Society: Is 'Peaceful Rise' Possible?", *The Chinese Journal of International Politics* 3, no. 1 (2010): 5–36. <https://doi.org/10.1093/cjip/pop014>
- Deng, Yong. "The Chinese Conception of National Interests in International Relations." *The China Quarterly* 154 (1998): 308–329. <https://doi.org/10.1017/S0305741000002058>.
- Khong, Yuen F. "The American Tributary System." *The Chinese Journal of International Politics* 6, no. 1 (2013): 1–47.
- Kristensen, Peter M., Nielsen, Ras T. "Constructing a Chinese International Relations Theory: A Sociological Approach to Intellectual Innovation." *International Political Sociology* 7, no. 1 (2013): 19–40. <https://doi.org/10.1111/ips.12007>.
- Li, Bin. "Insights into the Mozi and their implications for the Study of Contemporary International Relations." *The Chinese Journal of International Politics* 2, no. 3 (2009): 421–454. <https://doi.org/10.1093/cjip/pop005>.
- Luo, Zhitan. "From 'Tianxia' (all under Heaven) to the World: Changes in Late Qing Intellectuals' Conceptions of Human Society." *Social Sciences in China* 29, no. 2 (2008): 93–105. <https://doi.org/10.1080/02529200802091276>.
- Matoo, Amitabh. "The State of International Studies in India." *International Studies*, no. 1–2 (2009): 37–48. <https://doi.org/10.1177/002088171004600204>.
- Shambaugh, David, Wang, Jisi. "Research on International Studies in the People's Republic of China." *Political Science and Politics*, no. 4 (1984): 758–764. <https://doi.org/10.2307/418762>.
- Tang, Shiping. *On Social Evolution: Phenomenon and Paradigm*. London: Routledge, 2020.
- Thuy, Do T. "China's Rise and the 'Chinese Dream' in International Relations Theory." *Global Change, Peace & Security* 27, no. 1 (2015): 21–38. <https://doi.org/10.1080/014781158.2015.995612>.
- Qin, Yaqing. "A Relational Theory of World Politics". *International Studies Review* 18, no. 1 (2016): 33–47. <https://doi.org/10.1093/isr/viv031>.
- Qin, Yaqing. "International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise". *The Chinese Journal of International Politics* 3, no. 2 (2010): 129–153. <https://doi.org/10.1093/cjip/poq007>.
- Qin, Yaqing. "Why There is no Chinese International Relations Theory?" *International Relations of the Asia Pacific* 7, no. 3 (2007): 313–340.
- Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. Long Grove, IL: Waveland Press, 2010.

Wang, Jisi. "China's Search for a Grand Strategy: A Rising Great Power Finds Its Way." *Foreign Affairs* 90, no. 2 (2011): 68–79. <http://www.jstor.org/stable/25800458>.

Wang, Jiangli, Buzan, Barry. "The English and Chinese Schools of International Relations: Comparisons and Lessons." *The Chinese Journal of International Politics* 7, no. 1 (2014): 1–46. <https://doi.org/10.1093/cjip/pot017>.

Whitley, Richard. *The Intellectual and Social Organization of the Sciences*. New York: Oxford University Press, 2000.

Wang, Yiwei. "China: Between Copying and Constructing." In *International Relations Scholarship around the World*, edited by Arlene B. Tickner, Ole Wæver, 103–119. London: Routledge, 2009. <https://doi.org/10.4324/9780203885451>.

Yan, Fengqiao. "The Academic Profession in China in the Context of Social Transition: An Institutional Perspective." *European Review* 18, no. S1 (2010): 99–116. <https://doi.org/10.1017/S1062798709990342>.

Yan, Xuetong. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power*. Princeton University Press, 2011. <https://doi.org/10.2307/j.ctt32bbm1>.

Yan, Xuetong. "Political Leadership and Power Redistribution". *The Chinese Journal of International Politics* 9, no. 1 (2016): 1–26. <https://doi.org/10.1093/cjip/pow002>.

Yan, Xuetong. "Xun Zi's Thoughts on International Politics and their Implications". *The Chinese Journal of International Politics* 2, no. 1 (2008): 135–165.

Zhao, Keijin. "China's Rise and Its Discursive Power Strategy." *Chinese Political Science Review*, (2016). <https://doi.org/10.1007/s41111-016-0027-x>.

Zhao, Tingyang. "Political World Philosophy in Terms of All-under-Heaven (Tian-Xia)." *Diogenes* 56, no 1 (2009): 5–18. <https://doi.org/10.1177/0392192109102149>.

Zhao, Tingyang. *Redefining a Philosophy for World Governance*. Palgrave Pivot Singapore, 2019.

Zhao, Tingyang. "Rethinking Empire from a Chinese Concept 'All-under-Heaven' (Tian-xia)." *Social Identities* 12, no. 1 (2006): 29–41. <https://doi.org/10.1080/13504630600555559>.

Zhang, Yongjin "International Relations Theory in China Today: The State of the Field." *The China Journal* 47, no. 1 (2002): 101–108.

Zhang, Yongjin. "The 'English School' in China: A Travelogue of Ideas and Their Diffusion." *European Journal of International Relations* 9, no. 1 (2003): 87–114.

Zhang, Yongjin, Chang, Teng-Chi, eds. *Constructing a Chinese School of International Relations: Ongoing Debates and Sociological Realities*. London: Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315692432>.

胡守钧: “社会共生论”, 复旦大学出版社, 2006.

Hu, Shoujun. *A Theory of Social Symbiosis*. Fudan University Publishing House, 2006 [In Chinese].

简军波: “从“民族国家体系”到“天下体系”: 可能的国际秩序?” 《国际关系研究》, 2015年 第一期, 第37–40页.

Jian, Junbo. "From 'Nation-State System' to 'World System': Possible International Order?" *International Relations Research*, no. 1. (2015): 37–40 [In Chinese].

任剑涛: “当代中国的国际理念: 融入“世界”, 抑或重启“天下”?” 《山西师大学报(社会科学版)》, 2020年 第五期, 第1–15页.

Ren, Jiantao. "The International Concept of Contemporary China: To Integrate into the World or to Restart the 'World'?" *Journal of Shanxi Normal University (Social Science Edition)*, no. 5 (2020): 1–15 [In Chinese].

任晓: “从世界政府到“共生和平”” 《国际观察》, 2019年 第一期, 第36–50页.

Ren, Xiao. "From World Government to Symbiotic Peace" *International Review*, no. 1 (2019): 36–50 [In Chinese].

阮建平: “话语权与国际秩序的建构” 《现代国际关系》, 2003年 第五期, 第31–59页.

Ruan, Jianping. "Discourse Power and the Construction of International Order." *Modern International Relations*, no. 5 (2003): 31–59 [In Chinese].

王逸舟: “当代国际政治论”, 人民出版社, 1995.

Wang, Yizhou. *Analysis of Contemporary International Politics*. People's Publishing House, 1995 [In Chinese].

阎学通: “中国国家利益分析”, 天津人民出版社, 1996.

Yan, Xuetong. *Analysis of National Interests of China*. Tianjin People's Publishing House, 1996 [In Chinese].

Сведения об авторе

Андрей Игоревич Козинец,

к.полит.н., доцент кафедры международных отношений,

Дальневосточный федеральный университет

690922, Россия, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10.

e-mail: kozinetc.ai@dvfu.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 22 апреля 2024.

Переработана: 25 мая 2024.

Принята к публикации: 26 мая 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Козинец, А.И. Китайская школа международных отношений – успех исследовательской программы // Международная аналитика. 2024. Том 15 (2). С. 74–91. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-74-91>.

The Chinese School of IR – Success of the Research Program

ABSTRACT

The current social organisation of academic science in China has created special conditions for the development of theoretical knowledge in the country. Classical Chinese philosophy, as well as the rich historical experience of interstate relations in East Asia, remains an important component of the successful development of Chinese theories of international relations. At the same time, issues of theory development have for many years occupied a central place in the scientific community of the People's Republic of China, as has the system of motivation of research personnel and methodological training of researchers. The article examines the main stages in the development of the Chinese school as a non-Western approach to the theory of international relations, playing particular attention to institutional aspects from the perspective of the sociology of science.

KEYWORDS

non-western IR theory, Chinese IR school, Chinese approaches in IR, IR theory in China, national schools in IR theory

Author

Andrei I. Kozinets,

PhD in Political Science, Associate Professor, Department of International Studies,
Far Eastern Federal University

10, Ayaks settlement, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922

e-mail: kozinetc.ai@dvfu.ru

Additional information

Received: April 22, 2024. Revised: May 25, 2024. Accepted: May 26, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kozinets, Andrei I. "The Chinese School of IR – Success of the Research Program."

Journal of International Analytics 15, no. 2 (2024): 74–91.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-74-91>.

В западной орбите: турецкие подходы к изучению международных отношений

Вероника Витальевна Цибенко, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

Контактный адрес: tsibenkow@sfedu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье проведен анализ развития и современного состояния исследований международных отношений в Турции с акцентом на возможные причины их периферизации, а также вероятные точки роста для формирования самостоятельных теоретических подходов. Рассмотрены особенности развития изучения и преподавания международных отношений в Турции, причины недостаточного внимания к местным теориям. Для анализа использованы официальные статистические данные, результаты зарубежных опросов, биографические профили ведущих турецких исследователей международных отношений, их рефлексия относительно обозначенной проблемы, а также турецкие работы в области международных отношений, претендующие на теоретическую новизну. Автор делает вывод, что перспективы российско-турецких отношений определяются в том числе и тем, насколько турецкая научная школа международных отношений сможет отстоять свою независимость и выработать оригинальные теоретические подходы или, для начала, адаптировать незападные теории. В настоящее время Турция в теоретическом плане все еще находится в западной орбите, однако демонстрирует выраженный политический запрос на преодоление такой зависимости. Турецкое академическое сообщество пока еще не преодолело фазу критического переосмысления западоцентризма, оно только готовится проявить выраженный интерес к незападным теориям международных отношений и поиску оснований для построения теорий в собственной локальной среде, истории и культуре. Недостаточное развитие теоретических исследований международных отношений в Турции, несмотря на негативный фактор прозападной ориентации, предоставляет простор для сотрудничества и положительной интеграции российской и турецкой академической среды. Знакомство турецких исследователей с российскими традициями и подходами к международным отношениям является залогом успешного развития российско-турецких отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Турция, международные отношения, теории, история науки, российско-турецкие отношения

Введение

В 2014 г. в специализированном журнале Факультета политических наук Стамбульского университета вышла статья с характерным вопросом в заглавии – почему в Турции отсутствуют западные теории международных отношений?¹ Спустя 10 лет этот вопрос все так же актуален для Турции, а от ответа на него зависит не только развитие научных исследований международных отношений как таковых, но и их практика. Как представляется, перспективы российско-турецких отношений до определенной степени определяются тем, насколько турецкая научная школа международных отношений сможет отстоять свою независимость, выработать оригинальные теоретические подходы или, для начала, адаптировать западные теории.

Осознание необходимости преодоления западо- или американоцентричного устройства изучения международных отношений повлекло за собой появление целой плеяды работ зарубежных и российских авторов, посвященных западным теориям международных отношений². Не остался незамеченным этот «поворот на Восток» и в турецкой исследовательской среде, болезненно осмысляющей собственную периферийность и рассматривающей возможность не идти в фарватере западной науки и развивать локальные теории международных отношений³. Несмотря на важность этих усилий турецких ученых для российско-турецких отношений, в России они не были осмыслены в академическом сообществе, как и в целом изучение международных отношений в Турции. Исключением являются несколько обзорных работ, посвященных преимущественно аналитическим центрам Турции⁴. Приходится упомянуть и статью коллектива «авторов»⁵ в журнале «Дипломатическая служба», являющуюся недобросовестным заимствованием текста упомянутого выше исследования Хака-на Мехметчика.

В этой связи представляется необходимым провести анализ современного состояния и развития исследований международных отношений в Турции с акцентом на возможные причины их периферизации⁶ и точки роста для формирования самостоятельных теоретических подходов. В качестве материалов для анализа используются официальные статистические данные, результаты зарубежных опросов, биографические профили ведущих исследователей международных отношений в Турции, рефлексия турецких ученых относительно обозначенной проблемы и турецкие работы в области международных отношений, претендующие на теоретическую новизну.

1 Mehmetçik 2014.

2 Упомянем лишь некоторые из них: Crawford, Jarvis 2001; Lebedeva 2004; Acharya, Buzan 2009; Makarychev, Morozov 2013; Voskressenski 2017.

3 Aydinli, Mathews 2008; Bilgin 2005; Bilgin, Tanrisever 2009; İşeri, Esentürk 2016; Karamık, Ermihan 2023.

4 Аватков, Видяйкин 2013; Барнашов, Геворгян, Геккая 2019.

5 Ибрагимов, Новрузов, Цездоев 2019.

6 Само это явление в международных отношениях обозначено впервые в: Holsti 1985.

Устройство академического изучения
международных отношений в Турции

В Турции отсутствует структура, сходная с Российской академией наук, все научные исследования проводятся в университетах, формирующих турецкую академическую среду. Согласно данным Совета по высшему образованию (Yükseköğretim Kurulu, YÖK), в настоящее время в Турции образовательные программы по международным отношениям предлагают 69 университетов: 51 государственный и 18 частных. Обучение ведется на 121 специализированной образовательной программе, из которых 44 – осуществляются в частных университетах (см. *Таблицу 1*).

Важной особенностью является преобладание в обучении английского языка. Более половины университетов (более трети государственных и почти 95% частных) предоставляют обучение по программам международных отношений на иностранном языке: 35 – на английском и один¹ – на французском. Особенно заметно доминирование английского языка в частных университетах, 16 из 18 предоставляют исключительно англоязычное образование по международным отношениям. Для сравнения, среди государственных университетов, имеющих соответствующие программы на иностранном языке, только около половины не предлагают турецкоязычной альтернативы.

Таблица 1.

УНИВЕРСИТЕТЫ И ПРОГРАММЫ, ПРЕДОСТАВЛЯЮЩИЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В ТУРЦИИ
UNIVERSITIES AND PROGRAMS FOR INTERNATIONAL RELATIONS IN TURKEY

Тип	Государственные	Частные	Все
Университеты с программами по МО	51	18	69
	73,91%	26,09%	100%
Программы по МО	77	44	121
	63,64%	36,36%	100%
Университеты с программами по МО на иностранном языке	19	17	36
	52,78%	47,22%	100%
	37,25%*	94,44%*	–
Университеты с программами по МО только на иностранном языке	9	16	25
	36%	64%	100%
	17,65%*	88,89%*	–

* От общего числа университетов в категории (государственные/частные).
Источник: составлено автором на основе данных с официального сайта YÖK, yokatlas.yok.gov.tr.

Чтобы оценить престижность образования в частных и государственных университетах, достаточно взглянуть на список наиболее востребованных из них, что выражается в уровне баллов поступающих (см. *Таблицу 2*).

1 Государственный Галатасарайский университет в Стамбуле.

Таблица 2.

ТОП-10 УНИВЕРСИТЕТОВ ТУРЦИИ ПО УРОВНЮ БАЛЛОВ ПОСТУПАЮЩИХ (2023)
TOP 10 UNIVERSITIES IN TURKEY BY APPLICANTS' SCORE (2023)

Название	Город	Тип	Дата создания	Язык программы
Университет Коч	Стамбул	частный	1993	английский
Университет Билькент им. Ихсана Дограмаджи	Анкара	частный	1984	английский
Галатасарайский университет	Стамбул	государственный	1992	французский
Университет Озйегин	Стамбул	частный	2007	английский
Ближневосточный технический университет	Анкара	государственный	1956	английский
Стамбульский университет Бильги	Стамбул	частный	1996	английский
Университет Кадир Хас	Стамбул	частный	1997	английский
Университет Хаджеттепе	Анкара	государственный	1967	английский
Анкарский университет	Анкара	государственный	1946	турецкий
Университет Яшар	Измир	частный	2001	английский

Источник: составлено автором на основе данных с официального сайта YÖK, yokatlas.yok.gov.tr.

Из списка ведущих университетов в сфере международных отношений хорошо видно, что они концентрируются преимущественно в двух крупнейших городах Турции – Стамбуле и Анкаре – и, за единственным исключением, дают образование по международным отношениям на иностранных языках. Исключением является один из старейших государственных университетов Турции – Анкарский. И хотя он был открыт только в 1946 г., традиции преподавания международных отношений были сформированы ранее на базе запущенной в 1859 г. в Стамбуле Школы наук государственного управления (*Mekteb-i Fünûn-i Mülkiye*), которая была присоединена к Анкарскому университету в 1950 году¹. Именно статус старейшей «кузницы кадров» государственного управления «Мюлькие», как ее до сих пор называют в Турции, позволяет сочетать престижность образования с возможностью предоставлять его на родном языке.

Что касается кадрового состава, определяющего портрет выпускников программ по международным отношениям в Турции, здесь также проявляется прозападная ориентация. Залогом успешной академической карьеры считается опыт обучения, защиты диссертации и работы в западных научно-образовательных организациях, что стало возможным для турецких ученых с конца 1970-х годов.

Об этом свидетельствует и список 10 влиятельных турецких ученых-международников, составленный по опросам академического сообщества Турции в 2018 г. (см. *Таблицу 3*). Наибольшее влияние на развитие отрасли оказывают ученые с зарубежным опытом, связанным в первую очередь с Великобританией² и США³.

1 Подробнее см.: Baskıcı 2021.

2 Такие учреждения, как Лондонская школа экономики и политических наук, Кембриджский университет, Королевский колледж Лондона, Манчестерский университет, Ланкастерский университет, Уэльский университет.

3 Гарвардский университет, Джорджтаунский университет, Миннесотский университет, Университет Оклахомы и др.

Таблица 3.

СПИСОК САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ ТУРЦИИ
MOST INFLUENTIAL INTERNATIONAL RELATIONS CIENTISTS IN TURKEY

Имя	Место работы (Университет)	Защита диссертации	Магистратура	Бакалавриат	Опыт работы за рубежом	Стажировки
Пынар Бильгин	Билькент	Велико-британия	Турция	Турция	Велико-британия, Нидерланды, Дания, Германия	США
Зия Ониш	Коч	Велико-британия	Велико-британия	Велико-британия	Велико-британия	США, Велико-британия
Мустафа Айдын	Кадир Хас	Велико-британия	Велико-британия	Турция	Франция	Греция, США, Велико-британия
Бахар Румелили	Коч	США	Турция	Турция	Канада	Канада
Сенем Айдын Дюзгит	Сабанджи	Бельгия	Велико-британия	Турция	-	Германия
Генджер Озджан	Стамбульский Бильги	Турция	Турция	Турция	-	-
Фарук Ялвач	Ближневосточный технический	Велико-британия	Велико-британия	Турция	-	США
Бельгин Сан Акча	Коч	США	Турция	Турция	США	-
Фуат Кейман	Сабанджи	Канада	Турция	Турция	Канада	США
Ильхан Узгель	Анкарский*	Турция	Велико-британия, Турция	Турция	США	США, Велико-британия

*До увольнения в 2017 г.
Источник: составлено автором на основе данных, полученных в ходе опроса. См.: Aydin, Dizdaroğlu 2019.

Принятые теоретические подходы

Как все вышеперечисленные факторы отражаются на развитии теории международных отношений в Турции, наглядно свидетельствуют опросы представителей дисциплины, проводившиеся в 2007 и 2009 гг. турецким Советом по международным отношениям (*Uluslararası İlişkiler Konseyi, UİK*), а в 2011, 2014 и 2018 гг. – американским Колледжем Вильгельма и Марии (*College of William and Mary*). К этим данным для сравнения были добавлены результаты опроса 2021 г., что позволило составить сводную таблицу по используемым турецкими исследователями международных отношений теоретическим подходам (см. Таблицу 4).

Таблица 4.

ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ
ТУРЕЦКИМИ УЧЕНЫМИ-МЕЖДУНАРОДНИКАМИ
THEORETICAL APPROACHES PREFERRED BY TURKISH
INTERNATIONAL RELATIONS SCHOLARS

Год	(Нео)реа- лизм	(Нео)либера- лизм	Конструк- тивизм	Английская школа	Марксизм	Феминизм	Отсутст- вует	Другой
2007	30%	21%	25%	3%	10%	-	8%	3%
2009	38%	11%	20%	4%	8%	0%	6%	36%
2011	26%	15%	24%	4%	7%	1%	11%	11%

Год	(Нео)реализм	(Нео)либерализм	Конструктивизм	Английская школа	Марксизм	Феминизм	Отсутствует	Другой
2014	32%	10%	27%	4%	4%	0%	10%	12%
2018	30,1%	12,2%	26,9%	7,1%	3,8%	2,6%	8,3%	9%
2021	40,52%	6,03%	16,38%	–	–	–	–	37,07%

Источник: составлено автором на основе опросов, подготовленных в 2007–2018 гг. под началом Мустафы Айдына. См.: Aydin 2007; Aydin, Yazgan 2010; Aydin, Yazgan 2013; Aydin, Hisarlioğlu, Yazgan 2016; Aydin, Dizdaroğlu 2019. Опрос 2021 г.: Okur, Aytekin 2023.

Следует отметить, что в категорию «Другие» в 2009 и 2021 г. вошли критическая, постколониальная и постмодернистская теории международных отношений. При этом, согласно опросу 2018 г., только 1,3% ученых проводили чисто теоретические исследования, остальные использовали теории в основном для региональных исследований или политического анализа¹.

Особый интерес в этой связи представляет анализ тем диссертаций по международным отношениям, защищенных в Турции в 2000–2020 годах. Он показывает, что только 4% диссертационных исследований (58 из 1415) были посвящены теории (из них 86% – в государственных университетах), а еще 44,7% (633) использовали теории исключительно в применении к изучению конкретных случаев (кейс-стади). На этом основании автором исследования делается закономерный вывод, что турецкие ученые знакомы с западными теориями и охотно их применяют, однако не демонстрируют стремление вносить теоретический вклад в развитие дисциплины².

Из защищенных теоретических диссертаций 22 посвящены анализу концептов, 18 – безопасности³, 8 – (нео)реализму, 6 – критической теории / постпозитивизму, 2 – конфликтам. Особенно выделяется из приведенного списка тема безопасности, которая стала ведущей для турецких исследователей и зарубежных исследователей Турции. В частности, изучение 20 ведущих мировых журналов по международным отношениям продемонстрировало, что главные темы публикаций – безопасность и терроризм, конфликт, идентичность и ЕС⁴. Также безопасность входит в сферу главных научных интересов 4 из 10 ведущих исследователей, указанных ранее, и занимает первое место по популярности, согласно опросу 2018 года⁵.

Что касается незападных теорий, то на данный момент можно констатировать индифферентность к ним турецких исследователей – 84,5% не используют зарубежные незападные теории в науке, 67% – в образовании. Одновременно проявляется критический подход к западным теориям как необъективным и неуниверсальным. 30% опрошенных турецких исследователей считают, что эти теории неприменимы к незападным обществам, что ведет к запросу на турецкие и исламские теории международных отношений, в особенности среди

1 Aydin, Dizdaroğlu 2019.

2 Özkoç, Çağlayan 2023.

3 Национальной, энергетической, окружающей среды, отношениям с НАТО, США, ЕС, курдскими организациями, угрозам от террористических организаций, Черноморскому и Средиземноморскому регионам.

4 Karamik, Ermihan 2023.

5 Международная / глобальная безопасность – 19,4%, европейские исследования / интеграция – 16,1%, международные отношения определенной страны / региона – 10,3%, турецкая внешняя политика – 9%, теории международных отношений – 5,8%. См.: Aydin, Dizdaroğlu 2019.

профессуры¹. Если еще в 2005 г. отдельные исследователи напрямую выступали против национализации дисциплины и появления национальных теорий международных отношений, то сейчас почва к их появлению подготовлена распространением критического подхода к западным теориям².

Причины отсутствия собственных теорий международных отношений в Турции

Среди причин, препятствующих появлению локальных теорий международных отношений в Турции, на первое место следует поставить институциональные, частично рассмотренные ранее. Используя мнения самих турецких ученых, высказанных в различных формах (в опросах, академических статьях) за последнюю четверть века³, можно структурировать их следующим образом.

Во-первых, исследователи акцентируют внимание на доминировании английского языка, который из средства обучения превратился в цель, поскольку повышает шансы выпускников на трудоустройство. Это ведет к упрощению содержательного наполнения программ и их адаптации под англоязычную мейнстримную литературу. Это консервирует догоняющий характер турецких исследований, формирует культурный барьер. Фиксируются заимствованный понятийный аппарат и вся письменная культура, берущая основания в западной истории и западной мысли. Углубляется языковой и культурно-исторический разрыв с османской традицией – ни студенты, ни академические ученые теперь не имеют ни времени, ни мотивации для знакомства с документами и теоретическими работами минувших веков на османском и арабском языках, что препятствует становлению теорий с турецко-исламскими основаниями.

Подготовка профессуры за рубежом, во-вторых, порождает неравномерность заимствования теорий международных отношений («импортирование волнами»). В результате студенты получают не системные теоретические знания, а сегментированные, зависящие от зарубежного опыта и круга знакомств своего преподавателя. На базе турецких университетов формируются фактически представительства тех или иных зарубежных теоретических подходов.

В-третьих, развитие академических исследований все еще определяет длившаяся десятилетиями монополия Мюлькье с его османским стилем преподавания (заучивание, строгое следование конспектам, письменные экзамены, неразвитость общей методики преподавания) и ориентацией на практическое применение полученных знаний (в первую очередь, в МИД). Именно Мюлькье разрабатывало те учебники, по которым учились несколько поколений турецких специалистов по международным отношениям.

В-четвертых, эти специалисты указывают на невостребованность теоретической работы, отсутствие запроса на нее от работодателей даже в академической среде. Университеты не приветствуют новаторские разработки, считая их бесполезными и ресурсозатратными. Теоретические исследования не способствуют

1 Okur, Aytakin 2023; Барнашов, Геворгян, Геккая 2019.

2 Kut et al. 2005, 105.

3 1999–2006: Aydinli, Mathews 2008; Erhan, Aydin 2005; 2014: Mehmetcik 2014; 2018: Turan 2018; 2023: Karamik, Ermihan 2023.

карьерному росту ученого, медийности или получению финансирования (в отличие от политического анализа и прогнозирования). В таких условиях теоретизирование превращается в роскошь, которую могут себе позволить немногие. В итоге наличествующий запрос на новые теории вызывается не естественным развитием науки, а имеет внешнее происхождение, будучи связан с политическим заказом высшего руководства государства в условиях поисках баланса сил в системе международных отношений.

В-пятых, негативное влияние оказывает неразвитость инфраструктуры для развития профессиональной среды и публикации теоретических работ, практически полное отсутствие в Турции специализированных и высокорейтинговых журналов по теории международных отношений¹, что, вместе взятое, также способствует разобщенности и малой осведомленности о работе друг друга профильных турецких исследователей. Дебаты и полемика – редкость среди них.

Шестая причина может рассматриваться в русле антиколониального дискурса, поскольку речь идет об «академическом империализме» и «гегемонии знания». Турецкие исследователи отмечают, что в теории международных отношений заметно «разделение труда», что проявляется в неготовности западного научного сообщества допускать представителей незападных стран к теоретическим исследованиям. Им отводится вспомогательная роль «местных информантов», «представителей колониальных властей на местах», которым не позволены даже пересмотр и адаптация западных теорий под местные особенности – только их апробация и популяризация. В подобных условиях естественным образом получают распространение эмпирический анализ, кейс-стади, прикладные компаративные и региональные исследования. Акцент делается на практической пользе. И даже если западные теории предоставляют необоснованные генерализации и теоретизирование, входящие в противоречие с турецкими реалиями, их критика со стороны турецких ученых не допускается.

В-седьмых, в Турции особенно заметно влияние СМИ на изучение международных отношений. Выступление на медийных площадках достаточно престижно, что выводит на первый план актуальный политический анализ.

Среди негативных факторов турецкими специалистами в разные годы назывались также: недостаточно развитая система грантового финансирования научных исследований; перепроизводство книг и статей; слишком большое количество студентов; рост числа аналитических центров, предпринимающих сомнительные крупные проекты; увлеченность западными большими теориями, не вписывающимися в турецкие реалии.

Таким образом, неразвитость и перегруженность научной инфраструктуры, разрыв с собственной традицией и диктат традиции западной, инерция образовательной траектории с приоритетом описательности, акцент на актуальную повестку и низкий престиж теоретических исследований – все это предопределяет отсутствие видимого прогресса в развитии собственных теорий, несмотря

¹ Исключением является журнал «Международные исследования», который был создан в 2004 г. для развития теории международных отношений, однако до сих пор не смог набрать необходимое для этого число авторов. Также следует выделить журнал "All Azimuth" (с 2012 г.), на страницах которого часто публикуются статьи теоретической направленности.

на появившийся общественно-политический запрос. В результате западные теории доминируют в научном дискурсе, предписывая Турции западную же идентичность, а незападные, в случае их проникновения, не получают известности в университетской аудитории. При ограниченной выборке исследовательских тем с малыми возможностями академической проблематизации, преследующей национальные интересы Турции в международных отношениях, страна остается на периферии теории международных отношений.

Вместо заключения

Проведенный анализ статистических данных и дискурса показывает неразвитость в Турции собственных теорий международных отношений и указывает основные причины сохранения такой ситуации. В Анкаре предпринимались попытки создать Анатолийскую теоретическую школу изучения международных отношений¹, однако и в 2023 г., как отмечают Ирем Карамык и Эрман Эрмихан, турецкие исследователи все еще не в состоянии внести свой вклад в развитие ТМО, несмотря на кратное увеличение числа ученых и студентов, а также университетов, занимающихся профильной проблематикой: «Исследователи Турции все еще не располагают собственными теоретическими и интеллектуальными инструментами, и, несмотря на то что они демонстрируют интеллектуальное принятие новых подходов и методов, они постоянно заимствуют эти подходы у Запада»².

Еще характерная цитата: «Я не занимаюсь теоретической работой. Никто не занимается теоретической работой в Турции. Я скорее делаю работу, ориентированную на политику, но использую теории международных отношений... Конечно, есть люди, которые занимаются теоретической работой в Турции, но они не публикуются в хороших журналах. Большая часть их исследований печатается на турецком, и это заимствованные работы. Они повторяют то, что теоретики говорят в США. Они просто переводчики»³.

Значит ли это, что Турции нечего продемонстрировать в качестве результата теоретической работы своих ученых? В этой связи нельзя не вспомнить пример Ахмета Давутоглу, который сначала состоялся как академический исследователь, а только затем – как политик⁴, получив известность как идеолог неоосманизма. В опросах 2007, 2009 и 2011 гг. он значился среди 10 самых влиятельных турецких специалистов в области международных отношений, в кругу которых его выгодно отличало знание арабского языка.

И все же, уместно ли этого выдающегося идеолога считать и успешным теоретиком? Если рассматривать в качестве примера его самую известную работу «Стратегическая глубина» (2001), которая предопределила развитие турецкой

1 Aydinli, Mathews 2008, 705–706.

2 Karamik, Ermihan 2023, 257.

3 Aydinli, Mathews 2008: 701.

4 А. Давутоглу – главный советник премьер-министра (2003–2009 гг.), министр иностранных дел (2009–2014 гг.), председатель Партии справедливости и развития (2014–2016 гг.), депутат (2011–2018 гг.), премьер-министр (2014–2016 гг.), председатель Партии будущего (с 2019 г.). Профессор, преподавал в Международном исламском университете Малайзии, Мраморноморском университете, Университете Бейкент, Военной академии и Академии вооруженных сил, был заведующим кафедрами международных отношений в нескольких из указанных университетов.

внешней политики на последующие 15 лет, можно обнаружить главенство западных теоретических подходов, которые автор умело и новаторски использует в отношении Турции, обосновывая ее право на такую внешнюю политику, которая более привычна для великих держав. Мы видим весь набор популярных в то время геополитических терминов и заимствований из гуманитарных и общественных наук (стратегическое мышление и стратегическое планирование, фронтир, зоны ядра, хартленд и хинтерленд и пр.), отсылки к Дж. Макиндеру, К. Хаусхоферу, Н. Спайкмену, С. Хантингтону, З. Бжезинскому, Ф. Фукуяме, Г. Киссинджеру. Заявляя о Турции как современном национальном государстве, А. Давутоглу одновременно говорил о геокультурной и геополитической ответственности и предлагал совершенно популистскую формулу «ноль проблем с соседями». Таким образом, его пример наглядно демонстрирует рассмотренную выше специфику турецкой науки: заимствование и адаптация западного теоретического инструментария для решения актуальных политических задач.

И до, и после А. Давутоглу можно найти массу подобных примеров. Достаточно упомянуть, что на смену уже опальному Давутоглу пришел директор департамента по коммуникациям при президенте Турции, ученый и политический аналитик Фахреттин Алтун, предлагающий рассматривать Турцию как «стабилизирующую силу»¹. Достойно упоминания, что с 2001 г. главным учебником по международным отношениям стала книга под редакцией Баскына Орана с теоретическим уклоном², которая сменила использовавшийся десятилетиями учебник с описательным хронологическим изложением развития турецкой внешней политики, подготовленный по заказу МИД³. Главной и фактически единственной теоретической рамкой этого учебника было рассмотрение Турции в качестве средней державы, дополненное разделением на «стратегические» и «нестратегические» средние державы, что, благодаря учебнику, более двадцати лет является «непреложной истиной» для исследователей международных отношений в Турции и позволяет осмыслять ее внешнюю политику вне привязки к членству в НАТО или (желаемому) в ЕС. Развитием этой линии можно трактовать наиболее популярную сегодня в Турции идею о «стратегической автономии», которая, по словам Мустафы Кутлая и Зии Ониша, в условиях формирования постзападного мирового порядка «задает рамку, в которой турецкие правящие элиты могут объединиться с незападными великими державами и сбалансировать иерархический порядок, возглавляемый США», а также «служит легитимирующим внешнеполитическим дискурсом», с помощью которого правительство может мобилизовать свою базу поддержки внутри страны⁴.

Следует указать на действительно интересный теоретический вклад, который (предсказуемо) является продолжением осмысления темы безопасности и принадлежит Пынар Бильгин, одному из ведущих турецких исследователей международных отношений. Используя конструктивистский подход, в одной из своих последних работ она предложила⁵ изучать различные культуры безопасности

1 Гузаеров 2023.

2 Oran 2001.

3 Gönübol 1969.

4 Kutlay, Öniş 2021: 1100.

5 Bilgin 2010, 68.

и их столкновение (наподобие столкновения цивилизаций С. Хантингтона). Под культурой безопасности П. Бильгин понимает преобладающие способы мышления и обеспечения безопасности в любой конкретной среде.

В завершение хотелось бы отметить, что в настоящее время Турция в теоретическом плане все еще находится в западной орбите, однако демонстрирует выраженный политический запрос на преодоление такой зависимости и вхождение в ряд не периферийных, но центральных держав. Турецкое академическое сообщество пока еще не преодолело фазу критического переосмысления западоцентризма и еще только готовится проявить выраженный интерес к западным теориям международных отношений и поиску оснований для построения теорий в собственной локальной среде, истории и культуре. Недостаточное развитие теоретических исследований международных отношений в Турции, несмотря на негативный фактор прозападной ориентации, предоставляет большой простор для сотрудничества и взаимообогащающей интеграции российской и турецкой академической среды, для чего необходимо уделять внимание рассмотренным выше инфраструктурным факторам. Знакомство турецких исследователей с российскими традициями и подходами к международным отношениям является залогом успешного развития российско-турецких отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аватков, В.А., Видяйкин, А.С. Деятельность аналитических центров в Турции при правлении Партии справедливости и развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. Т. 30. № 3. С. 100–104. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-3-30-100-104>.

Avatkov, Vladimir A., and Andrey S. Vidyaykin. "Think Tanks in Turkey in the Era of JDP." *MGIIMO Review of International Relations* 30, no. 3 (2013): 100–104 [In Russian].

Барнашов, О.В., Геворгян, А.Г., Геккая Ф.Х. Изучение международных отношений в Турции // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 268–275. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6362>.

Barnashov, Oleg V., Anna G. Gevorgyan, and Funda K. Gekkaya. "Study of International Relations in Turkey". *Vlast' (The Authority)* 27, no. 2 (2019): 268–275 [In Russian].

Гузаеров, Р.И. «Стабилизирующая» Турция в нестабильном мире // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 3. С. 168–179. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_2_0_3_168.

Guzaerov, Razil I. "Stabilizing" Turkey in an Unstable World." *Discourse-P* 20, no. 3 (2023): 168–179. [In Russian].

Ибрагимов, А.Г., Новрузов, С.Э., Цездоев, Р.М. Роль западных теорий в исследовании международных отношений в Турции // Дипломатическая служба. 2019. № 3.

Ibragimov, A.G., S.E. Navruzov, and R.M. Tsezdoev. "The Role of Western Theories in the Study of International Relations in Turkey." *The Diplomatic Service*, no. 3 (2019) [In Russian].

Acharya, Amitav, and Barry Buzan, eds. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia*. Washington-London: Taylor & Francis, 2009.

Aydın, Mustafa. "Türkiye'de Uluslararası İlişkiler Akademisyenlerinin Bilimsel Araştırma ve Uygulamaları ile Disipline Bakış Açıları ve Siyasi Tutumları Anketi." *Uluslararası İlişkiler* 4, no. 15 (2007): 1–31.

Aydın, Mustafa. "A Questionnaire about Scientific Research and Teaching Practices, Views on the Discipline and Political Attitudes of International Relations' Academicians in Turkey." *International Relations* 4, no. 15 (2007): 1–31 [In Turkish].

Aydın, Mustafa, and Korhan Yazgan. "Türkiye'de Uluslararası İlişkiler Akademisyenleri Araştırma, Eğitim ve Disiplin Değerlendirmeleri Anketi – 2009." *Uluslararası İlişkiler* 7, no. 25 (2010): 3–42.

Aydın, Mustafa, and Korhan Yazgan. "Survey of International Relations Faculty in Turkey: Research, Teaching and Views on the Discipline – 2009." *International Relations* 7, no. 25 (2010): 3–42 [In Turkish].

Aydın, Mustafa, and Korhan Yazgan. "Türkiye'de Uluslararası İlişkiler Akademisyenleri Eğitim: Araştırma ve Uluslararası Politika Anketi – 2011." *Uluslararası İlişkiler* 9, no. 36 (2013): 3–44.

Aydın, Mustafa, and Korhan Yazgan. "Survey International Relations Faculty in Turkey: Teaching, Research and International Politics – 2011", *International Relations* 9, no. 36 (2013): 3–44 [In Turkish].

Aydın, Mustafa, Fulya Hisarlıoğlu, and Korhan Yazgan. "Türkiye'de Uluslararası İlişkiler Akademisyenleri ve Alana Yönelik Yaklaşımları Üzerine Bir İnceleme: TRIP 2014 Sonuçları." *Uluslararası İlişkiler* 12, no. 48 (2016): 3–35. <https://doi.org/10.33458/uidergisi.463044>.

Aydın, Mustafa, Fulya Hisarlıoğlu, and Yazgan Korhan. "An Analysis of International Relations Academics in Turkey and Their Approaches to the Field: TRIP 2014 Faculty Survey Results", *International Relations* 12, no. 48 (2016): 3–35 [In Turkish].

Aydın, Mustafa, and Cihan Dizdaroğlu. "Türkiye'de Uluslararası İlişkiler: TRIP 2018 Sonuçları Üzerine Bir Değerlendirme." *Uluslararası İlişkiler* 16, no. 64 (2019): 3–28. <https://doi.org/10.33458/uidergisi.652877>.

Aydın, Mustafa, and Cihan Dizdaroğlu. "International Relations in Turkey: An Evaluation on the Findings of TRIP 2018", *International Relations* 16, no. 64 (2019): 3–28 [In Turkish].

Aydınli, Ersel, and Julie Mathews. "Periphery Theorising for a Truly Internationalisation Discipline: Spinning IR Theory out of Anatolia." *Review of International Studies* 34, (2008): 693–712. <https://doi.org/10.1017/S0260210508008231>.

Baskıcı, Murat. *Mülkiye Tarihi. Mülkiye'den Siyasa'la 160 Yılın Öyküsü*. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, 2021.

Baskıcı, Murat. *History of Mülkiye: a 160 Year Story from Mülkiye to Political Science*. Ankara: Ankara University Press, 2021 [In Turkish].

Bilgin, Pinar. "Uluslararası İlişkiler Çalışmalarında "Merkez-Çevre": Türkiye Nerede? Uluslararası İlişkiler." *International Relations* 2, no. 6 (2005): 3–14.

Bilgin, Pinar. "'Center-periphery' Relations in the Study of International Relations: Where is Turkey?." *International Relations* 2, no. 6 (2005): 3–14 [In Turkish].

Bilgin, Pinar, and Oktay F. Tanrısever. "A Telling Story of IR in the Periphery: Telling Turkey About the World, Telling the World About Turkey." *Journal of International Relations and Development* 12 (2009): 174–179. <https://doi.org/10.1057/jird.2009.5>.

Crawford, R.M.A., and D.S.L. Jarvis, eds. *International Relations – Still an American Social Science: Towards Diversity in International Thought*. Albany, N.Y.: State University of New York Press, 2001.

Erhan, Çağrı, and Mustafa Aydın. "Türkiye'de Uluslararası İlişkiler Eğitiminin Dünü, Bugünü." *Uluslararası İlişkiler* 2, no. 6 (2005): 25–29.

Erhan, Çağrı, and Mustafa Aydın. "The Past and Present of International Relations Education in Turkey." *International Relations* 2, no. 6 (2005): 25–29 [In Turkish].

Gönlübol, Mehmet et al. *Olaylarla Türk Dış Politikası* (1919–1995). Ankara: Ankara Üniversitesi Siyasal Bilgiler Fakültesi yayınları, 1969.

Gönlübol, Mehmet et al. *Turkish Foreign Policy with Events* (1919–1995). Ankara: Ankara University Faculty of Political Sciences Publications, 1969 [In Turkish].

Holsti, Kalevi Jaakko. *The Dividing Discipline: Hegemony and Diversity in International Theory*. Boston: Allen and Unwin, 1985.

İşeri, Emre, and Nevra Esentürk. "Türkiye'de Uluslararası İlişkiler Çalışmaları: Merkez-Çevre Yaklaşımı." *Elektronik Mesleki Gelişim ve Araştırma Dergisi* 4, no. 2 (2016): 17–33.

İşeri, Emre, and Nevra Esentürk. "International Relations Studies in Turkey: Center-Periphery Approach." *Electronic Journal of Occupational Improvement and Research* 4, no. 2 (2016): 17–33 [In Turkish].

Karamık, İrem and Erman Ermihan. "Quo Vadis, Turkish IR? Mapping Turkish IR's Footsteps within the Global." *All Azimuth* 12, no. 2 (2023): 241–260. doi: 10.20991/allazimuth.1310640.

Kut, Şule et al. "Türkiye'de Uluslararası İlişkiler Eğitiminin Geleceği." *Uluslararası İlişkiler* 2, no. 6 (2005): 87–105.

Kut, Şule et al. "The Future of International Relations Education in Turkey." *International Relations* 2, no. 6 (2005): 87–105 [In Turkish].

Mehmetçik, Hakan. "Türkiye'de Uluslararası İlişkiler Çalışmaları Ve "Neden Batılı Olmayan Bir Uluslararası İlişkiler Teorisi Yok?." Sorusuna Cevap Aramak." *İ.U. Siyasal Bilgiler Fakültesi Dergisi*, no. 50 (2014): 243–258.

Mehmetçik, Hakan. "IR Studies in Turkey and Looking for an Answer for the Question of Why There is No Turkish IR Theories." *Istanbul University Faculty of Political Sciences Journal*, no. 50 (2014): 243–258 [In Turkish].

Lebedeva, M. "International Relations Studies in the USSR / Russia: Is there a Russian National School of IR Studies?." *Global Society* 18, no. 3 (2004): 263–278.

Makarychev, Andrey, and Viatcheslav Morozov. "Is "non-Western Theory" Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR." *International Studies Review* 15, no. 3 (2013): 328–350. <https://doi.org/10.1111/misr.12067>.

Okur, Mehmet Akif, and Cavit Emre Aytekin. "Non-Western Theories in International Relations Education and Research: The Case of Turkey / Turkish Academia." *All Azimuth* 12, no. 1 (2023): 19–44.

Oran, Baskin. *Türk Dış Politikası Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar*. C. 1. 1919–1980. İstanbul: İletişim Yayınları, 2001.

Oran, Baskin. *Turkish Foreign Policy: Facts, Documents, Comments from the War of Independence to Today*. V. 1. 1919–1980. İstanbul: Communication Publications, 2001 [In Turkish].

Özkoç, Özge, and Pinar Çağlayan. "The Trajectory of International Relations Dissertations in Turkish Academia Between 2000 and 2020." *All Azimuth* 12, no. 1 (2023): 107–128. <https://doi.org/10.20991/allazimuth.1218033>.

Turan, İlater. "Progress in Turkish International Relations." *All Azimuth* 7, no. 1 (2018): 137–142. <http://dx.doi.org/10.20991/allazimuth.328455>. P. 139–140.

Voskressenski, Alexei D. *Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies*. Cham: Palgrave Macmillan, 2017.

Kutlay, Mustafa and Ziya Öniş. "Turkish Foreign Policy in a Post-Western Order: Strategic Autonomy or New Forms of Dependence?" *International Affairs* 97, no. 4 (2021): 1085–1104.

Bilgin, Pinar. "Security Dimension: A Clash of Security Cultures? Differences Between Turkey and the European Union Revisited." In *Fifty Years of EU-Turkey Relations*, edited by Armağan Emre Çakır, 67–83. London: Routledge, 2010.

Сведения об авторе

Вероника Витальевна Цибенко,

д. ист.н., профессор Кафедры востоковедения, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований, Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140

e-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 22 апреля 2024.

Переработана: 20 мая 2024.

Принята к публикации: 22 мая 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Цибенко, В.В. В западной орбите: турецкие подходы к изучению международных отношений // Международная аналитика. 2024. Том 15 (2). С. 92–105.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-92-105>

In the Western Orbit: Turkish Approaches to the Study of International Relations

ABSTRACT

The article analyses the current state and development of International Relations research in Turkey, with an emphasis on the possible causes of its periphery status and the growth points for the formation of independent theoretical approaches. The author considers the features of the development of International Relations study and education and the reasons for the lack of attention given to local theories. The analysis uses official statistical data, results of surveys, biographical profiles of leading Turkish researchers in International Relations, and their reflections on the identified problem, as well as Turkish publications in the field of International Relations with theoretical novelty. The author concludes that the prospects for Russian-Turkish relations are determined, among other things, by the ability of the Turkish International Relations school to defend its independence and develop original theoretical approaches, or to begin with, adapt non-Western theories. At present, Turkey in theoretical terms still remains in the Western orbit, but demonstrates a strong political demand to overcome this dependence. The Turkish academic community has not yet overcome the phase of critical rethinking of Western-centrism; it is only preparing to show an interest in non-Western theories of International Relations, and searching for grounds for constructing theories based on their own local environment, history and culture. The underdevelopment of theoretical research in International Relations in Turkey, despite the negative influence of its pro-Western dependence, provides scope for cooperation and positive integration for the Russian and Turkish academic environment. The acquaintance of Turkish researchers with Russian traditions and approaches to International Relations is essential for the successful development of Russian-Turkish relations.

KEYWORDS

Turkey, International Relations, Theories, History of Science, Russian-Turkish Relations

Author

Veronika V. Tsibenko,

PhD (History), Professor, Department of Oriental Studies, Director of the Centre for Interdisciplinary Studies in the Humanities, Southern Federal University
140, Pushkinskaya street, Rostov-on-Don, Russia, 344006

e-mail: tsibenkovv@sfedu.ru

Additional information

Received: April 22, 2024. Revised: May 20, 2024. Accepted: May 22, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Tsibenko, Veronika V. "In the Western Orbit: Turkish Approaches to the Study of International Relations." *Journal of International Analytics* 15, no. 2 (2024): 92–105.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-92-105>

Political Science in Georgia: Epistemology and Determinants

Archil Sikharulidze, SIKHA Foundation, Tbilisi, Georgia

Nino Skvortsova, RUDN, Moscow, Russia

Correspondence: nino.skvortsova@gmail.com

ABSTRACT

This paper examines the epistemological approaches employed by Georgian researchers in the field of Political Science over the past five years. It is grounded in an initial, generalized study of a topic that has been largely overlooked by both local and international scholars. Through a review of the literature and an analysis of the research conducted by leading local scientists, the paper posits that there are no well-established or deeply rooted political schools of thought in Georgia, as traditionally understood, due to the country's Soviet past. As a result, universities and the entire field of Political Science are products of the democracy proliferation reforms. These reforms were implemented with strong support from Western strategic allies, particularly the United States and the European Union. Currently, the field is heavily influenced by dominant Western theories of Political Science and International Relations, such as liberalism, neoliberalism, and liberal institutionalism. Moreover, the discipline is inherently oriented toward Civic Education, with a primary focus on democracy promotion rather than critical studies. Georgian scholars tend to research topics and apply theories that align with mainstream Western narratives. This tendency is significantly influenced by financial and logistical dependence on Western grants and scholarships.

KEYWORDS

Georgia, education, epistemology, Political Science

Politics and education are deeply interconnected, with political forces directly influencing the scientific and epistemological tools used to research and transmit knowledge about the world. Educational institutions – such as kindergartens, schools, and universities – play a central role in implementing mainstream reform packages aimed at building a new society through shaping the youth and re-educating older generations. This connection is particularly relevant in the modern era, where advancements in technology, especially in communications, have made states more vulnerable to external interference in domestic affairs. Representatives of other states, cultures, and civilizations can easily disseminate values and ideas through educational programs, which inherently carry assumptions aligned with specific political goals. For instance, U.S. educational projects are grounded in concepts that reflect American political, economic, and social agendas, often summarized under the term “values.” Consequently, states compete in the realm of both local and international education as part of their national interest protection strategies. This rivalry for influence, particularly in shaping the hearts and minds of people, becomes most apparent in the projection of political and cultural power onto developing and smaller nations.

Great nations and global superpowers invest significant financial and other resources into educational programs worldwide to secure the support of weaker, more dependent countries. Western nations, particularly the United States, have a substantial presence in the post-Soviet space, including multidimensional projects in science and education. Educating foreign citizens on Western soil is seen as part of the broader national interest protection agenda. In theory, a Western education promotes a Western mindset, along with Western approaches and techniques, which contributes to cultural expansion. The Republic of Georgia, which lacked a national educational system at the end of the Soviet era, serves as a success story in this regard. With significant support from Western institutions, the state built its higher education system through a Western lens, with its research focused on Civic Education, emphasizing citizenship, democracy, freedom, and human rights. These priorities inherently shape the main research directions and the general mindset within the country.

The article attempts to identify the general epistemological approaches employed in researching topics within the fields of political science and international relations over the last five years. What key assumptions underlie this research? What factors have shaped these approaches? The research methodology is divided into two parts: an initial general literature review and an in-depth content analysis of scholarly works published by researchers from leading Georgian universities from January 2019 to May 2024 (with the list provided below). The study considers articles, books, and other scholarly works based on the assumptions made, the theoretical frameworks applied, and the main topics researched. The first part of the article presents the quantitative and qualitative findings, while the remainder of the paper explores the general determinants of the prevailing research trends. It is important to note that this research serves as an initial step toward a better understanding of a largely under-researched topic, with the primary goal of laying the groundwork for future, more complex analyses.

Epistemological Approaches

Due to its Soviet past, Georgia never developed deeply rooted political schools of thought or narratives; instead, local scholars were compelled to adhere to Political Communism. As a result, current academic thought and research in Georgia are heavily influenced by external trends and ideas established during the state-building process in the 1990s¹ and the significant political and ideological shifts that followed the so-called Rose Revolution.² This influence is particularly evident given the relatively limited financial support from the Georgian government over the years and the significant involvement of Western institutions, which primarily focus on value-based research.³

Table 1.

UNIVERSITIES CONSIDERED IN THE ANALYSIS
УНИВЕРСИТЕТЫ, УЧТЕННЫЕ В АНАЛИЗЕ

Universities	Status
Akaki Tsereteli State University (Kutaisi)	Public
Batumi Shota Rustaveli State University	Public
Georgian Technical University (Tbilisi)	Public
Ilia State University	Public
Sokhumi State University	Public
Tbilisi Ivane Javakhishvili State University	Public
Caucasus International University (Tbilisi)	Private
Caucasus University (Tbilisi)	Private
David Aghmashenebeli University of Georgia (Tbilisi)	Private
East European University (Tbilisi)	Private
European University (Tbilisi)	Private
Free University of Tbilisi	Private
Georgian American University (Tbilisi)	Private
Georgian Institute of Public Affairs (Tbilisi)	Private
Georgian National University SEU (Tbilisi)	Private
Grigol Robakidze University (Tbilisi)	Private
International Black Sea University (Tbilisi)	Private
Sulkhan-Saba Orbeliani University (Tbilisi)	Private
New Vision University (Tbilisi)	Private

Source: Times Higher Education, “Study in Georgia,” accessed August 13, 2024, <https://www.timeshighereducation.com/student/where-to-study/study-in-georgia>.

Based on the literature review and scholarly works published by the academic staff of these institutions, we can confidently assert that there are several fundamental assumptions shared by the majority of researchers. Indeed, it can be argued that these shared assumptions constitute foundational pillars of their research.

Key Pillars

Georgian scholars have increasingly adopted Western epistemological approaches in their research, reflecting the nation’s aspirations to align more closely with Western

1 Chulitskaya et al. 2022.
2 Lanahan 2023.
3 Bochorishvili, Peranidze 2020; Natia Gamkrelidze, “A Case Study of the Higher Education System in Georgia” (Master’s thesis, Department of Political Science, Lund University, 2018), accessed June 13, 2024, <https://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=8940337&fileId=8940341>.

political and economic paradigms.¹ This epistemological shift is particularly evident in studies related to democracy promotion, European Union (EU) and North Atlantic Treaty Organization (NATO) integration,² and globalization through the lens of liberal institutionalism. These themes not only underscore Georgia's strategic priorities but also highlight the broader influence of Western thought in shaping academic and policy discourses within the country.³

Contemporary Georgian academic research is primarily founded upon three fundamental pillars: democracy promotion, Western integration, and globalization.

The promotion of democracy constitutes a central theme in Georgian scholarly research, reflecting both the country's post-Soviet transformation and its efforts to consolidate democratic governance.⁴ Georgian scholars employ Western epistemological frameworks to analyze the processes, challenges, and outcomes of democratization. This approach involves the adoption of methodologies that emphasize empirical analysis, comparative studies, and theoretical models developed within Western academic traditions.

A key aspect of this research is the evaluation of democratic institutions and practices. Scholars investigate the efficacy of electoral systems, the functioning of political parties, and the role of civil society in fostering democratic governance. The emphasis on transparency, accountability, and the rule of law aligns with Western democratic norms and is considered essential for ensuring the legitimacy and stability of democratic institutions in Georgia.

Furthermore, Georgian researchers explore the cultural and societal dimensions of democratization. This includes studies on political culture, civic education, and public attitudes towards democracy.⁵ By employing Western theoretical frameworks, such as those developed by scholars like Robert Dahl⁶ and Samuel Huntington,⁷ Georgian researchers analyze the interplay between democratic values and societal norms. This approach facilitates the identification of both enablers and obstacles to democratization within the Georgian context.

The integration of Georgia into the EU and NATO is another prominent focus of scholarly research, driven by the country's strategic goal to enhance its security, economic development, and political stability. Georgian scholars employ Western epistemological approaches to examine the multifaceted processes and implications of integration with these Western institutions. In studying EU integration, researchers analyze the legal, political, and economic reforms required to meet the EU's accession criteria.⁸ This involves a detailed examination of policy alignment, institutional

1 Mestvirishvili, Mestvirishvili 2014.

2 Election Administration of Georgia, "Central Election Commission of Georgia. January 5, 2008 Plebiscites Summary Protocol," accessed June 13, 2024, <https://cesko.ge/en/search-results/singleview/4001166-jauary-5-2008-plebiscites-summary-protocol-2817>.

3 Levan Kakhishvili et al., Georgia's Political Landscape: Diversity, Convergence and Empty Spots. Democracy and Human Rights, Research Report, Friedrich Ebert Stiftung South Caucasus Office, 2021, accessed June 13, 2024. <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/georgien/18417-20220419.pdf>.

4 Natalie Sabanadze, "Who Is Afraid of Georgian Democracy?" Carnegie Europe, accessed June 13, 2024, <https://carnegieendowment.org/research/2023/05/who-is-afraid-of-georgian-democracy>.

5 Makhashvili, Avdaliani 2023.

6 Britannica, "Robert A. Dahl," accessed June 13, 2024, <https://www.britannica.com/biography/Robert-A-Dahl>.

7 Davide Orsi, "The 'Clash of Civilizations' and Realism in International Political Thought," E-International Relations, 2018, <https://www.e-ir.info/2018/04/15/the-clash-of-civilizations-and-realism-in-international-political-thought>.

8 Tinatin Akhvediani, "Georgia's European Dream Is Being Carried by the Highest Spirit of Democracy," Centre for European Policy Studies, 2023, accessed June 12, 2024, <https://www.ceps.eu/georgias-european-dream-is-being-carried-by-the-highest-spirit-of-democracy/>.

harmonization, and the implementation of the *acquis communautaire* (the body of EU law).¹ Western methodological tools, such as policy analysis and impact assessment, are extensively used to evaluate Georgia's progress and identify areas needing improvement.²

NATO integration research similarly draws on Western security studies frameworks to assess Georgia's defense capabilities, military reforms, and strategic alliances. Scholars utilize concepts such as collective security, interoperability, and strategic deterrence to understand the implications of NATO membership for Georgia's national security. Comparative studies with other NATO member and candidate countries provide valuable insights into best practices and lessons learned. The adoption of Western epistemological approaches in this area also involves a critical examination of the geopolitical context.³ Researchers analyze the geopolitical dynamics of the South Caucasus region, the strategic interests of major powers, and the impact of regional conflicts on Georgia's integration aspirations. This comprehensive approach helps in formulating informed policy recommendations that are grounded in a nuanced understanding of the geopolitical environment.⁴

Globalization is another key area where Georgian scholars employ Western epistemological approaches to analyze its impact on the country's socio-economic and political landscape. The study of globalization encompasses a wide range of issues, including economic integration, cultural exchange, and technological advancement.⁵ Research on economic globalization primarily focuses on trade liberalization, foreign direct investment (FDI), and Georgia's integration into the global economy. Scholars utilize Western economic theories and models to examine both the benefits and challenges of globalization, such as increased market access, economic growth, and the risks of dependency and inequality. Common methodological tools in this research include quantitative analysis, econometrics, and case studies, which are used to assess globalization's impact on Georgia's economy.⁶

Cultural globalization research explores the diffusion of cultural practices, ideas, and values through global networks, including studies on media, communication technologies, and migration patterns. Scholars investigate how globalization influences national identity, cultural heritage, and social cohesion in Georgia, employing theories from cultural studies and sociology to analyze the interplay between global and local cultural dynamics. Technological globalization is another critical area of study, focusing on the adoption and impact of information and communication technologies (ICTs) in Georgia. Researchers examine the role of technology in fostering innovation, improving governance, and enhancing connectivity. Western frameworks, such as the digital divide theory and the network society paradigm, are often employed to understand the opportunities and challenges associated with technological globalization.⁷

1 Democracy Research Institute, "The Next 10 Steps on the Road to EU Membership," accessed June 13, 2024, <https://www.democracyresearch.org/eng/932/>.

2 Ana Mgaloblishvili, "Democracy in Peril: Rethinking EU Conditionality for Georgia's Path to EU Candidacy," Georgian Institute of Politics, 2023, accessed June 13, 2024, <https://gip.ge/publication-post/democracy-in-peril-rethinking-eu-conditionality-for-georgias-path-to-eu-candidacy/>.

3 Kakachia et al. 2024.

4 CRRC Georgia, "Perception of Foreign Threats in Georgia," 2023, accessed June 13, 2024, https://crrc.ge/wp-content/uploads/2024/02/eng_perception-of-foreign-threats-in-georgia-2023.pdf.

5 Veshapidze et al. 2023.

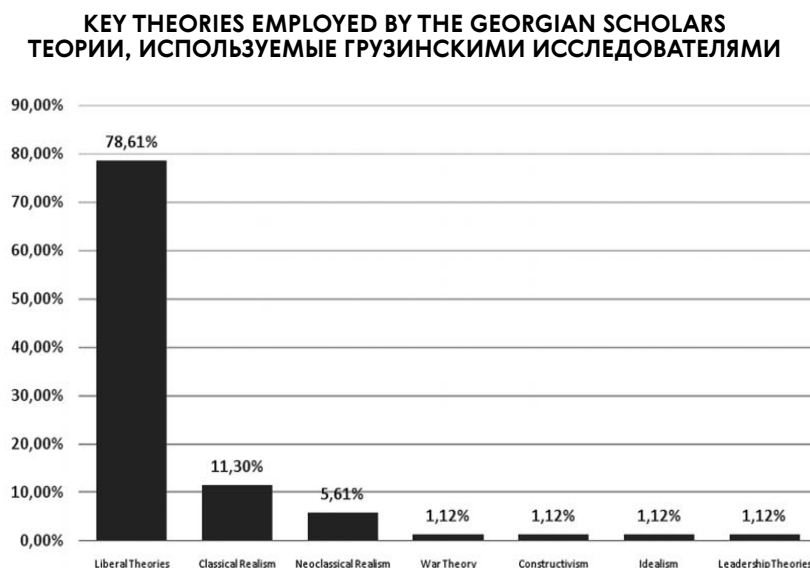
6 Vladimir Papava, "Georgia's European Way during the Period of Pandemic Deglobalization," Rondeli Foundation, accessed June 13, 2024, <https://gfsis.org/en/georgias-european-way-during-the-period-of-pandemic-deglobalization/>.

7 Mkalavishvili 2016.

Theories Applied

Georgian scholars have adopted a range of theoretical frameworks in their research to analyze and understand the complex socio-political and economic issues facing the country. The data indicates that the most dominant frameworks include liberal theories, classical realism, neoclassical realism, war theory, constructivism, idealism, and leadership theories.

Figure 1.

Source: compiled by the author

Liberal theories, including neoliberalism and institutional liberalism, dominate Georgian scholarly research, accounting for 78% of the theoretical frameworks applied. Liberalism, as a theoretical approach, emphasizes the importance of individual liberties, democratic governance, and economic freedom.¹ It is rooted in the belief that human progress is achieved through cooperation, free markets, and democratic institutions. Georgian scholars use liberal theories to advocate for the establishment and strengthening of democratic institutions.² This involves promoting the rule of law, transparency, and accountability in governance. Research often focuses on electoral systems, civil society participation, and human rights protection. Liberalism underpins much of the research on economic reforms in Georgia. Scholars analyze the benefits of free-market policies, trade liberalization, and foreign investment. The aim is to understand how these policies can drive economic growth and development. Liberal theories also emphasize the importance of international institutions and cooperation. Georgian research often explores the role of international organizations such as the EU and NATO in promoting peace, security, and economic development in Georgia.

1 Jeffrey Meiser, "Introducing Liberalism in International Relations Theory," E-International Relations, 2018, accessed June 13, 2024, <https://www.e-ir.info/pdf/72781>.
2 Teimuraz Khutsishvili et al., "Liberalism and Georgia," Tbilisi: Ilia Chavchavadze Center for European Studies and Civic Education, 2020, accessed June 13, 2024. <https://chavchavadzecenter.ge/public/uploads/other/2021-03-09/1199.pdf>.

In the wake of international cooperation and institutional integration, classical liberalism has been frequently replaced by neoliberal approaches and institutional liberalism.

Neoliberalism, although not explicitly listed in the provided data, is often intertwined with liberal theories due to its focus on economic liberalization, privatization, deregulation, and the reduction of state intervention in the economy.¹ Georgian scholars who adopt neoliberal frameworks emphasize the role of market mechanisms in driving economic development and advocate for policies that enhance economic freedom and competitiveness. In the Georgian context, neoliberalism is particularly relevant in the study of post-Soviet economic reforms. Scholars apply neoliberal principles to evaluate the successes and limitations of Georgia's transition to a market economy. Research often highlights the role of neoliberal policies in attracting foreign investment, enhancing economic growth, and integrating Georgia into the global economy.

Institutional liberalism, widely appreciated by Georgian scholars due to the country's institutional integration with Western organizations, emphasizes the role of international institutions in promoting cooperation, peace, and stability among states.² Georgian scholars who adopt this framework focus on how international organizations and norms can influence and support Georgia's political and economic development. In the Georgian context, institutional liberalism is particularly relevant to the country's aspirations for EU and NATO membership. Scholars use this framework to analyze the processes, challenges, and benefits of integration with these institutions. Research often highlights how compliance with EU standards and participation in NATO exercises strengthen Georgia's political, economic, and security landscape. Moreover, institutional liberalism helps in understanding the transformative impact of international norms and practices on Georgia's domestic policies. Scholars examine how aligning with international standards in areas such as human rights, judicial reforms, and anti-corruption measures can enhance Georgia's governance and societal well-being.³

The second theoretical framework applied is realism, split into classical and neoclassical. Classical realism accounts for 11% of the theoretical frameworks used by Georgian scholars. Realism is a theory that focuses on the competitive and conflictual aspects of international relations. It posits that states act primarily in their own self-interest, seeking power and security in an anarchic international system. Scholars applying classical realism analyze Georgia's foreign policy and national security strategies. They explore the balance of power in the South Caucasus region and Georgia's efforts to enhance its security against external threats, particularly from Russia. Realism is used to understand the strategic calculations of states. Georgian research often examines the geopolitical dynamics involving major powers and their impact on Georgia's sovereignty and territorial integrity.⁴

Neoclassical realism, an updated version of classical realism, integrates insights from both classical realism and liberalism, accounting for 5.6% of the theoretical

1 Jeffrey Meiser, "Introducing Liberalism in International Relations Theory," *E-International Relations*, 2018, accessed June 13, 2024, <https://www.e-ir.info/pdf/72781>.

2 Keohane 2012.

3 Phutkaradze et al. 2019; Lebanidze 2021.

4 Tsintsadze 2023.

frameworks used by Georgian scholars. This approach seeks to explain state behavior by considering both international pressures and domestic factors. Georgian researchers employ neoclassical realism to analyze how internal political dynamics, economic conditions, and societal pressures shape Georgia's foreign policy decisions. This includes examining the influence of political elites, public opinion, and economic resources. Neoclassical realism is particularly useful for studying how Georgia adjusts its foreign policy in response to both international and domestic constraints. This framework aids in understanding the complex interplay between external threats and internal political stability.¹

War Theory, which accounts for 1.12% of the theoretical frameworks used, focuses on the causes, nature, and consequences of war. It includes various sub-theories that examine different aspects of conflict. Georgian scholars apply war theory to study the conflicts in Abkhazia and South Ossetia, often analyzing the historical roots, political dynamics, and external influences that have contributed to these conflicts. Additionally, war theory is employed to explore strategies for conflict resolution and peacebuilding, including the roles of international mediation, peacekeeping operations, and reconciliation efforts.²

Constructivism, which accounts for 1.12% of the theoretical frameworks, emphasizes the role of ideas, identities, and norms in shaping international relations. Georgian scholars use constructivism to examine how national identity and historical narratives influence the country's domestic and foreign policies. This includes analyzing the construction of national myths and their impact on political discourse. Constructivism is also applied to study the influence of international norms and institutions on Georgia's policies. Researchers explore how global norms related to democracy, human rights, and international law shape Georgia's interactions with other states and international organizations.³

Idealism, also representing 1.12% of the frameworks, focuses on the potential for cooperation and the pursuit of ethical principles in international relations. Georgian scholars use idealism to advocate for foreign policies based on ethical considerations and international justice, including the promotion of human rights, environmental sustainability, and global cooperation. Idealism is also employed to analyze the role of visionary leadership in shaping a country's foreign policy, examining how leaders with strong ethical convictions can influence international relations and promote global peace.⁴

Leadership Theories, making up 1.12% of the frameworks, focus on the role of leaders in shaping political and organizational outcomes. Scholars apply leadership theories to analyze the influence of political leaders in Georgia's history and contemporary politics, including studies on leadership styles, decision-making processes, and the impact of individual leaders on policy outcomes. Leadership theories are also

1 Gvalia et al. 2019.

2 Nino Tsikhelashvili, "Cognitive Warfare Through Reflexive Control Strategy in Georgia," *The Defense Horizon Journal*, 2023, accessed June 13, 2024, <https://tdhj.org/blog/post/cognitive-warfare-reflexive-control-georgia/>; Grigalashvili 2020.

3 Kakachia, Minesashvili 2015; Kakachia et al. 2018.

4 Batashvili 2020; Vasil Kipiani, "(Stereotypical) Perceptions vs Changeable Conditions: From Idealism to Realism," *Geocase*, accessed June 13, 2024, <https://www.geocase.ge/en/publications/515/stereotipuli-tsarmodgenebi-cvalebadi-garemoebis-pirispiridealizmidan-realizmisaken>.

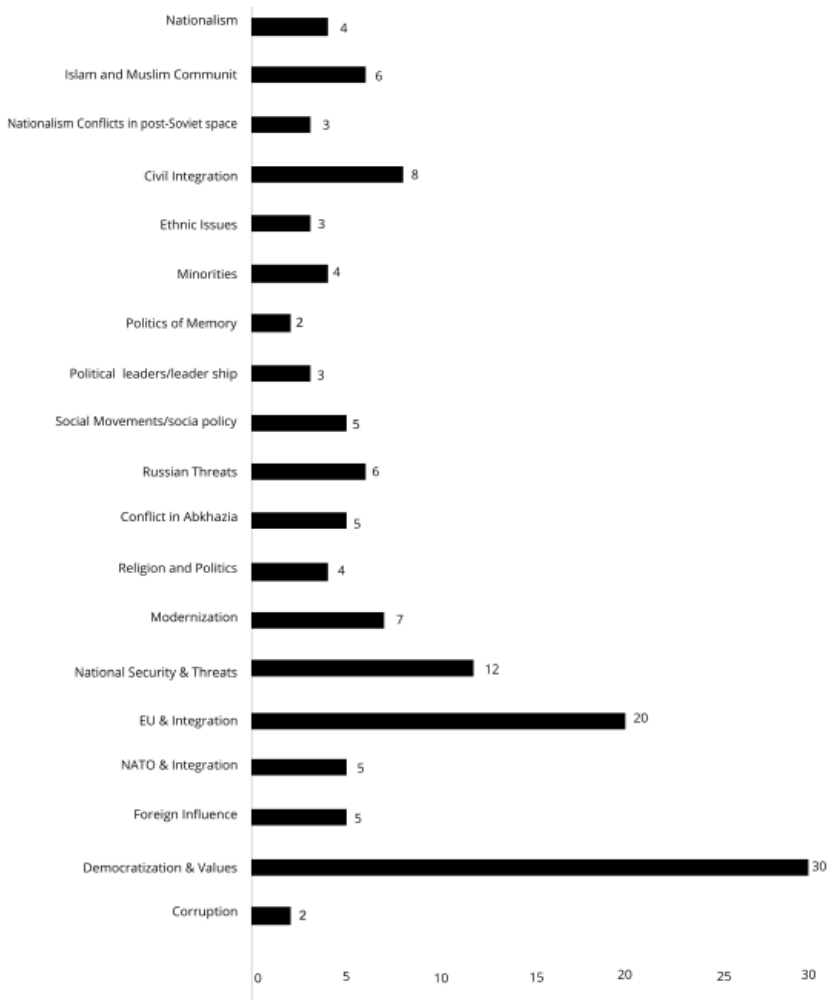
used to understand the dynamics within political parties, governmental institutions, and civil society organizations. Researchers examine how leadership practices affect organizational effectiveness and drive political change.¹

Research Directions

The dominance of liberal theories among Georgian scholars at least partially shapes the main directions of academic research. Based on the provided data, the key topics of focus for Georgian scholars include democratization and values, EU integration, national security and threats, conflicts in the post-Soviet space, and peacebuilding efforts.

Figure 2.

TOPICS RESEARCHED BY THE GEORGIAN RESEARCHES
ТЕМЫ, ИССЛЕДУЕМЫЕ ГРУЗИНСКИМИ УЧЕНЫМИ

Source: compiled by the author

1 Sartania 2021.

Undoubtedly, democratization and values are of significant concern to Georgians. In this context, democratization refers to the transition from a non-democratic regime to a democratic political system, which involves the establishment of institutions and practices that ensure free and fair elections, the protection of civil liberties, and the rule of law. The term “values” pertains to the cultural and social principles that support democratic governance, such as political tolerance, social justice, and respect for human rights. The emphasis on democratization and values underscores the importance Georgian scholars place on understanding and promoting democratic principles in their country, which has undergone significant political changes and challenges since the Soviet era.¹

EU integration, another key focus, involves Georgia's efforts to align with the European Union in terms of political, economic, and social standards. This topic encompasses the study of EU policies, the benefits and challenges of integration, and the reforms required for Georgia to comply with EU regulations. Scholars interested in this area explore how integration with the EU can contribute to Georgia's development and stability, reflecting the country's broader aspirations to strengthen its ties with Western institutions.²

National security and threats are also central topics, covering the study of measures and policies designed to protect the country from various internal and external threats. This includes concerns about military threats, cyber threats, terrorism, and other forms of aggression. The focus on national security reflects the high level of concern among Georgian scholars regarding the country's vulnerability to regional conflicts, particularly given its geopolitical location and historical tensions with neighboring countries, such as Russia.³

As part of the national security discourse, conflicts in the post-Soviet space are heavily studied. This topic addresses the various conflicts that have arisen in the territories of the former Soviet Union, including ethnic conflicts, territorial disputes, and separatist movements. Scholars researching this area focus on understanding the causes, dynamics, and consequences of these conflicts, as well as exploring potential solutions for peace and stability. The emphasis on post-Soviet conflicts highlights the interconnectedness of regional issues and their impact on Georgia's security and development.⁴

Peacebuilding, a parallel process to conflict, involves efforts to establish lasting peace in regions affected by violence and instability. This includes initiatives aimed at reconciliation, institution building, and socio-economic development. Georgian scholars studying peacebuilding are focused on creating sustainable frameworks for peace in conflict-prone areas, addressing the root causes of conflicts, and promoting social cohesion. This emphasis reflects the ongoing challenges Georgia faces in dealing with unresolved conflicts, particularly in regions like Abkhazia and South Ossetia.⁵

1 Kakhishvili 2018; Tamar Khoshtaria et al., “Youth Values and Political Activism in Georgia,” Tbilisi: Georgian Foundation for Strategic and International Studies, 2021, accessed June 13, 2024. <https://gfsis.org.ge/files/library/pdf/Youth-Values-and-Political-Activism-in-Georgia--3190.pdf>.

2 Maisuradze 2023.

3 Kornely Kakachia and Salome Minesashvili, “Russia's Intended Naval Base in Ochamchire: Implications for Georgian and Black Sea Security,” PONARS Eurasia, 2024, accessed June 13, 2024, <https://www.ponarseurasia.org/russias-intended-naval-base-in-ochamchire-implications-for-georgian-and-black-sea-security/>; JAM News, “CRRC: 69% of Respondents Consider Russia Georgia's Main Enemy,” 2024, accessed June 13, 2024, <https://jam-news.net/enemy-of-georgia/>.

4 Erkhvania 2021.

5 Midelashvili, Gakhokidze 2022.

The distribution of topics among Georgian scholars reveals several key insights into the priorities and concerns within Georgia's academic and policy-making communities:

The largest number of papers focus on democratization and values, indicating a strong commitment to understanding and promoting democratic governance in Georgia. This emphasis is likely driven by the country's ongoing efforts to consolidate its democratic institutions and address challenges related to political corruption, the rule of law, and civil liberties. With 20 pieces centered on EU integration, there is a clear interest in aligning Georgia's policies and standards with those of the European Union. This interest is motivated by the potential benefits of EU membership, including economic development, political stability, and enhanced security.

National security and threats are another major area of focus, reflecting the significant security challenges Georgia faces, particularly in relation to its tense relationship with Russia and the ongoing conflicts in Abkhazia and South Ossetia. The emphasis on national security underscores the need for robust strategies to protect the country from various threats.

The study of conflicts in the post-Soviet space is also a priority, indicating an awareness of the broader regional dynamics that impact Georgia's security and stability. Understanding these conflicts is crucial for developing effective policies to mitigate their effects and promote regional peace. In conjunction with these conflicts, peacebuilding efforts are critical. The data reflects the importance of addressing the underlying causes of conflict and fostering long-term peace. This involves not only conflict resolution but also efforts to build resilient institutions and promote social cohesion.

The distribution of topics also highlights emerging areas of interest, such as foreign influence, NATO integration, and social movements. These areas are essential for understanding the broader geopolitical context in which Georgia operates and the social dynamics within the country.

Overall, the data indicates that Georgian scholars are deeply engaged in studying issues critical to the country's development, security, and integration into the international community. The focus on democratization, EU integration, and national security underscores the complex challenges Georgia faces as it navigates its post-Soviet transition and seeks to establish itself as a stable and prosperous democracy.

Determinants

Georgia's geopolitical shift toward the West has been a strategic and transformative process since gaining independence from the Soviet Union in 1991. This shift is driven by Georgia's aspirations for European integration, stronger ties with NATO, and closer relations with Western democracies. A significant milestone in Georgia's Western orientation was the Rose Revolution in 2003, which brought a pro-Western leadership to power under the political trio of Zurab Zhvania, Mikheil Saakashvili, and Nino Burjanadze.¹

1 "How the Rose Revolution Happened," BBC News, 2005, accessed June 13, 2024, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/4532539.stm>.

The new government pursued reforms aimed at aligning Georgia's political, economic, and security interests with those of the West. These reforms included the implementation of democratic governance, market-oriented economic policies, and efforts to join NATO. The comprehensive departure from the Soviet legacy – encompassing political, economic, social, military, and civil distancing from previous practices – led to the development of new epistemological approaches within local academic life.¹

We can argue that three main determinants shape the current epistemological approaches in Georgia: the higher education system reform conducted in the aftermath of the Rose Revolution, Civic Education as the foundation of the higher education system, and, finally, the overwhelming influence of Western financial assistance.

Higher Education System Reform

Following the Rose Revolution in 2003, Georgia underwent significant transformations across various sectors, including higher education. Led by Mikheil Saakashvili, the revolution aimed to eradicate corruption, strengthen democratic institutions, and modernize the country's infrastructure and governance. One of the early initiatives in higher education was the establishment of the European University, reflecting a shift toward European standards and values. This move was part of a broader strategy to align Georgia's education system with international norms and practices, aiming to improve educational quality and global competitiveness.²

To implement this shift toward European practices, the newly elected government addressed challenges related to corruption, governance, quality assurance, curriculum reforms, infrastructure and resources, and internationalization.

Before the revolution, corruption was pervasive in Georgian universities, affecting admissions, examinations, and academic appointments. The new government sought to eliminate corruption through stringent anti-corruption measures, transparency reforms, and the introduction of merit-based systems for academic and administrative appointments. These efforts helped restore public trust in the integrity of higher education institutions.

In terms of quality assurance, significant efforts were made to strengthen mechanisms ensuring academic standards. The Accreditation and Authorization Council of Georgia (now the National Center for Educational Quality Enhancement) was established to ensure that universities met rigorous standards in faculty qualifications, infrastructure, curriculum, and research. This initiative aimed to enhance the credibility of Georgian degrees and qualifications both domestically and internationally.

Curriculum reforms were introduced to align with the needs of a modern economy, promoting interdisciplinary studies, practical skills development, and entrepreneurship.³

1 Council of Europe Office in Georgia, "Welcome to the Council of Europe in Georgia," 2024, accessed June 14, 2024, <https://www.coe.int/en/web/tbilisi/field-office/overview>.

2 Gamkrelidze 2018.

3 World Bank Group, "Fighting Corruption in Public Services: Chronicling Georgia's Reforms," Europe and Central Asia, 2012, accessed June 13, 2024, <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/518301468256183463/fighting-corruption-in-public-services-chronicling-georgias-reforms>.

This shift aimed to equip graduates with the skills and knowledge required by the job market, thereby improving employability and fostering economic growth.

Investments were also made in improving infrastructure and educational resources, particularly in urban areas. These efforts included upgrading facilities, expanding library resources, and enhancing access to modern technologies. These improvements were designed to create a conducive learning environment that supported academic excellence and research.

Recognizing the importance of global perspectives and collaboration, efforts were made to internationalize Georgian higher education. This included promoting student and faculty exchanges, forging partnerships with international universities, and participating in joint research initiatives. Internationalization aimed to enhance the quality of education, broaden students' horizons, and facilitate knowledge transfer.¹

Values-Based Civic Education

The Georgian government aimed not just to build a Western-oriented education system but to establish one rooted in the concept of Civic Education.²

Within the higher education system, Civic Education serves as a cornerstone for fostering informed, engaged, and responsible citizens capable of navigating the complexities of modern society. It goes beyond merely transmitting knowledge about governmental structures and legal frameworks, encompassing critical analysis of civic issues, ethical considerations, and active participation in democratic processes. This essay explores the importance of Civic Education in higher education, its components, impact, and the challenges and opportunities it presents.³

At its core, Civic Education in higher education aims to cultivate civic literacy and promote democratic values among students. It equips them with the knowledge, skills, and dispositions necessary to understand their rights and responsibilities as active participants in civic life. Key elements of the Civic Education concept include critical thinking and analysis, ethical citizenship, civic participation and engagement, and global citizenship.

Higher education encourages students to develop critical thinking skills essential for analyzing complex civic issues, evaluating policy proposals, and understanding the implications of governmental decisions. Through rigorous academic study and intellectual inquiry, students learn to assess information critically, recognize biases, and make informed judgments. Universities emphasize the ethical dimensions of civic engagement, encouraging students to consider principles of justice, human rights, and social responsibility in their actions and decision-making processes. This ethical foundation guides students in advocating for equity, inclusivity, and sustainable development within their communities.

Civic Education fosters active citizenship by promoting opportunities for students to engage in community service, volunteerism, and political activism. Through internships,

1 The Brookings Institute, "From Popular Revolutions to Effective Reforms: The Georgian Experience," Panel, Washington DC, 2011, accessed June 13, 2024, https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2012/04/20110317_saakashvili_transcript.pdf.

2 Karaia 2016.

3 Rebell 2018.

service-learning projects, and campus organizations, students develop practical skills in leadership, communication, and collaboration while addressing pressing societal issues. In an increasingly interconnected world, higher education promotes global citizenship by exposing students to diverse perspectives, cultures, and global challenges such as climate change, migration, and human rights abuses. By understanding global interdependencies and participating in international exchange programs, students learn to engage responsibly in global affairs.¹

Civic Education in higher education encompasses a range of components designed to provide students with a comprehensive understanding of civic life and democratic governance, including academic curriculum, experiential learning, dialogue and debate, and research and scholarship. Universities offer courses in political science, law, public policy, international relations, and ethics that explore foundational concepts of democracy, constitutional principles, human rights, and social justice. These courses equip students with the theoretical knowledge and analytical skills necessary for effective civic engagement.

Hands-on experiences such as internships, community-based research projects, and public service initiatives allow students to apply classroom learning to real-world contexts. These experiences enable students to develop practical skills in community organizing, policy analysis, and advocacy while making meaningful contributions to local and global communities. Higher education institutions promote civil discourse and respectful debate on contentious civic issues through student organizations, debate societies, and campus forums. These platforms encourage students to exchange ideas, challenge assumptions, and engage in constructive dialogue to broaden their perspectives and deepen their understanding of diverse viewpoints.

Civic Education encourages research and scholarly inquiry into critical civic issues, enabling students and faculty to generate knowledge, propose policy solutions, and contribute to public discourse. Research projects often involve collaboration with community stakeholders, policymakers, and advocacy organizations to address complex societal challenges effectively.²

The concept of Civic Education directly impacts the higher education system by empowering citizenship, promoting leadership skills, increasing community engagement, and reinforcing democratic values. Civic Education empowers students to become informed and active citizens who contribute positively to democratic governance and social change. By understanding their rights, responsibilities, and the mechanisms of political participation, graduates are better equipped to advocate for justice, equality, and accountability within their communities and beyond.

Higher education cultivates leadership skills among students, preparing them to assume roles as ethical leaders, policymakers, and advocates for social justice. Alumni of Civic Education programs often pursue careers in government, nonprofit organizations, law, academia, and international diplomacy, where they leverage their skills and knowledge to effect meaningful change. Universities serve as catalysts for

1 Surbhi et al. 2012.

2 Maia Bibileishvili and Shorena Chargeishvili, "Citizenship Education in Georgia", Country Profiles: Citizenship Education Around the World, Federal Agency for Civic Education, Germany, 2021, accessed June 13, 2024, <https://www.bpb.de/die-bpb/partner/nece/338430/citizenship-education-in-georgia/>.

community engagement and civic participation, fostering partnerships with local governments, NGOs, and grassroots organizations. Through collaborative initiatives, students contribute expertise, resources, and volunteer efforts to address community priorities and promote social cohesion.

Civic Education reinforces democratic values such as tolerance, respect for diversity, and commitment to the rule of law. By nurturing a culture of civic responsibility and civic virtue, higher education institutions uphold the foundations of civil society and prepare students to maintain democratic principles throughout their lives.

In conclusion, Civic Education in the higher education system plays a crucial role in preparing students to become informed, engaged, and ethical citizens capable of addressing complex challenges and contributing to the advancement of democratic values. By integrating academic rigor with experiential learning, fostering critical thinking and ethical reasoning, and promoting active civic participation, universities empower students to make meaningful contributions to society and promote positive social change both locally and globally. In the case of Georgia, this means embracing Western-oriented mainstream ideas and approaches¹.

Funding

There is no science without funding, and the flow of money into Georgia's education system, particularly in the sciences, largely comes from international donors, predominantly from the West, which focuses on its mainstream external goals of promoting democracy.²

Western democracy promotion funding in Georgia has been a significant aspect of international relations and foreign policy since the country gained independence from the Soviet Union in 1991. Located in the Caucasus region, Georgia has been a focal point for Western efforts to support democratic reforms, strengthen institutions, and promote stability in the strategically important South Caucasus region.³

Following the dissolution of the Soviet Union, Georgia embarked on a path toward democratic governance and market-oriented reforms. Western countries, particularly the United States and European Union member states, provided substantial political, financial, and technical assistance to support Georgia's transition to democracy.

Western funding has been directed towards building and strengthening democratic institutions such as electoral systems, legislative bodies, and the judiciary. This includes support for legal reforms, capacity-building for public administration, and enhancing the rule of law. Funding has also been allocated to support civil society organizations (CSOs) that play a crucial role in promoting human rights, transparency,

1 Nino Gugunishvili, "Enhancing Civic Education in Georgia with the Future Generation Program," *Georgia Today*, 2017, accessed June 13, 2024, <http://gtarchive.georgiatoday.ge/news/6634/Enhancing-Civic-Education-in-Georgiawith-the-Future-Generation-Program>.

2 Giorgi Minashvili, "What Financial Assistance Did the European Union Provide to Georgia for Business and Other Areas?" *Myth Detector Georgia*, accessed June 13, 2024, <https://mythdetector.ge/en/what-financial-assistance-did-the-european-union-provide-to-georgia-for-business-and-other-areas/>; Giorgi Menabde, "Georgia Becomes a Priority Recipient of Western Financial Assistance," *Eurasia Daily Monitor*, The Jamestown Foundation, accessed June 13, 2024, <https://jamestown.org/program/georgia-becomes-a-priority-recipient-of-western-financial-assistance/>.

3 Tamar Khuntsaria, "External Democracy Promotion in Georgia: The Role of the European Union" (PhD diss., Ivane Javakishvili Tbilisi State University, 2014), accessed June 13, 2024, https://press.tsu.edu.ge/data/image_db_innova/socialur_politikuri/tamar_xunwaria.pdf.

accountability, and civic engagement. CSOs receive grants for advocacy, monitoring government actions, and fostering public participation in democratic processes.¹

Western donors have supported independent media outlets and journalism training programs to ensure diverse and unbiased reporting, which is critical for fostering a free press, transparency, and access to information. International organizations and NGOs funded by Western donors have also monitored elections in Georgia to ensure they are free, fair, and transparent. This includes technical support for electoral reforms and promoting public confidence in electoral processes.

Additionally, Western democracy promotion efforts in Georgia aim to strengthen democratic values such as pluralism, tolerance, human rights, and political pluralism. These values are seen as essential for fostering stable and inclusive democratic institutions. Finally, Georgia's aspirations for closer integration with the European Union, exemplified by the signing of the EU-Georgia Association Agreement in 2014, have been supported through financial assistance aimed at implementing reforms in line with EU standards and values.²

Western investment in Georgia's higher education system and research has been substantial over the years, aiming to enhance educational quality, institutional autonomy, and research capacity. This investment includes contributions from various international organizations, including the European Union (EU), the World Bank, and other bilateral and multilateral donors.

The EU has been a significant contributor to higher education in Georgia through various programs and initiatives. One prominent initiative is the Erasmus+ program, which has provided numerous scholarships and mobility opportunities for Georgian students and faculty members. This program has facilitated academic exchanges, joint research projects, and curriculum development, significantly enhancing the quality of education and research in Georgia. The EU's support also extends to capacity-building projects aimed at modernizing Georgian universities and aligning them with European standards and practices.³

The World Bank has also played a critical role in supporting higher education and research in Georgia. It has provided technical assistance and funding to support the development of education sector strategies and reforms. The World Bank's investments have focused on improving educational access, quality, and governance, including modernizing educational infrastructure, enhancing teacher training, and supporting the development of research institutions.⁴

In addition to the EU and the World Bank, several other countries and international organizations have contributed to Georgia's higher education system. For example, the United States, through the Millennium Challenge Corporation (MCC), invested in the Georgia Compact, which included substantial funding for educational infrastructure

1 Asian Development Bank, "Civil Society Brief: Georgia," Tbilisi, 2020, accessed June 12, 2024, <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/678381/civil-society-brief-georgia.pdf>.

2 Ministry of Foreign Affairs of Georgia, "Association Agenda between the European Union and Georgia, 2017-2020," accessed June 14, 2024, https://mfa.gov.ge/pfiles/files/EU-Georgia_association_agenda_-2017-2020.pdf.

3 Yana Mitaishvili-Rayyis, "Educational Reforms in Georgia: Past Progress and Future Directions," Georgian Foundation for Strategic and International Studies, 2023, accessed June 13, 2024, <https://gfsis.org.ge/files/library/pdf/Eng-3530.pdf>.

4 World Bank Group, "Technical Assistance to Support Reforms to the Higher Education Financing System in Georgia (P164779)," 2018, accessed June 13, 2024, <https://documents1.worldbank.org/curated/en/895021551184190719/pdf/Report-on-Georgia-Higher-Education-Funding-Reform.pdf>.

projects. This investment aimed to improve STEM (science, technology, engineering, and mathematics) education and create opportunities for Georgian students to pursue higher education in these fields. Similarly, other bilateral donors, such as Germany and the United Kingdom, have provided scholarships, research grants, and technical assistance to Georgian universities.¹

The impact of these investments is evident in the significant progress Georgia has made in the higher education sector. The increased funding has led to improved educational facilities, more robust academic programs, and enhanced research capacities. Georgian universities have established partnerships with international institutions, enabling collaborative research projects and academic exchanges. These developments have contributed to the internationalization of Georgian higher education, making it more competitive on a global scale.²

Conclusion

Georgia’s geopolitical shift in the aftermath of the Rose Revolution not only reshaped the state’s foreign policy but also influenced the way local scholars approach the study of political science and international relations. Epistemological approaches have been revised, with a focus on democracy promotion, EU integration, and national security. Georgian scholars base their research on three main pillars: democracy and values as key priorities, Western integration as the grand goal, and globalization as an inevitability. Through these foundational assumptions, they emphasize the necessity of democratic transformation, the building of a value-based society, EU integration, and the assurance of national security.

Driven by prevailing Western ideas, Georgian scholars logically apply mainstream theories such as liberalism, neoliberalism, and institutional liberalism, which underscore the importance of promoting democracy and values to ensure institutional integration with the Western world and to secure the state’s position in a globalized environment. This scholarly disposition is shaped by general approaches to the education system, particularly the transformative reforms in higher education that occurred following the Rose Revolution. A key concept of these reforms was the implementation of the Western model of Civic Education, rooted in democracy, human rights, institutionalism, and the Western mindset.

Naturally, these developments have been strongly supported by financial backing from external sources, making Georgian scholars significantly dependent on external logistical and financial support, including grants, scholarships, and paid courses and programs.

1 Norberto Pignatti, “Higher Education Reform in Georgia: Challenges and Opportunities,” ISET Report, 2019, accessed June 13, 2024, <https://iset-pi.ge/storage/media/other/2021-10-06/f801cce0-2673-11ec-bd97-25fa0095a319.pdf>.
2 Mariam Chitashvili, “Doctoral Studies in Georgia,” CSS Georgia, accessed June 13, 2024, http://css.ge/?page_id=22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Chulitskaya, Tatiana, Irmina Matonyte, Dovile Gudelis, and Sergiu Sprincean. "From Scientific Communism to Political Science: The Development of the Profession in Selected Former Soviet European States." In *Opportunities and Challenges for New and Peripheral Political Science Communities*, edited by Gabriella Ilonszki and Christine Roux, 51–85. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.

Erkvania, Teona. "Constitutional Framework of the Conflict Regions in Georgia and the Latest Attempts for their Regulation." *Journal of Public and International Affairs* 5, no. 1 (2021): 1–31.

Grigalashvili, Valeri. "An Ambiguous Phenomenon of Hybrid Warfare: Theory and Policy Practice of Georgia." *Online Journal Modelling the New Europe*, no. 32 (2020): 93–110.

Gvalia, Giorgi, Bidzina Lebanidze, and David Siroky. "Neoclassical Realism and Small States: Systemic Constraints and Domestic Filters in Georgia's Foreign Policy." *East European Politics* 35, no. 1 (2019): 21–51.

Kakachia, Kornely, and Salome Minesashvili. "Identity Politics: Exploring Georgian Foreign Policy Behavior." *Journal of Eurasian Studies* 6, no. 2 (2015): 171–180.

Kakachia, Kornely, Bidzina Lebanidze, and Salome Kandelaki. *The Next Stage in NATO-Georgia Relations: Filling the Democracy Gap*. Georgian Institute of Politics, 2024.

Kakachia, Kornely, Salome Minesashvili, and Levan Kakhishvili. "Change and Continuity in the Foreign Policies of Small States: Elite Perceptions and Georgia's Foreign Policy Towards Russia." *Europe-Asia Studies* 70, no. 5 (2018): 814–831.

Kakhishvili, Levan. *Democratic Consolidation in Georgia: Why Does Consensus Matter?* Policy Brief, no. 12. Georgian Institute of Politics, 2018.

Karaia, Tamuna. "The State of Civic Education in Georgia from Formal to Informal Practices." *Eastern Europe-Regional Studies* 2, (2016).

Keohane, Robert. "Twenty Years of Institutional Liberalism." *International Relations* 26, no. 2 (2012): 125–138.

Lanahan, Brian. "Post-Soviet Higher Education 1991–2003 and Education as Politics in the Post-Rose Revolution Era." In *Higher Education as Politics in Post-Rose Revolution Georgia*, edited by Brian Lanahan, 45–61. Cham: Palgrave Macmillan, 2023.

Lebanidze, Bidzina. "The Judiciary Reform in Georgia and its Significance for the Idea of European Integration." *Georgian Institute of Politics. Policy Brief*, no. 31 (2021): 1–10.

Makhashvili, Luka, and Emil Avdaliani. "Europeanization as an Instrument for Georgia's Democratization." *Law & World* 9 (2023): 77–92.

Mestvirishvili, Nana, and Mzia Mestvirishvili. "I am Georgian and therefore I am European: Re-searching the Europeaness of Georgia." *Central European Journal of International and Security Studies* 8, no.1 (2014): 52–65.

Midelashvili, Shota, and Jimsher Gakhokidze. "Ethnic Conflicts and Peacebuilding in Georgia." In *Handbook of Research on Ethnic, Racial, and Religious Conflicts and Their Impact on State and Social Security*, 91–106. IGI-Global, 2022.

Mkalavishvili, Tamaz. "The Role and Place of Georgia in the Globalized World." *Journal of Social Sciences* 5, no. 1 (2016): 57–63.

Phutkaradze, Zaza, Ana Tsintsadze, and Beka Phutkaradze. "Financial Integration and Economic Growth: Empirical Evidence from the Republic of Georgia." *European Journal of Sustainable Development* 8, no. 2 (2019).

Rebell, Michael. *Flunking Democracy: Schools, Courts, and Civic Participation*. Chicago: University of Chicago Press, 2018.

Sartania, Tea. "Modern Practice of Leadership: Its Role and Importance in the Successful Operation of the Organization." *Globalization and Business* 12 (2021): 162–165.

Surbhi, Geetika, Wendy Henderson, Peter Levine, and Josh Littenberg-Tobias. *State Civic Education Requirements*. Medford, MA: CIRCLE, 2012.

Tsintsadze, Iona. "Structural Realism and Georgian Foreign Policy." *Journal of Politics and Democratization* 5, no. 5 (2023): 75–106.

Veshapidze, Saba, Tamar Zubiashevili, and Ketevan Chiabrishvili. "Globalization and New Opportunities for Georgia." *Journal of Globalization and Business* 6, no. 12 (2023).

Authors

Archil T. Sikharulidze,

Researcher, co-founder of SIKHA Foundation, Tbilisi, Georgia

21, Pekini street, app. 120, P.O. 0194, Tbilisi, Georgia

e-mail: archil.sikharulidze@archilsikharulidze.com

Nino A. Skvortsova,

PhD (Polit. Sci.), Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198

e-mail: nino.skvortsova@gmail.com

Additional information

Received: June 14, 2024. Revised: June 17, 2024. Accepted: June 20, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Sikharulidze, Archil, and Nino Skvortsova. "Political Science in Georgia: Epistemology and Determinants."

Journal of International Analytics 15, no. 2 (2024): 106–125.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-106-125>

Политическая наука в Грузии: к вопросу об эпистемологических основах

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются эпистемологические подходы, использованные грузинскими исследователями в области политической науки за последние пять лет. Она основана на первоначальном обобщенном исследовании темы, которая в значительной степени упускалась из виду как местными, так и международными учеными. На основе обзора литературы и анализа исследований, проведенных ведущими местными учеными, в статье утверждается, что в Грузии нет устоявшихся или глубоко укоренившихся политических школ в традиционном понимании из-за советского прошлого страны. В результате университеты и вся область политологии являются продуктом реформ, направленных на распространение демократии. Эти реформы были реализованы при сильной поддержке западных стратегических союзников, в особенности США и Европейского Союза. В настоящее время эта область находится под сильным влиянием доминирующих западных теорий политической науки и международных отношений, таких как либерализм, неолиберализм и либеральный институционализм. Более того, эта дисциплина по своей сути ориентирована на гражданское образование, уделяя основное внимание продвижению демократии, а не критическим исследованиям. Грузинские ученые склонны исследовать темы и применять теории, которые соответствуют господствующим западным нарративам. На эту тенденцию существенно влияет финансовая и логистическая зависимость от западных грантов и стипендий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Грузия, образование, эпистемология, политическая наука

Сведения об авторах

Арчил Теймуразович Сихарулидзе,
исследователь, сооснователь Фонда SIKHA, Тбилиси, Грузия
Р.О. 0194, Тбилиси, Грузия, ул. Пекини, 21, кв. 120
e-mail: archil.sikharulidze@archilsikharulidze.com

Нино Автандиловна Скворцова,
к. полит. н., Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
e-mail: nino.skvortsova@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 14 июня 2024.

Переработана: 17 июня 2024.

Принята к публикации: 20 июня 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Сихарулидзе, А., Скворцова, Н. Политическая наука в Грузии: к вопросу об эпистемологических основах // Международная аналитика. 2024. Том 15 (2). С. 106–125.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-106-125>

Внешнеполитические концепции «новых правых» в Германии: от гегемонизма к изоляции

Руслан Равизович Стоянов, независимый исследователь,
Москва, Россия

Контактный адрес: stoyanov.r00@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В последние годы исследователи правого радикализма проявляют интерес к вкладу радикальных консерваторов в современную теорию международных отношений. В центре предлагаемого исследования находятся концепции немецкого интеллектуального течения «новых правых» в ФРГ применительно к вызовам мировой политики. Цель исследования состоит в анализе эволюции политического языка представителей движения на этапе холодной войны и на современном этапе – с 2013 г. по настоящее время. Методологической основой работы выступает анализ политических текстов в рамках Кембриджской школы истории идей. Обращение к данному методу позволяет определить политические проблемы и оппонентов «новых правых», воспроизвести политические контексты, в которых действовали теоретики, а также идентифицировать культурный ресурс политического языка идеологов. Результаты исследования демонстрируют, что основной целью «новых правых» является обеспечение национальной безопасности и роста политической мощи ФРГ. Ее достижение требовало разработки внешнеполитической концепции, обеспечивающей доминирующее положение ФРГ в континентальной Европе. Хотя интеллектуальные источники идеологии «новых правых» не имели прямого отношения к теории международных отношений, тезисы их теоретиков наиболее близки школе политического реализма. При этом проевропейские идеологические позиции «новых правых» оказываются ограниченными и, как следствие, невостребованными среди правых популистов Европы и США. Данный вывод позволяет опровергнуть утверждение, что цель «новых правых» состоит в революционном переустройстве существующей системы международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«новые правые», холодная война, публичный враг, государство порядка, солидарный патриотизм, политическая география

Введение

С начала 2020-х гг. во многих странах Европы и Северной Америки наблюдается рост популярности т.н. ультраправых движений, что стало предметом исследовательских дискуссий. Эта проблема анализируется преимущественно в контексте угроз национальным государствам и парламентской демократии¹, продолжая традицию исследования аналогичных политических сил второй половины XX в.² При этом авторы, специализирующиеся на теории международных отношений, также считают полезным анализ идей радикального консерватизма. По мнению Ж.-Ф. Дроле и М.К. Уильямса, цель «ультраправых» интеллектуалов состоит в теоретической разработке некоего революционного проекта, альтернативного действующему т.н. либеральному миропорядку³.

Приведенный тезис согласуется с результатами анализа ряда исследователей правого радикализма. Во второй половине XX в. объектом академического интереса сообщества в данной области выступали радикальные правые идеологии Европы 1920–1930-х гг. и пост-фашистские течения после Второй мировой войны, более не привязанные к отдельному континенту. Согласно Р. Гриффину, фашизм был направлен на создание нового общества, что подразумевало революционное преобразование социально-экономической и политической структуры⁴. В свою очередь, Г. Дал утверждает, что на этапе распада СССР именно радикальные правые интеллектуалы формулировали образ новой утопии⁵.

В начале XXI в. значительный академический интерес вызвало европейское течение «новых правых». По мнению Р. Вудса, представители этого движения предлагают гражданскую практику культурной политики взамен технократического государственного управления⁶. Т. Бар-Он приводит интеллектуальную деятельность «новых правых» в качестве релевантного примера «программного модернизма», идеологии, ставящей своей целью фундаментальное преобразование современного общества⁷. В данном контексте тезис упомянутых выше Дроле и Уильямса аналогичен выводам Вудса и Бар-Она, но применительно к теории международных отношений⁸. Впрочем, утверждение, согласно которому «ультраправые идеологи» стремятся построить принципиально новый миропорядок, представляется верным в силу двух допущений. Во-первых, политологи объединяют французское и американское ответвления этого движения одним набором идей, тем самым очевидно упрощая теорию «новых правых», а также игнорируя различия в их идеологической риторике в зависимости от национального контекста⁹. Во-вторых, поскольку предметом исследования является именно глобальное движение «новых правых», то проблемы, мотивирующие его представителей к формулированию некоей революционной теории,

1 Salzborn 2020, 1; McAdams 2022a, 8.

2 Pfahl-Traughber 1998, 17–21; Sontheimer 2004, 27–28.

3 Drolet, Williams 2018, 285–286.

4 Griffin 1993, 47–48.

5 Dahl 1999, 7–11.

6 Woods 2007, 20–22.

7 Bar-On 2013, 93.

8 Drolet, Williams 2021, 3–6.

9 Drolet, Williams 2021.

понимаются абстрактно и ограничено. В числе вызовов, с которыми сталкиваются «новые правые», указываются: «господствующий либеральный порядок»¹ (prevailing liberal order), административный класс² и глобализация³. Ни одно из представленных понятий не позволяет идентифицировать конкретного оппонента или контекст «новых правых» интеллектуалов, следовательно, не позволяет реконструировать содержание их идей.

Напротив, исследование эволюции немецкого ответвления «новых правых» позволит конкретизировать тезисы идеологов по отношению к специфическим политическим проблемам Федеративной Республики. Конституирующим элементом немецких «новых правых» является неприятие последствий Второй мировой войны: разгрома нацистской Германии, разделения страны на оккупационные зоны и последующего встраивания образованных ФРГ и ГДР в биполярный международный порядок согласно интересам США и Советского Союза соответственно⁴. Последнее из перечисленных обстоятельств объясняет традиционно враждебное отношение идеологов к актуальной демократической форме правления и действующей Конституции Федеративной Республики, что послужило включению «новых правых» в перечень экстремистских течений⁵. Данный исторический казус отражается во внутренней политике Германии: периодические конфликты между «новыми правыми» и Федеральным ведомством по защите Конституции, освещаемые в СМИ, являются следствием публичной кампании правительства по борьбе с «правым экстремизмом»⁶. Споры о толковании положений Конституции применительно к радикальным идеологам и политикам являются важной частью академических исследований т.н. ультраправых движений Германии⁷. По этой причине анализ идей «новых правых» в перспективе потенциальных угроз актуальному конституционному строю является приоритетным для научной дискуссии в ФРГ.

Однако взгляд на феномен «новых правых» через конституционную призму мало учитывает влияние международных факторов, занимающих важное место в риторике представителей данного течения. Зависимость ФРГ от развития соперничества между США и СССР находилась в центре дискуссии послевоенных «новых правых»⁸. С точки зрения идеологов, непосредственная угроза нападения Советского Союза на Федеративную Республику, с одной стороны⁹, и бездействие США по отношению к своему оппоненту¹⁰, с другой, требовали реформирования внешней политики ФРГ в целях ее национальной безопасности, что сближает позиции «новых правых» со школой реализма, которая акцентирует внимание на конкуренции государств за власть и национальную безопасность

1 Drolet, Williams 2021, 5.

2 Ibid., 7.

3 Ibid., 12.

4 Lewkowicz 2010, 47–48; Пленков 2019, 110–112.

5 Pfahl-Traugher 1998, 18–19.

6 "Rechtsextremes 'Institut für Staatspolitik' aufgelöst (Right-Wing Extremist 'Institute for State Policy' Dissolved)," Süddeutsche Zeitung, May 13, 2024, accessed May 18, 2024, <https://www.sueddeutsche.de/politik/verfassungsschutz-rechtsextremes-institut-fuer-staatspolitik-aufgeloeset-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-240513-99-16782>.

7 Shekhovtsov 2021, 173–174.

8 Mohler 1974, 73–74.

9 Ibid., 85.

10 Sander 1980, 153–154.

в международной системе¹. Современный антилиберализм «новых правых», направленный против США, является продолжением риторики о зависимом положении ФРГ на международной арене вследствие насильственной интеграции страны в западный блок².

Предлагаемое исследование внешнеполитических концепций «новых правых» имеет теоретическую и практическую ценность в свете прошедших в июне 2024 г. выборов в Европейский парламент. В контексте данного исследования важным событием является не обсуждаемый «правый поворот» избирателей в странах ЕС³, а резкая критика лидером «новых правых» Г. Кубичеком делегации «Альтернативы для Германии» в Европарламент, несмотря на факт продуктивных контактов интеллектуального течения и «правопопулистской» партии ранее⁴. Поводом для выпада Кубичека в сторону АдГ стало решение партийной делегации исключить из своих рядов политика М. Кра, обвиняемого в оправдании нацизма⁵, но поддерживаемого «новыми правыми»⁶. Кубичек обвинил АдГ в том, что последняя, исключив Кра, пошла на уступки лидеру французского Национального объединения М. ле Пен, раскритиковавшей немецкую партию⁷. Тем самым руководство АдГ выбрало евроатлантический вектор развития ФРГ во главе с США вместо предлагаемой «новыми правыми» европоцентристской модели, включающей тесное взаимодействие правительства ФРГ с Россией в немецких национальных интересах⁸. Конфликт между «новыми правыми» и АдГ позволяет поставить вопрос о принципиальной реализуемости амбиций идеологов во внешней политике в свете текущего кризиса европейской безопасности.

Объектом данного исследования выступает движение «новых правых» ФРГ второй половины XX – первой четверти XXI в. Предметом – политические труды, статьи и интернет-публикации идеологов А. Молера и Г.-Д. Зандера, теоретиков Д. Кисудиса и Б. Кайзера, а также некоторых других представителей этого течения.

В качестве методологического подхода исследования автор избрал принципы текстуального анализа, сформулированных представителями Кембриджской школы истории идей. Цель данного подхода состоит в реконструкции полемической ситуации, в которой исследуемый теоретик совершает политическое высказывание, обращаясь к ряду категорий, актуальных для данной дискуссии⁹. Применение этого метода позволяет продемонстрировать реакцию «новых правых» на конкретные политические проблемы в соответствующие исторические

1 Schweller 2009, 238.

2 Kaiser 2020, 99.

3 Marsi F., "European Parliament at Crossroads as Right-Wing Parties Triumph in EU Vote," Al Jazeera, June 12, 2024, accessed June 15, 2024, <https://www.aljazeera.com/features/2024/6/12/european-parliament-at-crossroads-as-right-wing-parties-tri-umph-in-eu-vote>.

4 Göppfarth 2020, 14–18.

5 Ahmatović Š., "Far-Right Alternative for Germany Ejects Maximilian Krah, Seeks Way Back into ID Group," Politico, June 10, 2024, accessed June 15, 2024, https://www.politico.eu/article/far-right-afd-group-alternative-for-germany-expel-maximilian-krah-scan-dal/?__cf_chl_rt_tk=k9ZxSSwCOLity.qJl6X6gvdNH22ZdQ4Dy1lc5VRwDDw-1718791081-0.0.1.1-9513.

6 Kubitschek G., "Krah, Europa und ein deutscher Standpunkt (Krah, Europe and a German Standpoint)," Sezession, May 26, 2024, accessed June 15, 2024, <https://sezession.de/69254/krah-europa-und-ein-deutscher-standpunkt>.

7 Ibid.

8 Ibid.

9 Pocock 1985, 7–12.

периоды, восстановить полемические контексты, актуальные для исследуемых теоретиков, и выделить основные культурные источники политического языка идеологов.

Внешнеполитические концепции «новых правых» в период холодной войны

Идеология «новых правых» анализируется исследователями в контексте «культурной революции 1968 г.» и развития идей нового поколения разнообразных левых философов. Имеется разногласие относительно того, связано ли возникновение течения «новых правых» напрямую с «культурной революцией»¹, либо оно существовало задолго до указанного события². Тем не менее, исследователи признают, что «новые правые» обращались к некоторым теориям неомарксистских идеологов, главной из которых является концепция «культурной гегемонии» А. Грамши³. Согласно данной перспективе, «новые правые» полагали, что доминирование либерализма в политике оказалось возможным благодаря преобладанию интеллектуалов соответствующих взглядов в институтах, формирующих общественное сознание: в СМИ, образовательной системе, в религиозных организациях, партийном аппарате⁴. Поэтому усилия «новых правых» должны быть направлены на интеллектуализацию собственных идей и захват контроля указанных общественных институтов⁵. Соответствующая деятельность предшествует вступлению ультраправых в борьбу партий в рамках демократических выборов и обозначается термином «метаполитика»⁶.

Однако метаполитический подход идеологов не позволяет отследить интеллектуальные источники их идей, поскольку диапазон привлекаемых «новыми правыми» политических мыслителей слишком широк, что оправдывается возможностью критики либерализма в самом общем смысле. Примечательно, что эта попытка охвата всех областей гуманитарного знания преподносится некоторыми представителями «новых правых» в качестве выгодного отличительного свойства течения⁷. Исследователи, в свою очередь, видят в данной стратегии отсутствие у «новых правых» собственного теоретического ядра⁸. Утверждается, что представители немецкого ответвления «новых правых» заимствовали ключевые политические понятия немецкого философа К. Шмитта, применяя их к внешней политике ФРГ в рамках биполярной системы международных отношений.

А. Молер, наиболее известный благодаря своей диссертации от 1949 г., посвященной «консервативной революции» периода Веймарской республики, считается основателем движения «новых правых» в ФРГ⁹. Он стремился концептуализировать радикальную консервативную традицию, противодействующую либерализму и нетождественную нацизму, в целях обновления немецкой

1 Heilbrunn 1996, 83–85; Brauner-Orthen 2001, 114; Bar-On 2013, 14–15; Bar-On 2016, 34.

2 Weiß 2017, 36–38.

3 Pfahl-Traughber 1998, 26.

4 Brauner-Orthen 2001, 114–116.

5 Weiß 2017, 54–57.

6 Ibid.

7 Benoist 2014, 143–145.

8 Bar-On 2013, 7.

9 Weiß 2017, 44.

консервативной традиции в целом, обремененной наследием Третьего Рейха¹. Однако исследование Молера было раскритиковано, поскольку он объединил в «консервативных революционеров» множество антидемократических групп и интеллектуалов, не связанных между собой, что ставило под сомнение само существование такого течения². Указанные недостатки работы Молера не помешали ему стать личным секретарем Э. Юнгера³. В этой должности Молер работал с 1949 по 1953 г., обсуждая с Юнгером идеи ключевых правых интеллектуалов Веймара, а также налаживал переписку со Шмиттом и другими идеологами радикального консерватизма⁴. Последующее желание Юнгера дистанцироваться от политики способствовало напряжению отношений между ним и Молером, что привело последнего к сближению со Шмиттом⁵. Позже Молер посвятил ему труд «Чего боятся немцы?», опубликованный в 1965 г.⁶. В дальнейшем теоретик работал в таких газетах, как швейцарская *“Die Tat”* и немецкая *“Die Welt”*, а также провел несколько лет во Франции, где испытал влияние французского авторитарного президента Ш. де Голля⁷. В 1961 г., когда Молер стал сотрудником Фонда Карла фон Сименса, начинается его активная деятельность по созданию сети, объединяющей оппозиционных политических деятелей и интеллектуалов националистического толка⁸. Молер стал известным журналистом и на короткий срок оказался спичрайтером министра обороны Федеративной Республики Ф-Й. Штрауса⁹.

Обращаясь к идейным вдохновителям Молера, следует подчеркнуть, что идеолог «новых правых» разделял стратегии большинства тех, кто ассоциируется с этим течением, заключающейся в апелляции к широкому кругу недемократических мыслителей и политических деятелей, начиная с Ж. Сореля¹⁰ и заканчивая Х. Антонио Примо де Риверой¹¹. Однако если учитывать международный контекст второй половины XX в., можно сказать, что наиболее важным автором для Молера оставался Шмитт. При этом проблема текстов Молера, посвященных внешней политике ФРГ, состоит в отсутствии у него каких-либо ссылок на политических мыслителей, что, вероятно, объясняется необходимостью донести определенную точку зрения по актуальной теме широкой аудитории. Поэтому анализ тезисов Молера на данный момент ограничивается косвенными признаками сходства его идей с пониманием политического у Шмитта.

Представитель реализма Р. Швеллер выделил следующие черты концепции политического у Шмитта: 1) содержание политического выражается в борьбе публичных врагов; 2) государства – единственные акторы политики, конкурирующие друг с другом за власть; 3) попытки навязывания универсальных правил поведения государствам несут угрозу международному порядку¹².

1 Weiß 2017, 44.

2 Breuer 1990.

3 Weiß 2017, 48–49.

4 Ibid.

5 Ibid.

6 Ibid., 53.

7 Ibid., 49–50.

8 Ibid., 50–53.

9 Ibid.

10 Mohler 1974, 173–178.

11 Pfahl-Traughber 1998, 168–170.

12 Schweller 2009, 244–245.

Критика Молером внешнеполитического курса ФРГ при канцлере В. Брандте, направленного на нормализацию отношений с Советским Союзом¹, содержит в себе указанные элементы теории Шмитта. Так, обсуждая значение Московского договора о неизменности границ в Европе, подписанного правительствами СССР и ФРГ 12 августа 1970 г.², Молер заявил, что данный документ не является гарантией ненападения СССР на ФРГ. Он указывал, что, согласно итогам XXIII съезда КПСС (1966), пролетарско-социалистический интернационал вновь стал приоритетом СССР во внешней политике³. По мнению Молера, это доказывает, что руководство Советского Союза пытается распространить коммунистический универсализм на весь мир, тогда как суверенитет членов действующего социалистического блока ограничивается фундаментальными интересами марксистской идеологии⁴. В этой перспективе СССР представляет реальную угрозу для безопасности Западной Германии, существование которой для советского руководства само по себе является исключительным случаем, требующем устранения⁵. Таким образом, подписание Московского договора было ошибкой, поскольку политическое руководство ФРГ вводило себя в заблуждение относительно намерений Советского Союза, ставя безопасность страны под угрозу, и, что не менее важно для немецкого национального контекста, по собственной инициативе отказывалось от объединения с ГДР в обозримом будущем.

В качестве позитивной альтернативы Молер предлагал идеологию французского голлизма, представляющего собой реставрацию классической «силовой политики» (*power politics*)⁶. Следуя этой доктрине, государства обретают возможность действовать автономно, руководствуясь практическими, а не идеологическими интересами, и выстраивать межнациональные союзы за рамками прежнего противостояния идеологических блоков⁷. Французский голлизм Молера был напрямую связан с дискуссией о перспективах формирования независимого военного блока в континентальной Европе под руководством Франции⁸. Молер надеялся склонить ранее упомянутого министра обороны ФРГ Штрауса перенять принципы внешней политики де Голля, противопоставленной США и СССР⁹.

Прямое заимствование понятий Шмитта наблюдается у Молера при его критике реакции правительства ФРГ на падение Берлинской стены, которое выступало в качестве «чрезвычайной ситуации» (*Ernstfall*) для государства: «Что такое чрезвычайная ситуация? Проще говоря, когда государство вмешивается в то, чего, по его замыслу, не должно быть? <...> Падение стены также стало чрезвычайной ситуацией для Федеративной Республики <...> Это событие не вписывалось ни в одну из будущих стратегий, разработанных в Бонне <...> Но они были встревожены, когда в ГДР воля народа взяла вверх над всеми другими политическими силами. Федеративная Республика является чрезмерно представительной

1 Haftendorn 2006, 161–162.

2 Ibid., 166–168.

3 Mohler 1974, 83–84.

4 Ibid., 84.

5 Ibid., 83–86.

6 Ibid., 72–74.

7 Ibid., 67–68.

8 Hanrieder 1989, 313.

9 Weiß 2017, 50–53.

демократией, исключающей любое прямое влияние народа на политику. Если теоретический суверен, народ, начинает хоть немного проявлять самостоятельность, в парламентском меньшинстве сразу вспыхивает тревога»¹. В процитированном отрывке Молер активно обращается к основным понятиям Шмитта, в числе которых чрезвычайная ситуация (*Ernstfall*), устранение которой является прерогативой государства², и политический народ-суверен (*Volk, Souverän*), проявляющий свою волю путем прямого волеизъявления³. Таким образом, в данном контексте Молер обращается к терминологии Шмитта в целях демонстрации недееспособности ФРГ как государства.

Карьера Г.-Д. Зандера была менее яркой. После побега в Западную Германию из ГДР в 1957 г. Зандер писал статьи для газеты *“Die Welt”* до 1967 г.⁴ С 1970 г. теоретик публиковался в газете *“Criticón”*, основанной Молером в том же году⁵. Переходя к труду Зандера «Национальный императив», следует указать, что в фокусе его внимания находится критикуемая им политика разрядки между капиталистическим и социалистическим блоками⁶. Фиксация на данном вопросе объясняется новым напряжением отношений между СССР и США, возникшим после ввода Советским союзом войск в Афганистан в 1979 г.⁷ Данный контекст требует от народа Западной Германии разрешения дилеммы немецкой истории: Федеративная Республика должна взять на себя ответственность за безопасность Европы, либо продолжит играть пассивную роль в международной сфере⁸.

По мнению Зандера, за исключением правления К. Аденауэра, руководство ФРГ по собственной инициативе отказалось от независимой внешней политики⁹. Особой критике теоретика подверглись К.Г. Кизингер и Э. Бар. Кизингер занимал пост канцлера в 1963–1969 гг.¹⁰ В 1967 г. в речи, посвященной основным принципам внутренней и внешней политики Боннской республики, Кизингер сформулировал проблему «критического размера» данного государства: интересы Западной Германии не могут полностью игнорироваться сверхдержавами, однако ввиду территориальных потерь ФРГ больше не в состоянии проводить независимую внешнюю политику¹¹. С точки зрения Зандера, Кизингер поставил ФРГ в зависимость от противостояния между СССР и США¹². Э. Бар, занимавший в 1963 г. пост главы пресс-службы Западного Берлина, выдвинул еще более опасную формулу «изменений через сближение» (*Wandel durch Annäherung*)¹³. По

1 Mohler 1991, 318.

2 Schmitt 1932, 22–23; Schmitt 2015, 13–16.

3 Schmitt 2008, 272–273.

4 Pfahl-Traughber 1998, 185–186.

5 Ibid.

6 Sander 1980, 56–58.

7 Haftendorn 2006, 144.

8 Sander 1980, 8–10.

9 Ibid., 12.

10 Haftendorn 2006, 68.

11 Kiesinger K. G. “Rede beim Staatsakt der Bundesregierung zum Tag der Deutschen Einheit im Bundestag (Speech at the Federal Government's State Ceremony to Mark the Day of German Unity in the Bundestag),” Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung Nr. 64, June 20, 1967, accessed March 15, 2024, https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0077_kre&object=facsimile&st=&l=de.

12 Haftendorn 2006, 137.

13 Bahr E. “Wandel durch Annäherung. Rede in der Evangelischen Akademie Tutzing (Change through Rapprochement. Speech at the Protestant Academy Tutzing),” Archiv der sozialen Demokratie der Friedrich-Ebert-Stiftung, July 15, 1963, accessed March 15, 2024, https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0091_bah&object=facsimile&st=&l=de.

мнению Зандера, следствием такой политики могло быть только подчинение Федеративной Республики интересам СССР, или «сближение через подчинение» (*Annäherung durch Unterwerfung*)¹. Причина несостоятельности руководства ФРГ во внешней политике состоит в его отказе самостоятельно определять публичных врагов для немецких национальных интересов, что в итоге может привести к исчезновению Западной Германии².

Подводя итог исследованию послевоенного поколения «новых правых», следует заключить, что фактически представленные идеологи опирались на идеи теоретиков Веймарской республики, наиболее важным из которых является Шмитт. При этом Молер и Зандер не внесли каких-либо концептуальных инноваций в теорию этого политического философа, а применяли уже существующие понятия (народ, суверен, политический враг, чрезвычайная ситуация) к условиям холодной войны. Практические рекомендации указанных теоретиков состояли в формировании автономного военного союза континентальной Европы с государством-гегемоном³, развитии национальной программы ядерного оружия⁴, в укреплении связей с членами социалистического блока, за исключением СССР⁵. Цель соответствующих мер состояла в подрыве гегемонии Советского Союза и США. Иначе говоря, несмотря на устойчивую ассоциацию «новых правых» с революционным подходом к международным отношениям, следует констатировать, что взгляды исследуемых здесь теоретиков не выходят за рамки школы реализма.

Современные внешнеполитические концепции «новых правых» в контексте «социального кризиса»

Первый подъем движения «новых правых» приходится на начало 1990-х гг., будучи связанным с объединением ФРГ и ГДР. На протяжении этого десятилетия в Германии наблюдалась активизация праворадикальных СМИ, среди которых выделяют газету «Юная свобода» (*Junge Freiheit*) и политический журнал *"Criticón"*⁶. На уровне публичной политики «новые правые» вели диалог с радикальным крылом блока ХДС/ХСС, намереваясь, как считается, размыть границу между правым экстремизмом и умеренным консерватизмом⁷. Как и в случае послевоенного поколения, «новые правые» возлагали большие надежды на возрождение объединенной Германии в мировой политике⁸. Однако, несмотря на первоначальный энтузиазм, идеологи столкнулись с идейным кризисом, который начался в 1995 г.⁹ и длился до 2010-х гг.¹⁰ Среди причин упадка исследователи выделяют: фиксацию на политическом значении «поколения 1968 г.», нежелание развивать теоретический подход в собственной идеологии, а также... озабоченность национальными травмами немцев¹¹.

1 Sander 1980, 65–66.

2 Ibid., 151–153.

3 Mohler 1974, 96; Sander 1980, 161–162.

4 Mohler 1974, 98.

5 Mohler 1974, 86–90; Sander 1980, 152–153.

6 Salzborn 2020, 165.

7 Ibid.

8 Heilbrunn 1996, 90–91.

9 Müller 2003b, 198.

10 McAdams 2022b, 95–96.

11 Müller 2003b, 199–200.

Новый подъем «новых правых» связан с основанием в 2013 г. «правопопулистской» партии АдГ¹ и с миграционным кризисом в 2015 г.² Обсуждению мер в отношении мигрантов способствовал бестселлер «Германия: самоликвидация» члена правления Бундесбанка Т. Саррацина, в котором была подвергнута системной критике правительственная миграционная политика³. Исследователи отмечают, что, начиная с указанного периода, риторика «новых правых» приобретает антиисламский характер, приверженцы данной религии позиционируются в качестве экзистенциальной угрозы немецкому народу⁴, который понимается как этническое, а не политическое целое⁵. И хотя пересказ риторики «новых правых» в отношении мигрантов арабского происхождения более или менее соответствует действительности, исследователи очевидно преувеличивают значение этнонационализма в данной идеологии. Это искажение проистекает из смешения двух феноменов: носителя суверенитета и вида административного управления в данном государстве. Указанное различие восходит к Ж. Бодену, выделявшему три вида суверенитета (монархия, аристократия и демократия), каждый из которых подразделяется на три подвида управления⁶. Примером является Римская республика, которая была демократией, но управлялась аристократией, следовательно, по классификации Бодена представляла собой аристократическую демократию⁷.

Эта деталь является ключевой в случае «новых правых», поскольку в развиваемой ими теории государства проблематизируется не вопрос принадлежности суверенитета, а вопрос эффективного государственного управления. В первом случае исследователь концентрируется на этнической составляющей теории «новых правых», поскольку занятая им перспектива позволяет установить, *кто* является сувереном, но не как преобразовать государство в соответствии с видением «новых правых». Поэтому описание государства ограничивается конструкцией симбиоза гомогенного народа и государственного авторитета⁸. Далее демонстрируется, как «новые правые», исследуя проблемы государственного управления, формулируют модифицированную концепцию государства, принципы которой оказывают влияние на позиционирование ФРГ в международной сфере.

Современное поколение «новых правых» решает две проблемы: 1) внутригерманский «социальный вопрос»; 2) уязвимое положение ФРГ в условиях нового кризиса европейской безопасности. Под «социальным вопросом» идеологи понимают теоретическую разработку мер по преодолению социального кризиса в Федеративной Республике, который выражается главным образом в экономическом расслоении немецкого общества и неспособности государства обеспечить гражданам социальную защищенность⁹. К настоящему моменту Д. Кисудис

1 Salzborn 2020, 165–166.

2 Rommel 2017, 133–138.

3 Sarrazin 2010 (есть русское издание); Havertz 2021, 15.

4 McAdams 2022b, 96–97.

5 Salzborn 2020, 163–164.

6 Lee 2021, 202–203.

7 Ibid.

8 Pfahl-Traughber 1998, 192–196; Bar-On 2016, 18; Salzborn 2020, 163–164.

9 Kaiser 2021, 11–16.

и Б. Кайзер предложили два проекта, альтернативных действующей модели социального государства, анализ которых производится ниже.

В своей теории Кисудис выделяет правовое государство (*Rechtsstaat*), социальное государство (*Sozialstaat*) и государство порядка (*Ordnungsstaat*). Основанием классификации является соотношение частной и публичной сфер общества. В правовом государстве публичная и частная сферы разделены, а правительство сохраняет принцип свободы контракта между гражданами¹. В социальном государстве разделение между публичной и частной сферами отсутствует; правительство *обязано* вмешиваться в отношения граждан для компенсации социальной несправедливости в результате заключения частных договоров². Государство порядка отличается от предыдущих типов в двух отношениях: оно снова вводит разделение между публичной и частой сферой, не вмешиваясь в экономическую деятельность собственных граждан, но также разделяет политических друзей и врагов, регулируя экономическую деятельность в случаях, когда наносится ущерб немецким гражданам или возникает угроза для самого государства³.

Ресурсом политического языка Кисудиса являются юридические дебаты 1950-х гг. в ФРГ относительно реализации принципа социального государства, прописанного в Конституции Боннской республики⁴. С точки зрения социалистических юристов, главным из которых был В. Абендрот, Конституция определяет Федеративную Республику в первую очередь как *социальное* государство, следовательно, в Основном законе существуют механизмы для трансформации Западной Германии в социалистическую демократию с присущим ей перераспределением экономических ресурсов⁵. Оппонентом социалистического толкования Конституции и защитником концепции правового государства выступал Э. Форстхофф, консервативный теоретик права и ученик Шмитта, который утверждал, что функция социального государства состоит в предоставлении населению ограниченного набора услуг, исходя из общего интереса⁶. Он указывал, что идея социального государства не может быть главенствующей согласно Основному закону, поскольку ее принципы являются частью не конституционного, а административного права⁷. Проблема оказания государством социальных услуг была впервые актуализирована прусским деятелем Л. фон Штейном, но последний не исследовал ее в рамках конституционного права, а решал вопросы государственного управления⁸. Объединение принципов правового и социального государства невозможно, потому что эти концепции противоречат друг другу: конституционное право представляет государство как абстрактное целое, тогда как административное право озабочено реализацией конкретного объема услуг в каждом отдельном случае⁹.

1 Kisoudis 2017, 108.

2 Ibid.

3 Ibid., 111–116.

4 Laak 2003, 155.

5 Müller 2003a, 124–125.

6 Laak 2003, 155.

7 Forsthoef et al. 1954, 12–13.

8 Ibid., 13–14.

9 Ibid., 19–20.

Кисудис, выступая в данном споре на стороне Форстхоффа, указывал, что результатом постоянного расширения государственных полномочий в социальной сфере станет кризис административного управления, который подорвет основы существования государства¹. При этом идеолог утверждал, что в основу Конституции ФРГ легла Всеобщая декларация прав человека ООН, в которой и были сформулированы основания вмешательства государства в частную жизнь граждан². Он ссылаясь на 7-ю статью документа, запрещающую дискриминацию в любом виде³, что, по его мнению, противоречит логике консервативной философии, согласно которой «к неравным частям относятся неодинаково»⁴. Поэтому реформирование ФРГ также означает отказ от базовых норм международного права.

В практическом отношении государство порядка представляет собой аппарат принуждения, во главе которого находятся полиция и армия, предотвращающие внутренние и внешние угрозы соответственно⁵. Правительство контролирует стратегические предприятия, следит за корпоративной идеологией компаний, препятствует неконтролируемой иммиграции⁶. Конечная цель государства порядка – умиротворение населения на своей территории и установление контроля за границами, поскольку в ином случае правительство неспособно реагировать на внешнеполитические вызовы⁷.

Б. Кайзер предлагает концепцию «солидарного патриотизма» (*Solidarischer Patriotismus*), объединяя вопросы социальной политики и национальной идентичности⁸. По его мнению, начиная со второй половины XIX в. политические теоретики в Пруссии, стремились решить две задачи: преодоление экономического неравенства, вызванного развитием промышленности, при сохранении национального единства⁹. Кайзер связывает традицию «солидарного патриотизма» с рядом прусских мыслителей, среди которых выделил ранее упомянутого Л. фон Штейна, А. Вагнера, Г. Шмоллера и К. Родбертуса¹⁰. Они стремились разработать консервативную социальную политику, функционирующую в рамках государственного авторитаризма¹¹. Согласно Кайзеру, традиция солидарного патриотизма была развита представителями «консервативной революции» в 1920-е гг., синтезировавшими социализм и национализм в прусских терминах военной дисциплины и порядка¹². Среди «консервативных революционеров» Кайзер особенно выделяет О. Шпенглера и В. Зомбарта, последний из которых оказал наибольшее влияние на теорию «немецкого социализма» в Германии первой половины XX в.¹³ В интерпретации Кайзера развитие теории солидарного патриотизма было прервано после Второй мировой войны, когда ФРГ активно

1 Kisoudis 2017, 106-107.

2 Ibid., 86-87.

3 Ibid.

4 Ibid., 108-109.

5 Ibid., 119.

6 Ibid., 116-119.

7 Ibid., 107.

8 Kaiser. 2021, 23-24.

9 Ibid., 77-78.

10 Ibid., 78-79.

11 Beck 1997, 258-259.

12 Kaiser 2021, 80.

13 Lebovics 1969, 49.

интегрировалась в экономику либерально-демократических стран Запада в рамках «плана Маршалла»¹. Тогда в Западной Германии имплементировались идеи ордолиберализма, сочетающие авторитет государства с дерегулированием рыночных отношений². После воссоединения ФРГ и ГДР немецкое правительство продолжило реализацию неолиберального курса, что привело к росту политической власти корпораций и снижению влияния граждан на политику посредством демократических выборов³.

В отличие от Кисудиса, Кайзер поддерживает идею «государства всеобщего благосостояния». Он прибегает к шмиттовскому понятию политического, подчеркивая, что государство должно оказывать экономическую поддержку только немецким гражданам, а не мигрантам, тем самым различая политических друзей и врагов⁴. Кайзер отказывается определять государство в терминах аппарата принуждения, так как правительству принадлежит монополия принятия окончательных политических *решений* в целях гармонизации групповых интересов⁵. Солидарный патриотизм постулирует два принципа: вовлеченность членов общества в социальное целое (солидарность) и защиту гражданами общего блага (патриотизм)⁶. Их реализация требует закрытия национальных границ и сохранения *относительной* однородности населения, что означает поддержание культурного фундамента данного общества, не исключая разнообразия⁷. Во внутренней политике солидарный патриотизм совмещает идеи правового порядка, продвигаемые блоком ХДС/ХСС, и социальной безопасности (*soziale Sicherheit*), чему умеренный консерватизм не уделяет внимания⁸. Социальное реформирование требует построения смешанной экономики, совмещающей государственные, муниципальные и частнокапиталистические способы производства⁹. Относительно регионов Кайзер фокусируется преимущественно на восточных землях ФРГ: он видит в них потенциал для политических перемен, считая, что интересы восточных немцев не защищены¹⁰. Но его восточная ориентация обуславливается не только электоральными соображениями. На международном уровне Кайзер связывает Восток с идеями патриотизма и суверенитета, противопоставляя его неолиберальной гегемонии США и Запада¹¹. Эта антиномия вновь актуализировалась в риторике «новых правых» с началом СВО Российской Федерации на Украине¹². Кризис европейской безопасности мотивировал некоторых идеологов сформулировать принципы поведения Федеративной Республики в условиях неопределенности, а также разработать новый интеграционный проект в Европе на фоне стагнации Евросоюза¹³. Для решения указанных задач «новые

1 Kaiser 2021, 2021, 99.

2 Kisoudis 2017, 114–115.

3 Kaiser 2021, 116.

4 Ibid., 39–40.

5 Ibid., 40–42.

6 Ibid.

7 Ibid., 266–268.

8 Ibid., 268–269.

9 Ibid., 45–46.

10 Ibid., 273–275.

11 Kaiser B. "Henry Kissinger ist im Alter von 100 Jahren verstorben (Henry Kissinger has Passed away at the Age of 100)," Sezession, November 30, 2023, accessed March 8, 2024, <https://sezession.de/67588/henry-kissinger>.

12 Wiesberg M. "Die Rolle der USA im Ukraine-Konflikt (The Role of the USA in the Ukraine Conflict)," Sezession, October 24, 2022, accessed March 8, 2024, <https://sezession.de/66640/die-rolle-der-usa-im-ukraine-konflikt>.

13 Kisoudis 2023, 79–82.

правые» обратились к историческим дебатам о «срединном положении» Германии (*Mittellage*) и «центре Европы» (*Mitteleuropa*) 1980-х гг. в ФРГ¹.

Проблема «срединной позиции» Германии позиционировалась консервативными историками в качестве дилеммы безопасности Пруссии и Германской империи. С момента своего основания королевство Бранденбург-Пруссия было разрозненным образованием, которому угрожала опасность поглощения со стороны соседних государств². Географическое положение детерминировало внешнеполитические принципы королевства, заключающиеся в достижении территориальной целостности и безопасности через экспансию³. По мнению консервативного историка Г. Шелльгена, эти принципы эволюционировали в доктрину превентивной войны⁴. Исследователь М. Штюрмер не поддерживал эту точку зрения, однако признавал, что прусские власти оставляли *возможность* для ведения войны, если такая представится⁵. При этом Штюрмер настаивал, что некоторые военные конфликты Пруссии были неизбежны⁶, тогда как ее конкуренты за гегемонию в Европе сами способствовали национальной консолидации немцев⁷. В качестве примера он приводил Франко-Прусскую войну 1870–1871 гг., результатом которой и стало образование Германской империи⁸. Представитель «новых правых» Ф. Дирш, апеллируя к трудам Штюрмера, заключает, что географическое положение Федеративной Республики всегда будет определять ее внешнюю политику, состоящую в защите национальной безопасности от соседних держав⁹. Поэтому он критикует правящую элиту ФРГ, больше озабоченную борьбой с изменением климата¹⁰.

Понятие "*Mitteleuropa*" связано с немецкой дискуссией в 1830–1840 гг. по проблемам политической географии¹¹. Под ним понималась совокупность стран Восточной Европы с политическим ядром в Австрийской империи, способная служить защитой немецких земель на востоке¹². В 1850-е гг. возникла новая интерпретация данного термина, согласно которой уже Германия, находясь в самом сердце европейского континента, призвана представлять общеевропейские интересы в дискуссии с Востоком¹³. Таким образом, изначально Германия позиционировалась в качестве части Европы, *не принадлежащей* глобальному Востоку.

Современные «новые правые» переосмысливают значение термина "*Mitteleuropa*", обращаясь к нему в целях *переориентации* ФРГ с Запада на Восток¹⁴. Идеологически под Востоком понимается мировая система многополярности (*Multipolarität*) с несколькими региональными центрами, которая против-

1 Schultz 1989, 315–317.

2 Schöllgen, 1992, 12–16.

3 Ibid.

4 Ibid., 29–31.

5 Stürmer 1983, 162.

6 Stürmer 1992, 82–83.

7 Stürmer 1983, 162–171.

8 Ibid.

9 Dirsch F. "Geopolitik und Politische Geographie – zwei Thesen. (Geopolitics and Political Geography – Two Theses)," Sezession, October 1, 2022, accessed March 10, 2024, <https://sezession.de/67363/geopolitik-und-politische-geographie>.

10 Ibid.

11 Schultz 1989, 320.

12 Ibid.

13 Ibid.

14 Kisoudis 2023, 7–9.

поставляется однополярной системе под руководством США¹. Идеологи «новых правых» видят в СВО на Украине столкновение данных концепций, симпатизируя при этом Российской Федерации². С прагматической точки зрения приоритетным для них является проект политической интеграции в Центральной и Восточной Европе в рамках концепции *Mitteleuropa*, куда вошла бы и ФРГ³. Данная инициатива позиционируется Д. Кисудисом в качестве альтернативы уже существующему региональному проекту «Инициатива трех морей»⁴, объединяющему тринадцать стран ЕС без Федеративной Республики, а также Молдавию и Украину, имеющих выход к Адриатическому, Балтийскому и Черному морям⁵. Учитывая, что в настоящее время практическое воплощение данного проекта очевидным образом осложнено, продвижение «новыми правыми» инициативы *Mitteleuropa* может трактоваться и в качестве очередной попытки Германии стать доминирующей экономической и политической силой в Центральной и Восточной Европе.

Таким образом, современное поколение «новых правых» ставит перед собой задачу формулирования новой концепции национального государства, источники которой имеют различное академическое происхождение. Д. Кисудис предлагает концепцию государства порядка (*Ordnungsstaat*), являющуюся логическим продолжением эволюции немецкой государственности от правового государства (*Rechtsstaat*) к социальному (*Sozialstaat*) и кризиса последнего, опираясь на конституционный спор 1950-х. Б. Кайзер формулирует теорию солидарного патриотизма (*Solidarischer Patriotismus*), основанную на его интерпретации идей ряда прусских государственных теоретиков и «консервативных революционеров» Веймарского периода. Данные проекты дополняются обоснованием необходимости переориентации Германии с Запада на Восток. «Новые правые» утверждают, что ФРГ будет всегда бороться за проведение суверенной политики, что аргументируется ее «срединным положением» (*Mittellage*) в Европе. В то же время они сохраняют амбиции относительно завоевания Федеративной Республикой лидирующих позиций в Центральной и Восточной Европе, в связи с чем предлагают новый интеграционный проект *Mitteleuropa*, как бы альтернативный «Инициативе трех морей» и состоящий в использовании кризиса европейской безопасности, вызванного началом СВО на Украине. Соответственно, данный проект вряд ли уместно трактовать как установку на преобразование системы международных отношений.

Во внутренней политике модернизированное государство «новых правых» предполагает наличие авторитарной власти и частичную милитаризацию общества. Эти атрибуты, зачастую ассоциируемые с национал-социализмом, в существенной степени дискредитированы в немецком обществе⁶. В то же время, в свете конфликта между «новыми правыми» Федеративной Республики и

1 Kisoudis 2023, 68–72.

2 Ibid.

3 Ibid., 79–80.

4 Ibid.

5 Carafano J. J. "The Ebb and Flow of the Three Seas Initiative," GIS, October 9, 2023, accessed March 10, 2024, <https://www.gisreportsonline.com/r/three-seas-initiative-3/>.

6 Пленков 2019, 482–486.

другими правыми силами Европы и США (в числе противников европоцентризма Кубичек указывает на часть представителей АдГ, на лидера Национального объединения М. ле Пен, президента Венгрии В. Орбана, бывшего президента США Д. Трампа)¹, представители этого течения занимают более маргинальную позицию даже по сравнению с искусственно удерживаемым на ней т.н. правым популистам.

Таким образом, проблема «новых правых» состоит не в революционности их внешнеполитической программы, а в предлагаемых ими радикальных методах преобразования собственно ФРГ, в их ригидной идеологической позиции, а также узко ориентированной (в международном масштабе) внешнеполитической концепции в сравнении с другими правыми силами Европы.

Выводы

С момента своего возникновения «новые правые» демонстрировали интерес к международным отношениям и роли Германии в мировой политике. В период холодной войны ключевой проблемой их идеологов были потенциальные угрозы национальной безопасности Федеративной Республики в условиях конкуренции СССР и США. Представители «новых правых» А. Молер и Г.-Д. Зандер критиковали таких политических деятелей ФРГ, как К.Г. Кизингер, В. Брандт и Э. Бар, за отсутствие политической воли и реализацию внешнего курса, направленного на нормализацию отношений между Боннской республикой и Советским Союзом, что, с точки зрения «новых правых», представляло реальную угрозу потери суверенитета Западной Германии.

Ключевым автором, повлиявшим на их риторику, является политический философ К. Шмитт. Его понятия «чрезвычайной ситуации», «народа», «суверена», «публичного врага» применяли в целях анализа положения ФРГ в биполярной системе международных отношений, однако не модифицировали данные категории. Общими чертами риторики теоретиков являются: продвижение принципов силовой политики; преследование прагматических, а не идеологических целей; изображение Советского Союза в качестве главного политического врага Федеративной Республики; конструирование проекта оборонительного союза континентальной Европы с одним гегемоном.

В 2013 г. движение «новых правых» переживает подъем, впервые после воссоединения Германии. Он обусловлен как образованием партии «Альтернатива для Германии», так и миграционным кризисом 2015 г. Теоретики «новых правых» нацелились на преодоление кризиса «государства всеобщего благосостояния» и обеспечение национальной безопасности ФРГ в континентальной Европе в связи с началом СВО Россией на Украине. В качестве альтернативы социальному государству Д. Кисудис предложил концепцию «государства порядка» (*Ordnungsstaat*), тогда как Б. Кайзер сформулировал теорию «солидарного патриотизма» (*Solidarischer Patriotismus*). Актуальный социальный кризис Федеративной Республики объясняется предшествующей политикой импорта принципов

1 Kubitschek G., "Krah, Europa und ein deutscher Standpunkt (Krah, Europe and a German Standpoint)," Sezession, May 26, 2024, accessed June 18, 2024, <https://sezession.de/69254/krah-europa-und-ein-deutscher-standpunkt>.

неолиберализма в области международного права и экономической политики. Приводятся аргументы за переориентацию ФРГ с Запада на Восток. Восточный тренд «новых правых» базируется на двух ключевых терминах политической географии, описывающих положение Германии – *Mittelage u Mitteleuropa*, – которыми обосновываются уникальное географическое положение немецкого народа и приоритетность для ФРГ такой политики национальной безопасности, которая автономна от политики Запада и США. На фоне продолжения СВО и кризиса политической интеграции ЕС «новые правые» предлагают проект «срединной Европы», противопоставляемый проамериканской региональной «Инициативы трех морей». По итогам проведенного исследования можно зафиксировать прогресс теории «новых правых», о чем свидетельствуют разнообразие академических источников, используемых их теоретиками и идеологами, усложнение концептуального аппарата. Вместе с тем, конфликт между «новыми правыми» и АдГ из-за исключения из партийной делегации в Европарламенте М. Кра, а также эскалация этого конфликта лидером течения Г. Кубичеком, говорит о кризисе взаимоотношений между идеологами правых в Германии, а также вероятной изоляции немецких «новых правых» в публичной политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Пленков, О.Ю. Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб.: Владимир Даль, 2019.

Plenkov Yuri. *Chto ostalos' ot Gitlera? Istoricheskaya vina i politicheskoe pokayanie Germanii*. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2019 [In Russian].

Bar-On, Tamir. *Rethinking the French New Right: Alternatives to Modernity*. London: Routledge, 2013.

Bar-On, Tamir. *Where Have All the Fascists Gone?* 2nd ed. London: Routledge, 2016.

Beck, Hermann. *The Origins of the Authoritarian Welfare State in Prussia: Conservatives, Bureaucracy and the Social Question, 1815–1870*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1997.

Benoist, Alain de. "Alain de Benoist Answers Tamir Bar-On". *Journal for the Study of Radicalism* 8, no. 1 (Spring 2014): 141–168. <https://doi.org/10.14321/jstudradi.8.1.0141>.

Brauner-Orthen, Alice. *Die Neue Rechte in Deutschland: Antidemokratische und rassistische Tendenzen*. Opladen: Leske + Budrich, 2001.

Brauner-Orthen, Alice. *The New Right in Germany: Anti-Democratic and Racist Tendencies*. Opladen: Leske + Budrich, 2001 [In German].

Breuer, Stefan. "Die 'Konservative Revolution' – Kritik eines Mythos". *Politische Vierteljahresschrift* 31, no. 4 (1990): 585–607.

Dahl, Göran. *Radical Conservatism and the Future of Politics*. London: SAGE Publications, 1999.

Drolet, Jean-Francois, and Michael C. Williams. "From Critique to Reaction: The New Right, Critical Theory and International Relations." *Journal of International Political Theory* 18, no. 1 (2021): 1–23. <https://doi.org/10.1177/17550882211020409>.

Drolet, Jean-Francois, and Michael C. Williams. "Radical Conservatism and Global Order: International Theory and the New Right." *International Theory* 10,

no. 3. (2018): 285–313. <https://doi.org/10.1017/S175297191800012X>.

Forsthoff, Ernst, Wilhelm Grewe, Otto Bachof and Eberhard Menzel. *Begriff und Wesen des Sozialen Rechtsstaates. Die auswärtige Gewalt der Bundesrepublik: Berichte und Aussprache zu den Berichten in den Verhandlungen der Tagung der deutschen Staatsrechtslehrer zu Bonn am 15. und 16. Oktober 1953*. Berlin: De Gruyter, 1973. <https://doi.org/10.1515/9783110904499>.

Forsthoff, Ernst, Wilhelm Grewe, Otto Bachof, and Eberhard Menzel. *Concept and Nature of the Social Constitutional State. The Foreign Power of the Federal Republic: Reports and Debate on the Accounts in the Proceedings of the Conference of German Constitutional Law Professors in Bonn on October 15 and 16, 1953*. Berlin: De Gruyter, 1973 [In German].

Göpfarth, Julian. "Rethinking the German Nation as German Dasein: Intellectuals and Heidegger's Philosophy in Contemporary German New Right Nationalism." *Journal of Political Ideologies* 25, no. 3. (2020): 1–26. <https://doi.org/10.1080/13569317.2020.1773068>.

Griffin, Roger. *The Nature of Fascism*. 2nd ed. London: Routledge, 1993.

Haftendorn, Helga. *Coming Age: German Foreign Policy since 1945*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Hanrieder F., Wolfram. "The Foreign Policy of the Federal Republic of Germany, 1949–1989." *German Studies Review* 12, no. 2. (1989): 311–332. <https://doi.org/10.2307/1430097>.

Havertz, Ralf. *Radical Right Populism in Germany: AfD, Pegida, and the Identitarian Movement*. Routledge: London, 2021.

Heilbrunn, Jacob. "Germany's New Right". *Foreign Affairs* 75, no. 6 (November–December, 1996): 80–98.

Kaiser, Benedikt. *Solidarischer Patriotismus. Der soziale Frage von rechts*. 2te Aufl. Schellroda: Antaios, 2021.

Kaiser, Benedikt. *Solidary Patriotism. The Social Question from the Right*. 2nd Aufl. Schellroda: Antaios, 2021 [In German].

Kisoudis, Dimitrios. *Mitteleuropa und Multipolarität*. Schellroda: Antaios, 2023.

Kisoudis, Dimitrios. *Central Europe and Multipolarity*. Schellroda: Antaios, 2023 [In German].

Kisoudis, Dimitrios. *Was nun? Vom Sozialstaat zum Ordnungsstaat*. Berlin: Manuscriptum Verlagshandlung Thomas Hook KG, 2017.

Kisoudis, Dimitrios. *And Now What? From the Welfare State to the Order State*. Berlin: Manuscriptum Verlagshandlung Thomas Hook KG, 2017 [In German].

Laak, Dirk van. "From the Conservative Revolution to Technocratic Conservatism". In *German Ideologies since 1945: Studies in the Political Thought and Culture of the Bonn Republic*, edited by Jan-Werner Müller, 147–160. New York: Palgrave Macmillan, 2003. https://doi.org/10.1057/9781403982544_8

Lebovics, Hermann. *Social Conservatism and the Middle Class in Germany, 1914–1933*. Princeton: Princeton University Press, 1969.

Lee, Daniel. *The Right of Sovereignty: Jean Bodin on the Sovereign State and the Law of Nations*. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Lewkowicz, Nikolas. *The German Question and the International Order, 1943–1948*. New York: Palgrave Macmillan, 2010.

McAdams A., James. "Contemporary Far-Right Thinkers in the Era of Liberal-Democratic Crisis". In *Contemporary Far-Right Thinkers and the Future of Liberal Democracy*, edited by A. James McAdams and Alejandro Castrillon, 3–23. London: Routledge, 2022a. <https://doi.org/10.4324/9781003105176>.

McAdams A., James. "Making the case for «difference»: from the Nouvelle Droit to the Identitarians and the New Vanguardists". In *Contemporary Far-Right Thinkers and the Future of Liberal Democracy*, edited by A. James McAdams and Alejandro Castrillon, 85–102. London: Routledge, 2022b. <https://doi.org/10.4324/9781003105176>.

Mohler, Armin. *Der Nasenring: Die Vergangenheitsbewältigung vor und nach dem Fall der Mauer*. München: Langen Müller, 1991.

Mohler, Armin. *The Nose Ring: Coming to Terms with the Past Before and After the Fall of the Wall*. München: Langen Müller, 1991 [In German].

Mohler, Armin. *Von rechts gesehen*. Stuttgart: Seewald Verlag, 1974.

Mohler, Armin. *Viewed from the Right*. Stuttgart: Seewald Verlag, 1974 [In German].

Müller, Jan-Werner. "1968 as Event, Milieu, and Ideology". In *German Ideologies since 1945: Studies in the Political Thought and Culture of the Bonn Republic*, edited by Jan-Werner Müller, 117–143. New York: Palgrave Macmillan, 2003a. https://doi.org/10.1057/9781403982544_7.

Müller, Jan-Werner. "From National Identity to National Interest: The Rise (and Fall) of Germany's New Right". In *German Ideologies since 1945: Studies in the Political Thought and Culture of the Bonn Republic*, edited by Jan-Werner Müller, 185–205. New York: Palgrave Macmillan, 2003b. https://doi.org/10.1057/9781403982544_10.

Pfahl-Traugher, Armin. *Konservative Revolution und Neue Rechte: Rechtstextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat*. Opladen: Leske + Budrich, 1998.

Pfahl-Traugher, Armin. *The Conservative Revolution and the New Right: Right-wing Extremist Intellectuals*

Against the Democratic Constitutional State. Opladen: Leske + Budrich, 1998 [In German].

Pocock, John Greville Agard. *Virtue, Commerce and History: Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century*. New York: Cambridge University Press, 1985.

Rommel, Inken. "We Are the People.' Refugee –Crisis,' and the Drag-Effects of Social Habitus in German Society." *Historical Social Research* 42, no. 4 (2017): 133–154. <https://doi.org/10.12759/hsr.42.2017.4.133-154>.

Salzborn, Samuel. *State and Its Enemies: Democracy, Nationalism and Antisemitism*. London: Anthem Press, 2020.

Sander, Hans-Dietrich. *Der Nationale Imperativ: Ideengänge und Werkstücke zur Widerherstellung Deutschlands*. Krefeld: SINUS-Verlag, 1980.

Sander, Hans-Dietrich. *The National Imperative: Ideas and Workpieces for the Restoration of Germany*. Krefeld: SINUS-Verlag, 1980 [In German].

Sarrazin, Thilo. *Deutschland schafft sich ab: Wie wir unser Land aufs Spiel setzen*. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.

Sarrazin, Thilo. *Germany Abolishes Itself: How We're Putting Our Country in Jeopardy*. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010 [In German].

Schmitt, Carl. *Constitutional Theory*, trans. and ed. Jeffrey Seitzer. London: Duke University Press, 2008.

Schmitt, Carl. *Der Begriff des Politischen*. München: Duncker & Humblot, 1932.

Schmitt, Carl. *The Concept of the Political*. München: Duncker & Humblot, 1932 [In German].

Schmitt, Carl. *Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*, 10th Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 2015.

Schmitt, Carl. *Political Theology: Four Chapter on the Concept of Sovereignty*. Berlin: Duncker & Humblot, 2015 [In German].

Schöllgen, Gregor. *Die Macht in der Mitte Europas: Stationen deutscher Außenpolitik von Friedrich dem Großen bis zur Gegenwart*. München: C. H. Beck, 1992.

Schöllgen, Gregor. *Power in the Center of Europe: Phases of German Foreign Policy from Frederick the Great to the Present Day*. München: C. H. Beck, 1992 [In German].

Schultz, Hans-Dietrich. "Fantasies of Mitte: Mittellage and Mitteleuropa in German Geographical Discussion in the 19th and 20th centuries." *Political Geography Quarterly* 8, no. 4. (1989): 315–339. [https://doi.org/10.1016/0260-9827\(89\)90030-X](https://doi.org/10.1016/0260-9827(89)90030-X).

Schweller L., Randall. "Neoclassical realism and state mobilization: expansionist ideology in the age of mass politics.". In *Neoclassical Realism, the State and Foreign Policy*, edited by Steven A. Lobell, Norrin M. Ripsman and Jeffrey W. Taliaferro, 227–250. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511811869.008>.

Shekhovtsov, Anton. "The Phenomenon of the European Far Right and Their Foreign Policy Positions". *Sociology of Power* 33, no. 2 (2021): 168–183. <https://ssrn.com/abstract=4018599>.

Sonthheimer, Kurt. "Die Kontinuität antidemokratischen Denkens". In *Die Neue Rechte – eine Gefahr für die Demokratie?* Herausgegeben von Wolfgang Gessenharter und Thomas Pfeiffer, 19–30. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. https://doi.org/10.1007/978-3-322-81016-8_2.

Sonthheimer, Kurt. "The Continuity of Anti-Democratic Thought". In *The New Right – A Threat to Democracy?*, edited by Wolfgang Gessenharter and Thomas Pfeiffer, 19–30. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004 [In German].

Stürmer, Michael. *Das Ruhelose Reich: Deutschland 1866–1918*. Berlin: Sidler, 1983.

Stürmer, Michael. *The Restless Empire: Germany 1866–1918*. Berlin: Sidler, 1983 [In German].

Stürmer, Michael. *Die Grenzen der Macht: Begegnung der Deutschen mit der Geschichte*. Berlin: Siedler, 1992.

Stürmer, Michael. *The Boundaries of Power: The Germans' Encounter with History*. Berlin: Siedler, 1992 [In German].

Weiß, Volker. *Die autoritäre Revolte: Die Neue Rechte und der Untergang des Abendlandes*. Stuttgart: Klett-Cotta, 2017.

Weiß, Volker. *The Authoritarian Revolt: The New Right and the Decline of the West*. Stuttgart: Klett-Cotta, 2017 [In German].

Woods, Roger. *Germany's New Right as Culture and Politics*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

Сведения об авторе

Руслан Равизович Стоянов,

политолог, магистр политологии и международных отношений (программа двойного диплома «Политическая философия» с Манчестерским университетом), независимый исследователь

e-mail: stoyanov.r00@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 25 апреля 2024.

Переработана: 14 июня 2024.

Принята к публикации: 17 июня 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Стоянов, Р.Р. Внешнеполитические концепции «новых правых» в Германии: от гегемонизма к изоляции // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (2). С. 126–145.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-126-145>

Foreign Policy Concepts of the New Right in Germany: From Hegemonic Ambitions to Isolation

ABSTRACT

In recent years, researchers of far-right radicalism have shown interest in the contribution of radical conservatives to the modern theory of international relations. This study focuses on the ideas of the German intellectual movement of the New Right in the FRG in relation to the challenges of world politics. The aim of the study is to analyze the evolution of the political language of the movement's representatives according to two stages: the Cold War phase of the second half of the 20th century; and the modern stage of development from 2013 to the present. The methodological basis of the paper is the analysis of political texts within the framework of the Cambridge School of the History of Ideas. This method allows us to identify the political problems and opponents of the New Right, to reproduce the political contexts in which the theorists acted, and to identify the cultural resources of the ideologues' political language. The findings of the study illustrate that the main challenge of the New Right throughout its existence is to ensure national security and increase the political power of the Federal Republic of Germany. The fulfillment of this goal required the development of a foreign policy concept that would ensure the dominance of the FRG in Continental Europe. Despite the fact that the intellectual sources of the ideology of the New Right were not directly related to the theory of international relations, the theses of the theorists are closest to the school of political realism. At the same time, the pro-European ideological positions of the New Right appear to be constrained and, as a consequence, irrelevant among right-wing populists of Europe and the United States. This conclusion allows us to reject the assertion that the goal of the New Right is to revolutionize the existing system of international relations.

KEYWORDS

new right, cold war, public enemy, order state, solidary patriotism, political geography

Author

Ruslan R. Stoianov,

Political scientist, Master of Arts in Political Science and International Relations
(double degree program "Political Philosophy" with The University of Manchester),
independent researcher

e-mail: stoyanov.r00@mail.ru

Additional information

Received: April 25, 2024. Revised: June 14, 2024. Accepted: June 17, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Stoianov, Ruslan R. "Foreign Policy Concepts of the New Right in Germany:
From Hegemonic Ambitions to Isolation." *Journal of International Analytics* 15, no. 2 (2024): 126–145.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-126-145>

Идеи и методы когнитивной науки в исследованиях международных отношений и внешней политики

Максим Александрович Сучков, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Андрей Анатольевич Байков, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: suchkov.m@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

В исследованиях международных отношений наблюдается ренессанс интереса к изучению моделей принятия решений, связанных с влиянием индивидуальных и групповых акторов и проистекающей из этого необходимостью понимания их глубинной психологии, характера их стимулов и мотиваций. Подобные исследования актуализируют применение поведенческих и когнитивной наук в сфере международных отношений и внешней политики, побуждают к адаптации методологии профильных дисциплин к решению сложных общественно-политических проблем. Настоящая обзорная статья – попытка инвентаризации ключевых тем и литературы в данной области, а также демонстрация прикладного применения существующих теорий для анализа актуальных политических сюжетов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

когнитивная наука, когнитивные исследования, когнитивная психология, международные исследования, международные отношения, внешняя политика

Введение

Начало современного периода активных междисциплинарных исследований, объединяющих в себе основные достижения нейробиологии и теории международных отношений, относится к середине 1970-х гг., хотя первые разработки в этой области появились гораздо раньше¹. Длительное время – с середины XIX в. и до конца Второй мировой войны – подобные исследования были табуированы преимущественно по причине злоупотребления «биологизацией» (расизм, евгеника, социальный дарвинизм и пр.) при описании социальных систем. В результате дискуссии по тематике когнитивных наук и их применения в социологии, которые уходили корнями в биологическую интерпретацию проблемных вопросов, были поставлены на паузу – возобладали «антинатуралистическая мысль»². С середины 1970-х гг. «биологические аргументы» вновь стали появляться в научной литературе, что было связано преимущественно с развитием и популяризацией молекулярной биологии, генетики поведения и нейрокогнитивных наук³.

Когнитивные теории позволяли по-новому посмотреть на изучение различных стимулов человека, рождаемых окружающей средой, процессов запоминания и забывания информации, распознавания паттернов и восприятия проблем, а также подобрать ключи к пониманию таких сложных видов человеческой активности, как социальные суждения, аналитические рассуждения и обучение. Одновременно когнитивная психология обозначала ограничения, которые мешают индивидам действовать максимально рационально при принятии решений. Эти ограничения, согласно когнитивной теории, вынуждают людей полагаться на регулярно встречающийся набор когнитивных механизмов с целью упростить процесс принятия решений.

Известный в этой области американский исследователь А. Раппорт заметил, что в своих работах исследователи внешней политики опирались на несколько областей когнитивной психологии⁴. Одна из таких областей рассматривает убеждения и системы убеждений, которые выступают своего рода строительными блоками для большинства суждений. Он также отметил, что в этой традиции исследователи подробно изучили то, как различные субъекты социально-политических процессов используют эвристику и когнитивные предубеждения, чтобы справиться с неопределенностью и анархичностью, которая, по признанию теоретиков международных отношений⁵, характеризует международную среду.

В анализе внешней политики (АВП) набор когнитивных механизмов связан с суждениями о политических рисках и издержках. Для понимания условий, при которых такие суждения могут улучшаться с течением времени, решающее значение имеют факторы, которые препятствуют обучению или облегчают его, просто потому что ни один когнитивный процесс не протекает в вакууме, но регулируется групповым контекстом и эмоциями индивида.

1 Lasswell 1930.

2 Valk 2012.

3 Holsti 1976; Axelrod 1976; Паршин 2001.

4 Rapport 2017.

5 Waltz 1959

Возрастающая значимость нейробиологии в понимании и объяснении политических явлений позволяла на раннем этапе становления дисциплины заполнять лакуны в доминирующих на тот момент в политической теории школах мысли – марксизме, психоанализе, критическом (кантианском) рационализме. Это было особенно важно в период холодной войны, когда запрос на изучение «главного противника» и логики его внешнеполитического поведения был неподдельным, а когнитивные подходы представлялись «шифром», способным «раскодировать» это поведение, с целью одновременно оценки устойчивости противника и оценки его готовности к эскалации и принятию иных решений, угрожающих безопасности и интересам Соединенных Штатов¹. Возможно, именно этим объясняется актуальный ренессанс интереса к синергии когнитивных исследований с исследованиями международных отношений и внешней политики государств.

Когнитивные исследования: новые подходы к анализу общественно-политических отношений?

Одним из важнейших научных результатов нейробиологических исследований на первичной стадии стала проработка понятия *человеческой эмоциональности*: эмоции признавались «физическими» по той причине, что каждое нейрохимическое событие является физическим². Таким образом, принятие человеком решений или даже его моральный выбор соответствуют определенным нейрохимическим процессам в мозгу и, следовательно, имеют физическое измерение.

Связь строения нейронов с когнитивными способностями живых существ подтверждалась такими установленными опытным путем (сперва на крысах, потом на людях) фактами, как увеличение в результате их обучения количества и размеров синапсов³, уменьшение эффективности передачи нервного импульса по синапсам (которое наблюдается у людей, страдающих синдромом Альцгеймера). В большинстве исследований проблема адаптации результатов нейробиологических исследований и анализа когнитивных процессов разрабатывалась в ракурсе прогнозирования принятий решений⁴.

Публикация в начале 2000-х гг. книги американского политолога и философа У. Конноли, специализирующегося на демократических теориях, заложила такое направление, как «нейрополитика» (*neuropolitics*)⁵, – междисциплинарную область науки, которая исследует взаимодействие мозга и политики⁶. Одноименная книга У. Конноли была посвящена роли аффекта в познании, и ее основной тезис заключался в том, что рационалистические и делиберативные теории демократии не в состоянии ответить на вопрос, каким образом интуитивные методы оценки

1 Herrmann 1985.

2 Nam, Lee 2014.

3 Синапс (греч. *σύναψις* – соединение, связь) – место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой.

4 Minz 2019; Levy 2013; Herrmann, Choi 2007.

5 Connolly 2002.

6 В интерпретации У. Конноли нейрополитика объединяет работы из различных научных областей, включая нейробиологию, политологию, психологию, поведенческую генетику, приматологию и этологию.

влиять на политическое мышление ниже сознательного «регистра» причин и аргументов. Иными словами, У. Коннолли критиковал либеральных теоретиков за то, что они не признают роли интуитивного «регистра» в их собственном мышлении, и то, как их собственная «ограниченная чувствительность и метафизические инвестиции» влияют на их предположительно нейтральные утверждения о постметафизическом общественном разуме.

Тематика аффекта и его роли в процессе принятия решений и формирования мнения широко популярна и в настоящее время. *Аффективная неврология*, разработанная Я. Панксеппом, использует более широкий эволюционный и этологический (т.е. генетически обусловленный) взгляд на эмоции¹. Я. Панксепп развивал интегративный подход, который выявляет признаки общих эмоциональных систем млекопитающих и продвигал комплексный иерархический взгляд на то, как эмоции генерируются и модулируются в мозгу. Его междисциплинарные исследования ссылаются на разработки в области когнитивной и поведенческой нейронауки, аффективной нейробиологии и глубинной нейропсихологии, которые исследуют различие между сознательными и бессознательными психическими процессами. Этот подход позволяет более точно теоретизировать то, каким образом эмоции влияют на познание и поведение.

Некоторые исследователи предлагают разграничивать эмоции и аффект². В частности, социальный теоретик Б. Массуми утверждает, что аффекты и эмоции «следуют разным логикам»³. Вместе с тем между исследователями, занимающимися нейробиологией и эмоциями, в последние годы появляется больше точек соприкосновения, что отражается в определенной унификации выводов. Во-первых, есть понимание, что эмоции имеют нейробиологическую основу, но не сводятся исключительно к «проблеме мозга». Во-вторых, установлено, что социальное взаимодействие влияет на нейробиологию, особенно с учетом феномена так называемой нейропластичности, при котором нейронные структуры формируются под влиянием окружающей среды. Соответственно, культура и институты также влияют на переживание и выражение эмоций. В-третьих, эмоции и познание образуют тесную связь, тем самым «вовлекая» эмоции почти во все аспекты принятия решений⁴.

В прикладном отношении изучение эмоций важно с точки зрения их роли в принятии решений и в обучении, так как эмоции фактически являются маркером, который «цепляется» на элементы опыта или убеждения. Кроме того, эмоции сами по себе составляют среду принятия решений. Анализируя ситуацию и находясь «в позитивном настроении», люди склонны больше полагаться на общие знания, а не на более тщательный анализ конкретных элементов обстановки. Индивиды, испытывающие негативные эмоции, в большей мере склонны учитывать уникальность ситуации. Однако сильный стресс может привести к так называемому *реализующему типу мышления*, когда индивид уверенно выполняет построенные до этого планы, не учитывая связанные с этим риски и издержки⁵.

1 Panksepp 2004.

2 D'Aoust 2014.

3 Massumi 2002.

4 Vertzberger 1990.

5 Bless 2000.

Разумеется, предметом когнитивных исследований являются не только эмоции, но более широкая палитра факторов и модальностей участия индивидов и небольших групп в принятии решений. Некоторые исследователи, как, например, В. Хадсон¹, сводят анализ внешней политики к изучению психо-когнитивных процессов. Однако в основном исследователи, занимающиеся данной темой, придерживаются более умеренного и разностороннего подхода: они не заявляют о полной иррациональности субъектов международных отношений, но согласны с необходимостью «спускаться» на уровень психологии и нейробиологии для понимания более «тонких настроек» при анализе внешнеполитического поведения².

В этом смысле одной из основных задач когнитивной теории является объяснение природы иррациональных поступков политических субъектов³. Несмотря на то что каждый индивид уникален (разные лидеры, оказавшись в одинаковой ситуации, с высокой долей вероятности выберут различные стратегии, исходя из своих убеждений, опыта и т.п.), некоторые особенности мышления склонны проявляться в среднем у большинства людей. В случае с лицами, принимающими решения (ЛПР), подобные особенности часто влияют на проводимый ими курс или их действия в кризисной ситуации. Таким образом, изучение подобных паттернов позволяет анализировать и предсказывать поведение политических субъектов.

Политический анализ периода 2010-х гг. обращается к нейробиологии в поисках понимания более глубоких мотивов, лежащих в основе политического поведения в недавних событиях⁴. В одном из таких исследований рассматривалась нейробиология переговоров с Ираном по поводу его ядерной программы⁵. В другом исследовании нейробиология использовалась для объяснения приверженности некоторых избирателей определенным политическим воззрениям во время избирательных кампаний 2016 г. в США⁶. Л. Змигрод в своем исследовании 2021 г.⁷ изучает проблему догматизма и идеологии: анализирует результаты исследований, проводимых с помощью МРТ, на предмет обработки мозгом различных категорий, а также каким образом политическая идеология модулирует расовую категоризацию. Другим направлением его анализа является изучение природы поляризации общества и «проблемы дезинформации»: он пытается найти ответ на вопрос, как человеческий мозг обрабатывает исправления политической дезинформации и какие психологические предрасположенности делают людей устойчивыми перед лицом пропаганды и «идеологически поляризующей информации». Параллельно с этим развивается направление исследований, посвященных более глубокой теоретизации онтологических проблем, – направление «нейрофилософии».

1 Hudson 2005.

2 Beasley et al. 2001.

3 Rosati 2000.

4 McDermott 2004.

5 "The Neuroscience Guide to Negotiations with Iran," *The Atlantic*, January 14, 2014, accessed June 17, 2024, <https://www.theatlantic.com/international/archive/2014/01/the-neuroscience-guide-to-negotiations-with-iran/282963/>.

6 "Why Trump and Clinton Voters Won't Switch: It's in Their Brains," *Scientific America*, May 3, 2016, accessed June 17, 2024, https://www.scientificamerican.com/article/why-trump-and-clinton-voters-won-t-switch-it-s-in-their-brains/?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter.

7 "Computational and Neurocognitive Approaches to the Political Brain: Key Insights and Future Avenues for Political Neuroscience," *Philosophical Transactions B*, February 22, 2021, accessed June 17, 2024, <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2020.0130>.

Ряд нейробиологических исследований показывает, что процесс формирования и изменения мнений тесно связан с нейронными аппаратами мозга, где разные части мозга по-разному участвуют в формировании мнений, и чем больше убеждения связаны с общественными ценностями, тем труднее их изменить¹.

Наличие у человека когнитивных ограничений, т.е. ограничений в объемах запоминаемой и обрабатываемой информации, приводит к необходимости трансформации процесса принятия решений. На личном уровне этой цели служит набор убеждений, то есть установок, выстраивающих упрощенную логику восприятия реальности и принятия решения². Так, инструментальные убеждения определяют соотношения целей и средств, а философские отвечают за восприятие фундаментальной природы политики: является ли для международных отношений естественным состоянием конфликт или сотрудничество. С убеждениями оказываются тесно связаны образы, то есть представления о других акторах (например, образ врага/друга). Образы являются упрощенными версиями их референтов и могут оказать серьезное влияние на выбор политического курса³. Например, западные политики склонны объяснять действия контрагентов их личными качествами, а не ситуационным давлением. Это приводит, в частности, к усугублению дилеммы безопасности, когда наращивание вооружений связывают с внутренней агрессивностью, а не с условиями среды⁴.

Помимо установок и образов поведения, характер принимаемых решений также определяется *эвристиками* – полноценными паттернами мышления и действия в определенной ситуации. Эвристики, как об этом много писали известные психологи Д. Канеман и А. Тверски, часто формируются на основе личного опыта и могут оказаться полезны, когда времени на принятие решения оказывается мало, либо число вводных для принятия такого решения оказывается недостаточным⁵. Но они также приводят к ошибкам, в том числе логического толка. Некоторые эвристики участвуют во всех процессах принятия решений и ведут к тому, что индивид еще до определения сильных и слабых сторон решительно исключает некоторые [альтернативные] варианты. Например, политики склонны, не обдумывая, отметить варианты, которые выглядят как угрожающие для их карьеры, и только затем более рациональным образом оценивать оставшиеся опции⁶.

На институциональном уровне решить проблему когнитивных ограничений призвана так называемая *процедурная рациональность*, которая предполагает, что существующие процедуры и институты ограничивают пространство выбора, подталкивая принимающие решения лица к наиболее рациональному выбору⁷. Однако и у процедурной рациональности отмечаются определенные методологические ограничения. Так, ЛПР свойственно «довольствоваться», то есть выбирать политику, которую они посчитали достаточно «хорошей», даже если

1 Larson 1994.

2 Jervis 2006.

3 Журавлева 2024.

4 Axelrod 1976.

5 Tversky, Kahneman 1981.

6 Allison 1971.

7 Simon 1972.

дальнейший анализ проблемы может привести к выбору политики с большей полезностью.

Общие черты в поведении индивидов проявляются также в их отношении к риску: ЛПР готовы рисковать в большей мере, когда теряют, чем когда приобретают. Из этого утверждения следует ряд важных для анализа международных отношений выводов. В частности, лидеры «увядающих» держав в большей мере склонны к риску при принятии решений, чем лидеры так называемых восходящих держав. По этой же логике, проще осуществлять «сдерживание» (*deterrence*), чем «принуждение» (*coercion*): в то время как первое предполагает, прежде всего, отказ от выгоды, второе – принятие потери. Кроме того, когда речь идет о долгосрочной перспективе, акторы склонны игнорировать многие риски, которые бы они не игнорировали в иных обстоятельствах. Объясняется это тем, что, поскольку горизонт событий усложняет анализ осуществимости планов, индивиды фокусируются на желательности своих целей. Это, в свою очередь, оказывает влияние на то, как государственные лидеры думают о противодействии будущим угрозам или использовании будущих потенциальных возможностей, а также на то, как в случае начала войны они оценивают боевые задачи в сравнении с задачами постконфликтными¹.

Важной составляющей когнитивных исследований международных отношений является *проблема обучения*². Практика показывает, что политики не всегда извлекают правильные уроки из прошлых событий. Зачастую они чрезмерно обобщают события прошлого, игнорируя различия между историческими и текущими случаями, и моделируя аналогии по формуле $AX:BX::AY:BY$: у события *A* был атрибут *X*, который есть сейчас у события *B*, поэтому поскольку у *A* был также атрибут *Y*, то он есть и у *B*³. Фактически этим принципом руководствовались сторонники «теории домино», ориентированной на сдерживание коммунизма и ставшей причиной войны США во Вьетнаме. Они использовали «мюнхенскую аналогию», ссылаясь на уступки, сделанные А. Гитлеру в 1938 г., и утверждали, что умиротворение враждебной силы ведет к дальнейшей агрессии. При этом особенности международной среды и самой «враждебной силы» фактически игнорировались⁴. Аналогичной выглядит аргументация США и их союзников в современном украинском конфликте. Призывы продолжать военные поставки и оказывать финансовую и политическую помощь Киеву подается как неременное условие купирования «российской агрессии», которое в противном случае непременно будет масштабировано Москвой на другие страны Европы. К слову, еще одним препятствием на пути к эффективному обучению считается ригидность убеждений: люди склонны искать доказательства, подтверждающие их мировоззрение, а не опровергающие его (*confirmation bias*).

Результаты исследований обучения могут быть применены не только при внешнеполитическом анализе или планировании, но и в дипломатической практике. Так, неврологические исследования показывают⁵, что персональ-

1 Jervis 2017.

2 Levy 1994.

3 Etheredge 1985.

4 Horowitz, Stam 2014.

5 Lieberman 2013.

ные встречи гораздо более результативны в плане донесения информации до собеседника, так как они в большей степени способствуют обучению, чем не-прямые формы общения.

Помимо исследований на уровне индивидов, работы по когнитивному анализу также объясняют и *поведение небольших групп*, ответственных за принятие решений (правительства, комитеты и т.д.)¹. Группа с общей ответственностью, например, коалиционное правительство, с большей вероятностью примет радикальное решение, так как в случае неудачи негативные эффекты будут распределены равномерно, а не «лягут» на одну партию. Кроме того, эффективность группы определяется и степенью ассоциации ее членов с самой группой и, соответственно, отстаивания в ней личных или групповых интересов. Так, во время Карибского кризиса правительство США выступало не как «единый организм», а как совокупность конкурирующих бюрократических субъектов, договаривающихся и идущих на компромисс друг с другом в интересах выработки единой стратегии². При этом сильный лидер может решить проблему разобщенности группы, но в таком случае существует угроза игнорирования мнения меньшинства при принятии решения.

Можно констатировать *отсутствие* у индивидов и *абсолютной рациональности*. При этом и ограничения рациональности также разнообразны и многослойны. Результаты их изучения несут множество возможностей практического применения в политике, где восприятие реальности лицами, принимающими решение, зависит от множества факторов, включая их характер, личный опыт, взгляды, положение в иерархии, совокупность внешних условий и пр.

Академик РАО Ю.И. Александров обращает внимание на то, что человеческий опыт складывается из систем нейронов, которые образуются и усложняются в течение жизни³. Таким образом, индивид с богатым опытом будет воспринимать реальность через высокодифференцированные системы. Однако в состоянии стресса, под влиянием сильных эмоций, происходит регрессия – возврат к низкодифференцированным системам, простому опыту. Например, логика, согласно которой «свой всегда прав несмотря ни на что», характерна для детей и становится менее выраженной с возрастом. Но эксперименты показали, что подобное мышление проявляется и у взрослых людей, находящихся под воздействием стресса⁴. Таким образом, в стрессовой ситуации реакция взрослых индивидов может оказаться идентичной реакции 7-9-летнего ребенка, поскольку в ситуации острого кризиса индивид начинает мыслить упрощенными категориями, игнорируя модель мышления, выстроенную его опытом.

Разное построение систем нейронов объясняет некоторые различия в восприятии мира в силу того, что происходит через личные ожидания, формируемые субъективным опытом. Рассуждая о различиях между «Западом» и «Востоком» сквозь призму когнитивно-психоповеденческой парадигмы, Ю.И. Александров делает вывод, что эти различия в своей основе сводятся к двум моделям мыш-

1 Robertson 1980.

2 Allison 1971.

3 Лекция Ю.И. Александрова «Восток и Запад: мозг, психика, поведение и культура» // YouTube. 14 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/live/qRXCKymjibY?si=0676b8GQ8vAdXtZU> (дата обращения: 17.06.2024).

4 Знаменская, Александров 2016.

ления: редуccionной (восприятие частей) и холистической (восприятие целого). Редуccionный тип мышления отвечает за анализ, а холистический – за креативность. Кроме того, эти типы мышления также связаны с доминированием в культуре индивидуализма или коллективизма. Из этих наблюдений, помимо прочего, следует и то, что результативный диалог с представителями других культур возможен только в случае признания различий, понимания и принятия того, что другие люди видят мир по-другому.

Отчасти эти выводы пересекаются с дискуссией 2010-х гг. на Западе, которая касалась корреляции между структурой мозга и политическими взглядами. Гипотеза подобных исследований состояла в том, что возможны неврологические корреляции между особенностями строения мозга и политическими предпочтениями. Одно из исследований когнитивных нейробиологов, изучавших строение миндалевидного тела мозга и передней поясной коры, выявило некоторые интересные (но не подтвержденные окончательно) закономерности: большая склонность к либерализму была связана с увеличением серого вещества в передней поясной коре, тогда как большее принятие консерватизма соответствовало увеличению объема правой миндалины¹. Иначе говоря, размер коры мозга у «либералов» больше, чем у «консерваторов», в то время как у вторых якобы больше миндалина (отвечающая за страх). Хотя при повторном проведении этих тестов результаты были аналогичными, окончательно зафиксировать подобную прямую корреляцию проблематично.

Существует и множество факторов, которые опосредуют политические предпочтения. Иными словами, нельзя наверняка утверждать, что формирование убеждений происходит исключительно на основе унаследованной структуры мозга. Скорее, это касается ключевого момента нейронауки, а именно того, что мозг пластичен и податлив. Это означает, что каждое действие, которым мы занимаемся, каким бы незначительным оно ни было, приводит к изменению этой структуры².

Когнитивная психология как аналитический и прогнозный инструмент (анализ кейсов)

Победа Д. Трампа на выборах президента США в 2016 г. стала для многих неожиданностью. Это событие стимулировало дискуссии об ошибках в анализе электоральной динамики и прогнозировании результатов выборов и способствовало развитию новых сфер и подходов к анализу этой предметной области. Наибольшее прикладное использование получили пять теорий когнитивной психологии, к которым стали обращаться американские аналитики и политтехнологи.

1. В 1979 г. группа исследователей из Стэнфордского университета в составе профессоров Ч. Лорда, Л. Росса и М. Леппера попыталась дать объяснение распространенному, но, как казалось, иррациональному явлению: убеждения,

1 Your Brain on Politics: The Cognitive Neuroscience of Liberals and Conservatives, Discover, September 7, 2011, accessed June 17, 2024, <https://www.discovermagazine.com/mind/your-brain-on-politics-the-cognitive-neuroscience-of-liberals-and-conservatives#Vds5atKqpBc>.

2 Neuro-philosophy of International Relations, Open Mind, June 17, 2017, accessed June 20, 2024, <https://www.bbvaopenmind.com/en/economy/geopolitics/neuro-philosophy-of-international-relations/>.

которых мы придерживаемся, уже влияют на то, как мы обрабатываем и усваиваем новую информацию¹. Иными словами, мы не учимся «рационально», воспринимая информацию и затем вынося обоснованное суждение. Напротив, на то, как мы учимся, с самого начала влияет то, что мы знаем и кем мы являемся. На первом этапе Ч. Лорд и его коллеги просили целевую аудиторию исследования ознакомиться с неким набором текстов, которые либо поддерживали, либо отвергали идею о том, что смертная казнь сдерживает преступность. Оказалось, что участники оценили исследования, подтверждающие их первоначальные убеждения, как более «методологически строгие». Те же, которые противоречили им, – как «некачественные».

Известный нью-йоркский психолог (с российскими корнями) М. Конникова обратила внимание на это исследование как способ объяснить, почему сторонники Д. Трампа продолжают его поддерживать независимо от того, какие доказательства против его поддержки им предоставляют, и почему оппонентов Трампа не убеждает его «полезность» в качестве руководителя США, даже если в конечном итоге он действительно «сделает Америку снова великой»². Аналогичным образом можно объяснить поведение сторонников Дж. Байдена, В. Зеленского и других политиков, которые продолжают поддерживать своих лидеров вне зависимости от доказательств скандалов с их участием. Этот процесс фактически говорит о том, что две группы – сторонников и противников – обрабатывают информацию не одинаково.

В другом исследовании, которое провела та же группа профессоров, анализировалось восприятие трагедии на примере «осады Бейрута» 1982 г., когда в результате операции израильской армии по выдавливанию из города подразделений Организации освобождения Палестины (ООП) погибло, по официальным данным, около 37 тыс. человек. Исследователи пришли к выводу, что «эффект поляризации» восприятия был особенно сильным среди наиболее ярких сторонников участников конфликта. В случае с «осадой Бейрута» более радикальные сторонники интерпретировали факты более предвзято и по-другому вспоминали освещение событий в СМИ. В частности, они увидели больше негативных упоминаний в отношении поддерживаемой ими стороны и опасались, что «неопределившиеся» (дословно – беспартийные) граждане будут более негативно настроены именно против них, а не против их оппонентов, что, в свою очередь, обострит их восприятие нападок на них и только укрепит их в собственном мнении, сделает менее гибкими для переговоров.

Вторым выводом того исследования стало то, что чем больше такие граждане знают о проблеме, тем больше они воспринимают предвзятость в отношении себя. Это исследование может в определенной мере объяснить поведенческие модели сторонников и противников Израиля и ХАМАС в актуальном противостоянии, а также более негативную реакцию сторонников Д. Трампа на критикующие его средства массовой информации, чем сторонников Дж. Байдена на критикующие его прореспубликанские СМИ.

1 Lord et al. 1979.

2 Maria Konnikova, "The Psychological Research That Helps Explain the Election," The New Yorker, December 25, 2016, accessed June 17, 2024, <https://www.newyorker.com/science/maria-konnikova/the-psychological-research-that-helps-explain-the-election>.

Другое популярное исследование об управлении «предвзятостями» авторства профессора когнитивной нейробиологии из Университетского колледжа Лондона Т. Шарот утверждает, что человеческое сознание «запрограммировано» на оптимизм: мы думаем, что будущее будет лучше, чем прошлое. По мнению Т. Шарот, феномен, который она назвала «предвзятость оптимизма» (*optimism bias*)¹, коренится в склонности человека отмахиваться от вещей, которые нас беспокоят или по какой-то причине нам не нравятся, как от неких отклонений от «нормы». Именно «запрограммированность» на надежду не дает человеку рационально оценить текущие риски и проблемы, даже когда они по всем признакам говорят о том, что лучшее будущее может не наступить. В этом, по мнению исследователя, сокрыто большое пространство для манипуляций ожиданиями населения, ошибок прогнозирования начала войн и экономических кризисов.

2. Исследователь-психолог из Йельского университета Д. Кахан на протяжении многих лет занимается темой «культурного познания» (*cultural cognition*), пытаясь ответить на вопрос, как ценности формируют восприятие риска и политические убеждения. Одно из его научных открытий заключается в том, что люди часто занимаются познанием, защищающим идентичность (*identity-protective cognition*): они обрабатывают информацию таким образом, чтобы защитить свое представление о себе². Таким образом, не соответствующая этим представлениям информация отбрасывается, а вспомогательная охотно сохраняется. Наша память таким образом на самом деле оказывается искаженной: мы способны лучше обрабатывать и вспоминать факты, которые мы мотивированы обработать и вспомнить, в то же время удобно забывая те, которые, по нашему мнению, не соответствуют действительности. Гарвардский психолог С. Пинкер называет эту теорию «политическим и интеллектуальным трайбализмом» (*political and intellectual tribalism*): люди тяготеют к интеллектуально подобным (и похожим) себе, даже когда действия тех, к кому они тяготеют, должны, казалось бы, вызывать тревогу³.

Поскольку эта теория стала популярной у политических практиков с приходом Д. Трампа, именно его феномен также пытались объяснить ее положениями. В частности, С. Пинкер обратил внимание на то, что Д. Трамп завоевал расположение практически всей Республиканской партии и тех, кто чувствовал себя в американской политике «отчужденным», заявив, что выступает против истеблишмента и политкорректности. В итоге, несмотря на неприятие Д. Трампом идеи свободной торговли и открытых границ (что должно было, но не отторгло его от либертарианцев), его далекий от пуританского образ жизни и любовные связи (которые должны были, но не отторгли от него евангелистов), его симпатии к России и лично президенту В.В. Путину (которые должны были, но не отторгли от него националистов-патриотов) и его скептическое отношение к американским союзам с европейскими демократиями (что должно было, но не отторгло от него неоконсерваторов), – все эти группы его поддержали.

3. Профессор-психолог из Принстонского университета К. Стеннер в своей работе «Авторитарная динамика» (*The Authoritarian Dynamic*) формулирует природу

1 Sharot 2021.

2 Kahan et al. 2007.

3 Pinker 2011.

авторитаризма как психологической черты как «стремление к строгому порядку и контролю»¹. По мнению К. Стеннер, большинство людей не являются авторитарными сами по себе. Но только когда мы чувствуем, что находимся под угрозой – особенно то, что К. Стеннер называет «нормативной угрозой» (*normative threat*), или «угрозой воспринимаемой целостности морального порядка» (*perceived integrity of the moral order*) – человек внезапно «сворачивает» открытость и формулирует запрос на большую силу и авторитарную власть: люди хотят защитить свой образ жизни, и когда они думают, что он находится в опасности, они начинают искать более радикальные альтернативы. Опираясь на это психологическое наблюдение, К. Стеннер еще в 2005 г. предсказывала конфликты в западных обществах, связанные с нетолерантностью в отношении мигрантов и, как следствие, рост популярности национально-ориентированных политиков и партий.

По ее мнению, поощряемая в западных культурах свобода создает те самые условия, которые гарантированно подтолкнут латентных авторитарных деятелей к «внезапным и интенсивным, возможно, жестоким и почти наверняка неожиданным проявлениям нетерпимости... Тот вид нетерпимости, который проистекает из аномальной индивидуальной психологии, а не из бескорыстного поглощения широко распространенных культурных норм, неизбежно будет более динамичным и иррациональным, менее предсказуемым, менее поддающимся убеждению и более усугубляемым, чем воспитываемым культурным поощрением толерантности»².

Еще одна – в чем-то похожая – теория, связанная с управлением восприятием масс, была разработана психологом, профессором организационного поведения Стэнфордского университета М. Гельфанд. По ее мнению, когда люди осознают более высокий уровень угрозы и находятся в состоянии стресса, они поддерживают лидеров, которые обещают более жесткие правила и большую силу. Гельфанд назвала этот феномен «культурной жесткостью» (*cultural tightness*) и определяет ее как «стремление к сильным социальным нормам и низкой толерантности к любому виду девиантного поведения»³. Исследователь считает, что по мере того, как восприятие угрозы возрастает, даже более свободные культуры – с высокой терпимостью и более низкими нормами – начинают ужесточать внутренние правила и ожесточаться по характеру своего поведения. В качестве примеров она называет поведение политиков на выборах, когда они преднамеренно разжигают чувство угрозы и страха (перед мигрантами, терроризмом, внешними и внутренними врагами), с тем чтобы предстать перед избирателем в качестве наиболее подходящей фигуры лидера в решении обозначенных ими проблем.

4. В 2010 г. группа ученых из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре во главе с профессорами Дж. Туби и Л. Космайд представила результаты своего многолетнего исследования в виде работы «Группы в сознании: коалиционные корни войны и морали»⁴. Эти ученые, сделавшие себе имя в профессиональном сообществе в области эволюционной психологии, продол-

1 Stenner 2010.

2 Stenner 2005.

3 Подробно о применении этой модели к анализу других политических сюжетов этом см.: Гельфанд М. Рефлекс угрозы // Россия в глобальной политике, 22 сентября, 2021, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/refleks-ugrozy/>.

4 Tooby, Cosmides 2010.

жительное время исследовали феномен «возмущения / негодования» (*outrage*) в целях мобилизации разного рода [политических] коалиций. Их тезис состоит в том, что люди, как и животные, предрасположены к созданию коалиций: чтобы лучше защитить себя, мы сотрудничаем с теми, кого видим «внутри нашей коалиции», и противостояим тем, кого видим «за ее пределами». На примере политических кампаний они демонстрируют, что одним из действенных способов побудить политические коалиции к действию является их объединение против «предполагаемого возмущения». Подобная динамика неоднократно использовалась политиками, особенно в кризисные времена или в выборный период: фактор «возмущения» поднимался с целью укрепления единства группы (коалиции) и – более того – становился эффективным инструментом управления мобилизационным духом коалиции.

5. Наконец, еще одна теория на стыке социальной и когнитивной психологии, к которой иногда прибегают для объяснения характера межгосударственных отношений, – фундаментальная ошибка атрибуции (*fundamental attribution error*). Эта теория обозначает переоценку личностных и недооценку обстоятельственных причин при интерпретации поведения индивида. Иными словами, она относит за счет личностных факторов свои позитивные действия («я хороший по своей сути») и негативно оцениваемые действия оппонента («чего еще от него ждать?»), в то время как внешними факторами, наоборот, объясняет свои неприглядные действия и позитивные действия оппонента (они считаются вынужденными). Хотя эта теория рассчитана на оценку отношений на уровне индивидов, известный американский русист М. Рожански¹ использует эту теорию для объяснения характера российско-американских отношений: стороны склонны оправдывать собственное поведение внешними обстоятельствами («американская демократия подвергается нападкам» или «США обманули советское руководство о нерасширении НАТО»), однако объяснение логики поведения другой стороны происходит с позиций приписываемых ей «врожденных» плохих качеств: «США – имперская держава, стремящаяся к гегемонии», «Россия – авторитарная страна, склонная к территориальным захватам».

Заключение

Когнитивные исследования содержат богатый потенциал для более глубокого изучения международных отношений и внешней политики государств. В настоящее время приоритетными направлениями исследований и разработок выступают восемь областей:

- процессы принятия решений и модели прогнозирования;
- влияние интуиции и инстинктов на политическое мышление (за пределами рациональных аргументов);
- связь процесса формирования мнений и ценностей с нейронным аппаратом мозга;

1 Мэтт Рожански – бывший директор института Кеннана в Международном научном центре имени Вудро Вильсона, в настоящее время президент и исполнительный директор Американо-российского фонда по экономическому развитию и верховенству права (USRF), внесенного в российский реестр подсанкционных организаций

- связь между структурой мозга и политическими взглядами;
- «проблема эмоций»: влияние культуры и социальных институтов на наши эмоции и роль эмоций при принятии решений;
- «проблема аффекта»: аффективная нейронаука и нейропсихология как метод глубокого теоретизирования онтологий и мотиваций субъекта;
- «проблема происхождения»: влияние нейронного аппарата мозга на появление теорий расизма, шовинизма, иных идеологических предрасположенностей и фобий;
- психологические аспекты переговорного процесса.

Одни исследователи полагают, что нейробиология сможет стать одновременно решением проблемы «агента и структуры» и связующим звеном между ними¹. Другие – что изучение структур и функций мозга может расширить представления о сути эмоций и аффекта в вопросе их влияния на социальное взаимодействие между индивидами². Так или иначе, уже имеющиеся исследования в этой области демонстрируют, что результаты нейробиологических экспериментов в сочетании с контекстуальными фактами и методами социо-гуманитарных наук образуют сети значений, которые могут объяснить и интерпретировать динамику международных отношений совершенного с другого, не традиционного для теории международных отношений угла.

Несмотря на некоторое сближение позиций по вопросу «обусловленности» эмоций (нейробиологические причины + социальный конструкт), к настоящему времени в исследованиях по нейронауке до сих пор не сложилось однозначного консенсуса относительно четкой корреляции между нервным аппаратом и «социальной самостью». Недавние исследования в области неврологии предполагают, что почти все психологические специализации «высшего» неокортекса³ млекопитающих приобретаются, а не являются внутренними⁴. В отличие от нейронных коррелятов⁵, этот анализ использует понятие нейробиолога Г. Нортоффа о нейронных предрасположенностях, которые влекут за собой нейронные условия, необходимые, но недостаточные для объяснения психологических процессов. Соответственно, пока в отношении междисциплинарных усилий в этой области, таких как «нейроэкономика»⁶, которые стремится установить «связи между измеримой нейронной активностью и концепциями, подобными полезности, полученными из экономики», немало скепсиса. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении так называемой нейрополитики.

Тем не менее рост числа исследований, посвященных изучению цепочки взаимосвязей «структура мозга – эмоциональные реакции – когнитивистика / особенности восприятия реальности – формирование политических предпочте-

1 Holmes 2014.

2 Renée 2014.

3 Неокортекс – новые области коры головного мозга, которые у низших млекопитающих только намечены, а у человека составляют основную часть коры.

4 Panksepp, Biven 2012.

5 Нейронные корреляты – минимальный набор нейронных событий и механизмов, достаточных для конкретного сознательного восприятия.

6 Нейроэкономика – междисциплинарное направление в науке на пересечении предметов экономической теории, нейробиологии и психологии. Она изучает процесс принятия решений при выборе альтернативных вариантов, распределении риска и вознаграждения.

ний – процесс принятия решений», свидетельствует о возрастающем интересе к данной проблеме как ученых-международников, так и социологов, психологов и других специалистов междисциплинарного профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Знаменская, И.И., Александров, Ю.И. Отношение к «чужим» при стрессе разного генеза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. №3. С. 159–167. <https://doi.org/10.21638/1701/spbu16.2016.314>.
- Znamenskaya, Irina I., and Yuriy I. Alexandrov. "Different Types of Stress Alter Moral Attitude Towards Outgroup Members." *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, no. 3 (2016): 159–167 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024; 15 (1): 20–45. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-20-45>.
- Zhuravleva, V.I. "Russia and the United States as Constitutive Others in the National Identity Discourses." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 20–45 [In Russian].
- Паршин, П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики / под ред. А.И. Новикова. М.: «Азбуконик», 2001. С. 181–208.
- Parshin, Pavel B. "Research Practices, Subject and Methods of Political Linguistics." In *Scripta linguisticae applicatae. Problems of Applied Linguistics*, edited by A.I. Novikov. Moscow, Azbukovnik (2001): 181–208 [In Russian].
- Allison, Graham. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Boston: Little, Brown and Company, 1971.
- Axelrod, Robert. *Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites*. Princeton University Press, 1976.
- Beasley, Ryan, Kaarbo, Juliet, Hermann, Charles, and Margaret Hermann. "People and Processes in Foreign Policymaking: Insights from Comparative Case Studies." *International Studies Review* 3, no. 2 (2001): 217–250. <https://doi.org/10.1111/1521-9488.00238>.
- Bless, Herbert. "The Interplay of Affect and Cognition: The Mediating Role of General Knowledge Structures." In *Feeling and Thinking: The Role of Affect in Social Cognition*, edited by J.P. Forgas, Cambridge University Press (2000): 201–222.
- Etheredge, Lloyd. *Can Governments Learn? American Foreign Policy and Central American Revolutions*. New York: Pergamon, 1985.
- Essays on Neuroscience and Political Theory: Thinking the Body Politics*, edited by F. Vander Valk, 2012.
- Holsti, Ole. "Cognitive Process Approaches to Decision-Making: Foreign Policy Actors Viewed Psychologically." *American Behavioral Scientist* 20, no. 1 (1976): 11–32. <https://doi.org/10.1177/000276427602000103>.
- Connolly, William. *Neuropolitics: Thinking, Culture, Speed*. University of Minnesota Press, 2002.
- D'Aoust, Anne-Marie. "Ties that Bind? Engaging Emotions, Governmentality and Neoliberalism: Introduction to the Special Issue." *Global Society* 28, no. 3 (2014): 267–276. <https://doi.org/10.1080/13600826.2014.900743>.
- Jervis, Robert. *How Statesmen Think: The Psychology of International Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2017.
- Jervis, Robert. "Understanding Beliefs." *Political Psychology* 27, no. 5 (2006): 641–663. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2006.00527.x>.
- Herrmann, Richard, and Jong Kun Choi. "From Prediction to Learning: Opening Experts' Minds to Unfolding History." *International Security* 31, no. 4 (2007): 132–161.
- Herrmann, Richard. "Analyzing Soviet Images of the United States: A Psychological Theory and Empirical Study." *Journal of Conflict Resolution* 29, no. 4 (1985): 665–697.
- Holmes, Marcus. "International Politics at the Brain's Edge: Social Neuroscience and a New 'Via Media'." *International Studies Perspectives* 15, no. 2 (2014): 209–228.
- Horowitz, Michael, and Allan Stam. "How Prior Military Experience Influences the Future Militarized Behavior of Leaders." *International Organization* 68, no. 3 (2014): 527–559. <https://doi.org/10.1017/S002081834000046>.
- Hudson, Valerie. "Foreign Policy Analysis: Actor-specific Theory and the Ground of International Relations." *Foreign Policy Analysis* 1, no. 1 (2005): 1–30. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2005.00001.x>.
- Kahan, Dan, Braman, Donald, Gastil, John, Slovic, Paul, and C.K. Mertz. "Culture and Identity – Protective Cognition: Explaining the White–Male Effect in Risk Perception." *Journal of Empirical Legal Studies* 4, no. 3 (2007): 465–505 <https://doi.org/10.1111/j.1740-1461.2007.00097.x>.
- Larson, Deborah. "The Role of Belief Systems and Schemas in Foreign Policy Decision-Making." *Political Psychology* 15, no. 1 (1994): 17–33. <https://doi.org/10.2307/3791437>.
- Lasswell, Harold. *Psychopathology and Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1930.
- Levy, Jack. "Psychology and Foreign-Policy Decision-Making." In *The Oxford Handbook of Political Psychology*, edited by Leonie Huddy, David Sears, Jack Levy, 301–333, 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Levy, Jack. "Learning and Foreign Policy: Sweeping a Conceptual Minefield." *International Organization* 48, no. 2 (1994): 279–312. <https://doi.org/10.1017/S0020818300028198>.
- Lieberman, Matthew. *Social: Why Our Brains Are Wired to Connect*. New York: Crown Press, 2013.
- Lord, Charles, Ross, Lee, and Mark Lepper. "Biased Assimilation and Attitude Polarization: The Effects of Prior Theories on Subsequently Considered Evidence." *Journal of Personality and Social Psychology* 37, no. 11 (1979): 2098–2109. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.37.11.2098>.
- Massumi, Brian. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Durham: Duke University Press, 2002.
- McDermott, Rose. "The Feeling of Rationality: The Meaning of Neuroscientific Advances for Political Science." *Perspectives on Politics* 2, no. 4 (2004): 691–706. <https://doi.org/10.1017/S1537592704040459>.

Minz, Alex. *Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making*. IDC Herzliya, 2019. https://doi.org/10.1007/978-1-137-07848-3_1.

Nam, Tek-Jin, and Jong-Hoon Lee. "Understanding the Relation Between Emotion and Physical Movements." *International Journal of Affective Engineering* 13, no. 3 (2014): 217–226. <https://doi.org/10.5057/ijae.13.217>.

Panksepp, Jaak. *Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions*. Oxford University Press, 2004.

Panksepp, Jaak, and Lucy Biven. *The Archaeology of Mind: Neuroevolutionary Origins of Human Emotion*. W.W. Norton & Company, 2012.

Pinker, Steven. *The Better Angels of Our Nature*. New York: Viking, 2011.

Renée, Jeffery. "The Promise and Problems of the Neuroscientific Approach to Emotions." *International Theory* 6, no. 3 (2014): 584–589. <https://doi.org/10.1017/S1752971914000311>.

Robertson, Roby. "Small Group Decision Making: The Uncertain Role of Information in Reducing Uncertainty." *Political Behavior* 2, no. 2 (1980): 163–188.

Rosati, Jerel. "The Power of Human Cognition in the Study of World Politics." *International Studies Review* 2, no. 3 (2000): 45–75. <https://doi.org/10.1111/1521-9488.00215>.

Sharot, Tali. "The Optimism Bias." *Current Biology* 21, no. 23 (2011): R941–R945. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2011.10.030>.

Simon, Herbert. "Theories of Bounded Rationality." In *Decision and Organization*, edited by C.B. McGuire and Roy Radner, 161–176. North-Holland Publishing Company, 1972.

Stenner, Karen. *The Authoritarian Dynamic*. Cambridge University Press, 2005.

Tooby, John, and Leda Cosmides. "Groups in Mind: The Coalitional Roots of War and Morality." In *Human Morality and Sociality: Evolutionary and Comparative Perspectives*, edited by Henrik Høgh-Olesen, 91–234. Palgrave-Macmillan, 2010.

Tversky, Amos, and Daniel Kahneman. "The Framing of Decisions and the Psychology of Choice." *Science* 211, no. 4481 (1981): 453–458.

Vertzberger, Yaacov. *The World in Their minds: Information Processing, Cognition, and Perception in Foreign Policy Decision-Making*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990.

Waltz, Kenneth. *Man, the State, and War*. New York: Columbia University Press, 1959.

Сведения об авторах

Максим Александрович Сучков,

к. полит. н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем,
директор ИМИ МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

e-mail: max-suchov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3551-7256

Андрей Анатольевич Байков

к.полит.н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем,
проректор по научной работе МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

e-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 июня 2024.

Переработана: 17 июня 2024.

Принята к публикации: 19 июня 2024.

Благодарность

Авторы выражают благодарность П.Б. Паршину (канд. филол. наук, доценту, в.н.с. ИМИ МГИМО МИД России), а также аналитикам ИМИ МГИМО МИД России А.И. Гладышевой и М.А. Кучерову за помощь в подготовке рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.)

Цитирование

Сучков, М.А., Байков, А.А. Идеи и методы когнитивной науки в исследованиях международных отношений и внешней политики // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (2). С. 146–162.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-146-162>

Ideas and Methods of Cognitive Science in the Studies of International Relations and Foreign Policy

ABSTRACT

International studies have recently witnessed a renaissance of interest in the study of decision-making patterns related to the influence of individual and group actors and the resulting need to understand their deep psychology, the nature of their incentives and motivations. Such studies update the application of behavioral and cognitive sciences in the field of international relations and foreign policy, and encourage the adaptation of the methodology of specialized disciplines to solve complex socio-political problems. The present paper is an attempt to inventory key research subject areas and related literature, as well as to demonstrate the application of existing theories to the analysis of current political issues.

KEYWORDS

cognitive science, cognitive studies, cognitive psychology, international studies, foreign policy analysis

Authors

Maxim A. Suchkov,

PhD (Polit. Sci.), Associate Professor, Department of Applied International Analysis,
Director, the Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454.

e-mail: max-suchov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3551-7256

Andrey A. Baykov,

PhD (Polit. Sci.), Associate Professor, Department of Applied International Analysis,
Vice-Rector, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454.

email: a.baykov@inno.mgimo.ru

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Additional information

Received: June 1, 2024. Revised: June 17, 2024. Accepted: June 19, 2024.

Funding

The article was prepared within the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-327).

Acknowledgment

Authors express gratitude to Pavel B. Parshin (PhD in Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute for International Studies, MGIMO University), as well as analysts of the IIS MGIMO A.I. Gladysheva and M.A. Kucherov for help in preparing the manuscript.

For citation

Suchkov, Maxim A., and Andrey A. Baykov. "Ideas and Methods of Cognitive Science in the Studies of International Relations and Foreign Policy." *Journal of International Analytics* 15, no. 2 (2024): 146–162.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-146-162>

Mapping Russian International Relations: A Topic Modelling Approach

Ivan Khludov, MGIMO University, Moscow, Russia
Vasily Vinogradov, MGIMO University, Moscow, Russia
Nikita Neklyudov, MGIMO University, Moscow, Russia

For correspondence: i.khludov@inno.mgimo.ru

ABSTRACT

This study examines the landscape of Russian International Relations (IR) scholarship, offering a quantitative analysis of thematic trends in Russian IR publications using data from the OpenAlex bibliographic database. We employed Structural Topic Modeling (STM) on 13,705 articles published between January 2000 and May 2024, ensuring methodological rigor through language standardization, text preprocessing, and exclusion of irrelevant texts. While prior research on Russian IR has mostly been descriptive, often focusing on typologies or prescriptive arguments, our study uncovers several underexplored attributes. Notably, Soviet-era legacies persist thematically rather than paradigmatically, and developmental issues such as inequality and justice are disproportionately represented. The systemic approach remains dominant, with Russian scholarship striving to integrate regional perspectives into the global context. Traditional focuses on Russian foreign policy and its great-power status persist, with a shift from identity issues to reinforcing this status. Despite strained relations with Europe, it remains a key focus in Russian works. Interestingly, topics on education and culture now surpass those on conflict and security, although this may be influenced by data characteristics or OpenAlex indexing.

KEY WORDS

Russian IR, theory of international relations, scientific school, topic modelling, topics

Postpositivism deems all knowledge to be socially overdetermined and culturally conditioned. From this perspective, national schools are gaining visibility due to the latest crisis of globalization, which has particularly affected the international scholarship¹. It has led to a rapid regionalization of science, confined within national borders. In Russia, this process is most noticeable in international relations (IR)² studies and the way the Russian IR community perceives itself. Notably, numerous Russian and Russian-born researchers have previously assessed the state of the Russian IR school, indicating a deep self-reflection. With the passage of time, it is now appropriate to reassess its development. The arguments put forward by earlier scholars require additional verification and correction, considering new trends in science and the global context. Interest in the Russian IR school became particularly intense in the 2000s and again in the mid-2010s, the latter period coinciding with the deterioration of relations between Russia and the West.

This paper analyzes the Russian school during the current period of significant breakdown in relations with Western countries. The contribution of this paper is to further conceptualize (and self-reflect on) Russian IR science. The aim of our article is *not* to explore the evolution of Russian IR or *to create* new typologies. The literature review shows these tasks have already been addressed and, we deem, quite successfully. Instead, our goal is to identify the prevailing topics in Russian academic discourse on IR. OpenAlex helps us uncover not only the trends in 21st-century Russian IR, but also its position within the global flow of academic knowledge.

Our research is valuable not only for what we have found, but also how we did it. This article presents the first quantitative study on Russian IR scholarship. Some findings align with earlier attempts to deconstruct the Russian school, but previous methodologies were largely intuitive descriptions of Russian IR, interspersed with philosophical deliberations. In contrast, topic modeling used in our study reduces subjectivity by ranking topics based on their frequency in sampled articles. This approach provides a more accurate assessment of Russian scholars' aspirations.

Our analysis is divided into five additional sections. We begin Section 2 by reviewing the current trends as regards Russian IR, highlighting the main issues previously addressed by scholars. Then, in Section 3, we recreate our methodology with a step-by-step description of primary data processing and visualization. We present our empirical analysis in Section 4 by interpreting data and grouping related topics. We conclude in Section 5 by discussing what our findings tell us about Russian IR.

What is Russian IR?

A meta-review of the existing literature on Russian IR highlights several key trends. *Primo*, researchers draw a sharp contrast between the Soviet and post-Soviet academic field. *Secundo*, much of the review literature focuses on categorizing Russian scholars. *Tertio*, many works exhibit a persistent prescriptive orientation, with authors concerned about the issues facing the Russian school and proposing various solutions. *Quarto*, there is a considerable bias towards typologizing theoretical branches to the detriment

1 See, for instance, in IR: Сушенцов, Неклюдов, Павлов 2024.

2 By international relations (IR) we mean a discipline rather than interactions among actors in the international arena.

of regional and problem-oriented directions in IR. Nevertheless, since the theoretical element is central to any discipline, it is reasonable to primarily review this component. The question of whether a cohesive school of IR exists in Russia remains a contentious one within the academic community.

During the Soviet period, the development of international relations as an independent discipline faced significant challenges due to the primacy of Marxism-Leninism. Yet, with the advent of the Cold War, Soviet foreign policy and the study of IR existed within a realist paradigm, masqueraded as leftist ideology.¹ It was not until the 1960s that timid attempts to analyze IR theory and methodology began, primarily by exposing the weaknesses of “bourgeois theories” incompatible with the Marxist vision.² The Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), which launched *World Economy and International Relations*, played a major role in this effort. In the late 1960s, several articles were published providing an overview of IR theory.³ Although the works were at the intersection of international law, economics, and history, these academic fields remained separate.⁴ Some Western developments were later incorporated into IMEMO’s applied analyses, but no monograph was released at the time.⁵ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) also focused on developing an intellectual product and providing critical reflection on Western theory, particularly for exploring negotiations. During this period (1976–1990), the Problem Laboratory of System Analysis in International Relations at MGIMO conducted, *inter alia*, quantitative studies.

Meanwhile, institutes under the auspices of the Academy of Sciences of the USSR dealing with particular regions (e.g. Africa, Latin America, etc.) advanced the comprehensive knowledge of these parts of the world. Not only did they take into account global dimensions, but also resorted to distinguishing features of regions when analyzing IR there. The Institute for US and Canadian Studies stands out in this regard, acting as a crucial think tank for applied analysis of global politics. The legacy of those organizations continues to significantly shape the substance of Russian IR today.

Theoretical generalizations of foreign policy analysis logically followed this trend of engaging with non-Marxist ideas.⁶ The first textbook on IR theory came out during this time and even saw a second edition.⁷ These milestones reflect that the Soviet IR school emerged roughly 20 years behind Western countries. Foreign scholars recognized the existence of an IR school in the USSR, who stated that Moscow possessed all necessary attributes except for a dedicated university training program in IR.⁸

After the Soviet Union’s implosion, Russia ushered in the *paradigma osvoyeniya* (“development paradigm”). Alexei D. Bogaturov identified a *pokoleniye izloma* (“fractured generation”) of middle-aged scientists who had a grasp on Marxism but consciously jettisoned it. Young Russian scholars shied away from scientific communism towards

1 Lebedeva 2004.

2 Amelicheva, Zubitska 2016.

3 Проблемы теории международных отношений 1969.

4 Тюлин 1997.

5 Основы теории международных отношений 2022.

6 Хрусталеv 1984.

7 Антюхина-Московченко et al. 1988.

8 Light 1988; Lysnh 1987.

Westernized dogmatism. This assimilation paradigm produced not original analyses but the translation and description of Western concepts. Bogaturov stated that IR cannot be fully developed until the non-Western world is comprehended.¹ Nikolai A. Kosolapov, in turn, noted that it is virtually impossible to get the Russian school acknowledged without obtaining “intellectual sovereignty.” In addition, he posited that international relations at large ought to move towards examining issues of global governance and development, gradually drifting away from seeking to answer the question of how to achieve peace and avert confrontation.²

In the early 1990s, there was an urgent need to rethink the study of IR history as past narratives no longer met the demands of new domestic and global political realities. According to Bogaturov, the Russian IR school developed largely from the study of historical processes, which described and explained causality, whereas theory was meant to interpret it. Thus, he singled out three schools of Russian IR: MGIMO, IMEMO, and Moscow State University (MSU), impersonated by Mark A. Khrustalev, Vladimir I. Gantman, and Pavel A. Tsygankov, respectively.³ Their contributions to the development and popularization of IR theory are significant, with the first textbook on IR theory authored by Tsygankov being particularly noteworthy.⁴ Khrustalev distinguishes IMEMO (theory) and MGIMO (applied analysis) as two primary schools.⁵ The landscape of Russian IR scholarship is also understood through the lens of Universalist and Pluralist schools of thought,⁶ both advocating for Russia’s continued engagement within the broader IR community, albeit with differing emphases. Since then, other IR schools in St. Petersburg, Tomsk, Vladivostok, and Moscow (RUDN University, Higher School of Economics, etc.) have taken shape. Their evolution and thematic content warrant a separate study. What is important in our review is the proliferation of IR schools across the country and the symbolic breaking of MGIMO and IMEMO’s monopoly on this field of knowledge.

Another approach to typologizing the Russian school is based on dividing its representatives into realist and liberal camps, with Marxists, neo-Marxists, and constructivists also represented. Most contemporary studies on IR in Russia focus on realist themes, such as bilateral ties, Russia-NATO relations, the structure of the world order, and international security. The distinction between realism and liberalism is also evident in the separation of international relations and world politics into two disciplines.⁷ Alexey D. Bogaturov and Tatiana A. Shakleina identified at least six types of realism in Russian IR.⁸ During the 1990s, realist thought experienced a significant resurgence, solidifying its position as a dominant theoretical framework. It helped both intellectual and political communities in Russia articulate nation’s interests and priorities to global stakeholders. Realism provided a valuable analytical optics for understanding the structure and polarity of the emerging world order, offering insights into the dynamics of power and influence in a post-Cold War era.⁹

1 Богату́ров 2000.

2 Косолапов 1998.

3 Богату́ров 2020.

4 Цыганков 2007.

5 Хрустале́в 2006.

6 Tsygankov A., Tsygankov P. 2014.

7 Богату́ров 2004; Мировая политика 2005.

8 Богату́ров 2003; Шаклеина 2004.

9 Shakleina, Bogaturov 2004.

Postmodernist and Marxist approaches are represented in a smaller number of applied studies. Despite the diversity of theoretical trends and civilizational views, Russian researchers share a similar perception of how the modern world has to be organized, with the nation-state and its sovereignty remaining key elements. This focus explains why Russian studies pay considerable attention to the problem of national sovereignty.¹ Additionally, the ontological, epistemological, and methodological foundations of IR as a science are examined, including metatheories.²

Liberal concepts, previously characterized by a more radical discourse, such as neglecting state sovereignty, have become less visible. Tsygankovs indicate a fundamental divide between liberals advocating for closer integration with the West and those emphasizing a more nationally-oriented approach. This dichotomy mirrors the longstanding debate between cosmopolitan and communitarian thoughts. Cosmopolitans call for a unified global community, highlighting homogenizing forces that transcend national boundaries, while communitarians emphasize the importance of national and cultural identities in fostering democratic institutions in a globalized world.³ Russian liberal IR remains heavily influenced by Western, particularly American, intellectual paradigms, with this dominance more pronounced for liberalism than any other theoretical perspective in the field.⁴

Specific features of the Russian school encompass Westernization, isolationism, and pluralism. The structuring of Russian IR reflects the search for national identity, explaining the diversity of theoretical perspectives.⁵ This pursuit of identity is characteristic of both Russian foreign policy and academic discourse.⁶ Over the past centuries, Russia has developed a rich but disparate theoretical foundation in IR. In addition, one might distinguish three main philosophical traditions in Russian IR: Westernism, *étatisme*, and *tretyerimstvo* ("Moscow, third Rome" concept). Westerners advocate for imitating Western models, *étatists* espouse the independence of statehood, and *tretyerimtsy* ("Moscow, third Rome supporters") focus on preserving original cultural values.⁷ Makarychev and Morozov suggest that the trajectory of Russian IR is portrayed by persistent tension between pro-Western transitological approaches and the prevailing relativist perspective anchored in the doctrine of multipolarity.⁸

The discipline's evolution is marked by extensive expansion of topics and studies.⁹ A strong correlation exists between IR theory and foreign policy in Russia, underscored by shared concerns regarding Russia's standing. They include aspirations for a more just and stable international system as Moscow views it, and resistance to the perceived dominance of Western powers.

Igor A. Istomin and Andrey A. Baykov note that the Russian school occupies an intermediate position between American and European traditions when it comes to epistemological underpinnings.¹⁰ Alexei V. Fenenko argues that Russia has adopted

1 Лебедева, Харкевич 2016.

2 Алексеева 2019.

3 Tsygankov P., Tsygankov A 2004.

4 Tsygankov A., Tsygankov P. 2007.

5 Нойманн 2004.

6 Tsygankov P., Tsygankov A. 2008.

7 For more information regarding this typologization, see: Tsygankov A., Tsygankov P. 2010; Цыганков А. 2014.

8 Makarychev, Morozov 2014.

9 Лебедева 2013.

10 Истомин, Байков 2015.

a unique approach to studying IR, explaining why Russian authors are not welcomed in American journals.¹ Istomin's study shows that Russian dissertation research on IR from 2000 to 2010 generally reflects key directions of Russian foreign policy formulated in official conceptual documents. Another conspicuous feature is perceiving the world as a set of regions interacting and competing with each other, a perspective prevalent in most studies.² Currently, Russia has advanced in regional studies³ as a meta-discipline linking country studies with global theories.⁴

Among the challenges faced by Russian IR are hyper-theorization, insufficient empirical material, and the financial crisis in Russian science.⁵ The collapse of the Marxist paradigm continues to affect the general state of Russian social sciences.⁶ To confront these hurdles, several prescriptions have been written out. Marina M. Lebedeva calls for creating a unified political theory beyond pure international relations to avoid the "provincialization" of Russian science.⁷ Andrei Tsygankov suggests that moderate isolationism, pragmatic cooperation with the outside world, and deeper knowledge of cultural perceptions would tackle or, at least, mitigate the crisis in Russian IR.⁸

Researchers still disagree on whether the Russian school has fully formed. Lebedeva, Kharkevich, and Tsygankovs offer a negative answer to this question. Kuznetsov and Kozinets respond positively, emphasizing that the crisis of global IR has contributed to the formation of new national schools in the non-Western world.⁹ Thus, they place the Russian school in this category.

The presented literature review reveals that researchers are inclined to typologize Russian studies. They tend to generate predominantly prescriptive arguments or recount the evolution of Russian IR. Some works address topics; yet methodology and source selection are often not explicitly detailed, except in Istomin's article.

Methodology

Data processing and corpus refinement

The article utilizes the OpenAlex bibliographic database, the successor to the Microsoft Academic Graph (MAG). MAG was designed as an open alternative to Google Scholar and gained popularity due to its metadata provided under a permissive open license. The database includes over 250 million records of publications from 230,000 sources, organized into scientific objects such as authors, articles, organizations, publishers, and funding bodies.¹⁰

The data was extracted by the "International Relations" concept with filters for country and affiliation. Additional refinement was achieved through a full-text search for

1 Фененко 2016.

2 Истомин 2018.

3 The term "regional studies" better conveys the semantic content of Russian *zarubezhnoye regionovedeniye* than "area studies." The latter is a purely practical discipline with an apparent skew toward particular non-Western regions, which mostly exploits economic methods. See: Bates 1997.

4 Воскресенский 2020.

5 Цыганков А., Цыганков П. 2003.

6 Российская наука международных отношений ... 2005.

7 Алексеева, Лебедева 2016.

8 Tsygankov A. 2003; 2014.

9 Кузнецов, Козинец 2016.

10 OpenAlex technical documentation, accessed June 1, 2024, <https://docs.openalex.org/>.

the word “theory” and its derivatives. The results of the query are presented in Table 1. Despite the applied filters, some topics unrelated to the theory of international relations remained; this inaccuracy cannot be corrected during data extraction, as concepts are automatically formed based on the Leiden University language model.¹ The final corpus² comprises 14,177 publications from January 1, 2000, to May 11, 2024.

To analyze and thematically model the text, primary data processing is necessary due to the following inaccuracies in the corpus:

1. Not all articles in the dataset have abstracts, which excludes the possibility of thematic modeling. These publications have been removed. Given that a plethora of articles written in the 1990s contained no abstracts, we have decided to focus more on 21st century publications, removing this methodological obstacle. On top of that, the 1990s saw financial and personnel shortages, exacerbated by the creeping geopolitization of Russian IR, which greatly impinged on the theoretical understanding of world politics during this period.³ Meanwhile, the 21st century has brought about a renaissance in this discipline, which is implicitly illustrated by inexorable indexing of Russian IR papers in international databases, including OpenAlex.

2. The abstracts are written in different languages (English, Russian, or both). Using the cld3⁴ neural network, the language was automatically determined, and the Russian-language texts were translated into English via the Google Translate API.⁵ This operation standardized the texts, but reduced the accuracy of the model due to the limitations of machine translation.

3. Different forms of the same word (e.g., “look” and “looks”) are considered different objects from a computational perspective. Therefore, lemmatization⁶ was performed to standardize word forms.

4. Stop words (pronouns, particles) and high-frequency words that do not carry significant semantic weight (e.g., “author,” “analyze,” “examine,” “article,” “issue,” “attention,” “use”) were removed. Additionally, punctuation marks and service characters were excluded.

As a result of these procedures, the size of the corpus was reduced to 13,705 articles.

Topic modelling

To depict the thematic structure of corpus, this research employs the Structural Topic Model (STM). STM is a statistical model used to analyze and interpret textual data, such as documents, articles, or other forms of text content. It extends traditional models, such as Latent Dirichlet Allocation, by incorporating metadata and document-level covariances. The model not only determines the thematic structure, but also explores the relationships between topics. STM is particularly useful for large text

1 OpenAlex Topics, accessed June 1, 2024, <https://docs.openalex.org/api-entities/topics>; N. J. van Eck and L. Waltman, “An Open Approach for Classifying Research Publications,” Leiden Madtricks, January 24, 2024, accessed June 1, 2024, <https://www.leiden-madtricks.nl/articles/an-open-approach-for-classifying-research-publications>.

2 The corpus is a text database.

3 Косолапов 2006, 99.

4 “Compact Language Detector v3 (CLD3),” Github, accessed June 1, 2024, <https://github.com/google/cld3>.

5 “Package ‘polyglot,’” accessed June 1, 2024, <https://cran.r-project.org/web/packages/polyglot/polyglot.pdf>.

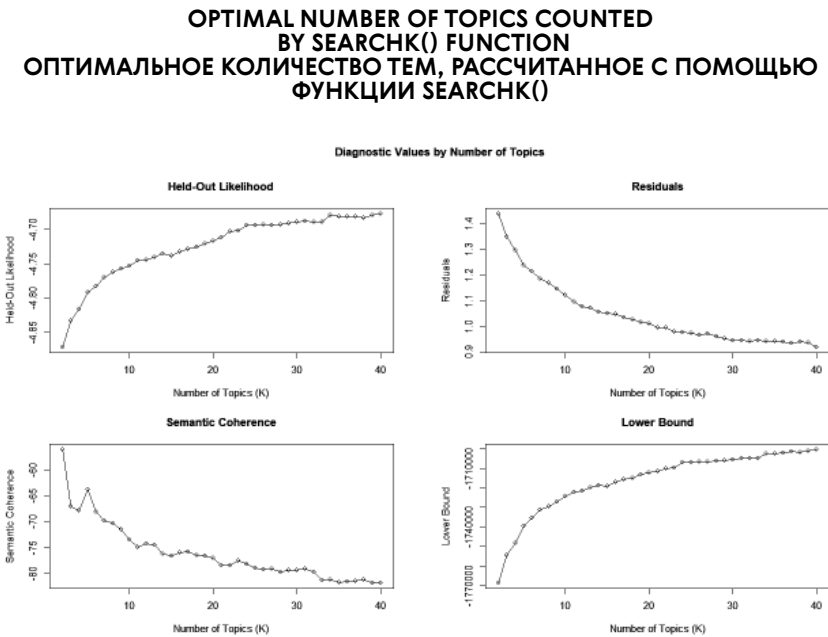
6 Lemmatization includes methods of reducing words to the infinitive form.

arrays and cases requiring the study of connections between topics.

A common issue in thematic modeling is choosing the number of topics. This decision can be guided by additional metrics. The stm package includes the function searchK(), which provides the following metrics to determine the optimal number of topics (the results are shown in *Figure 1*):

- 1. Semantic Coherence: In semantically coherent models, words within the same topic should co-occur within the same document.¹ This metric is based primarily on FREX (Frequency and Exclusivity), which identifies words that are both frequent in and exclusive to a topic of interest.²
- 2. Residual dispersion: When the model is correctly specified, the multinomial likelihood implies a residual dispersion of $\sigma^2 = 1$. If the value is greater than one, the number of topics is likely set too low.³
- 3. Held-out Likelihood: These functions use the document completion method to create and evaluate held-out likelihood. The idea is to hold out a fraction of the words in a set of documents, train the model and use the document-level latent variables to evaluate the probability of the held-out portion.

Figure 1.

Source: Authors’ calculations based on the OpenAlex database.

1 Mimno et al. 2011.
2 Bischof, Airol di 2012; Roberts et al. 2014.
3 Taddy 2012.

Table 1.

SAMPLE OF OPENALEX DATASET
ПРИМЕР НАБОРА ДАННЫХ OPENALEX

display_name	publication_date	primary_location_landing_page_url
Segregation and the Quality of Government in a Cross Section of Countries	2011-08-01	https://doi.org/10.1257/aer.101.5.1872
Decentralization and political institutions	2007-12-01	https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2007.02.006
Planning and designing open government data programs: An ecosystem approach	2016-01-01	https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.01.003
How to compare regional powers: analytical concepts and research topics	2010-10-01	https://doi.org/10.1017/s026021051000135x
The Joint Design of Unemployment Insurance and Employment Protection: A First Pass	2008-03-01	https://doi.org/10.1162/jeea.2008.6.1.45
Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches	2005-12-01	https://doi.org/10.1080/14650040500318415
Shock Therapy versus Gradualism Reconsidered: Lessons from Transition Economies after 15 Years of Reforms	2007-02-28	https://doi.org/10.1057/palgrave.ces.8100182
Vladimir Putin's last stand: the sources of Russia's Ukraine policy	2015-02-04	https://doi.org/10.1080/1060586x.2015.1005903
Disinformation and the media: the case of Russia and Ukraine	2017-01-06	https://doi.org/10.1177/0163443716686672
Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results	2017-03-01	https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.02.004
COVID-19 pandemic as a trigger for the acceleration of the cybernetic revolution, transition from e-government to e-state, and change in social relations	2022-02-01	https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121348
Universities vs. research institutes? Overcoming the Soviet legacy of higher education and research	2022-10-10	https://doi.org/10.1007/s11192-022-04527-y
Analytical aspects of anti-crisis measures of public administration	2023-01-24	https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-4-5-13
Incompatibility of political strategies as a labile external cause of a geopolitical conflict: a milestone goal of the parties	2024-01-09	https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.6.14-22
Trends in Western strategy: compression of the «Anaconda loops»	2024-01-09	https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.6.34-45
Involution and Destitution in Capitalist Russia	2000-07-01	https://doi.org/10.1177/14661380022230633
The Effective Number of Parties	2009-09-10	https://doi.org/10.1177/1354068809339538
Performance incentives and economic growth: regional officials in Russia and China	2015-07-04	https://doi.org/10.1080/15387216.2015.1089411
Inside the post-Soviet de facto states: a comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia, and Transnistria	2014-09-03	https://doi.org/10.1080/15387216.2015.1012644
Central Asia — twenty-five years after the breakup of the USSR	2017-09-01	https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.09.005
Imperial nostalgia or prudent geopolitics? Russia's efforts to reintegrate the post-Soviet space in geopolitical perspective	2014-04-14	https://doi.org/10.1080/1060586x.2014.900975
Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery	2016-01-01	https://doi.org/10.1007/978-3-319-41262-7

Source: Authors' calculations based on the OpenAlex database.

Table 2.

RESULTS OF STM
РЕЗУЛЬТАТЫ STM

Topic 1 Top Words:	Highest Prob: concept, content, understand, term, theoretical, basis, reveal FREX: concept, content, understand, term, theoretical, basis, reveal Lift: content, concept, understand, term, theoretical, reveal, basis Score: content, concept, understand, theoretical, term, reveal, basis
Topic 2 Top Words:	Highest Prob: russian, federation, devote, note, good, regard, discuss FREX: federation, russian, devote, note, discuss, regard, current Lift: federation, russian, devote, note, regard, discuss, current Score: federation, russian, russia, devote, regard, discuss, note
Topic 3 Top Words:	Highest Prob: historical, history, science, modern, note, much, different FREX: historical, science, history, modern, note, different, much Lift: science, historical, history, modern, note, different, place Score: science, history, historical, modern, note, century, place
Topic 4 Top Words:	Highest Prob: political, party, result, can, lead, change, reason FREX: party, political, result, lead, reason, change, can Lift: party, political, reason, lead, give, however, change Score: party, political, country, result, change, lead, can
Topic 5 Top Words:	Highest Prob: law, comparative, international, modern, conclusion, order, subject FREX: law, comparative, subject, conclusion, order, point, give Lift: law, comparative, subject, point, order, give, conclusion Score: law, comparative, international, subject, modern, order, conclusion
Topic 6 Top Words:	Highest Prob: education, high, institution, level, develop, development, experience FREX: education, high, institution, level, develop, experience, change Lift: education, high, institution, level, experience, need, develop Score: education, high, institution, level, system, field, development
Topic 7 Top Words:	Highest Prob: war, great, world, first, reason, show, new FREX: war, great, world, first, reason, show, numb Lift: war, great, reason, world, first, show, numb Score: war, great, world, first, reason, show, numb
Topic 8 Top Words:	Highest Prob: state, regional, current, level, context, problem, base FREX: regional, state, current, level, context, problem, reason Lift: regional, state, current, level, context, reason, condition Score: regional, state, current, level, context, mechanism, problem
Topic 9 Top Words:	Highest Prob: right, implementation, good, way, particular, regard, problem FREX: right, implementation, way, particular, regard, relate, good Lift: right, implementation, particular, way, regard, relate, create Score: right, implementation, way, particular, good, regard, mean
Topic 10 Top Words:	Highest Prob: european, union, country, good, new, far, conclude FREX: european, union, country, far, good, conclude, experience Lift: union, european, country, far, conclude, experience, good Score: union, european, country, good, new, far, experience
Topic 11 Top Words:	Highest Prob: cultural, people, culture, phenomenon, modern, context, form FREX: cultural, culture, people, phenomenon, context, modern, different Lift: culture, cultural, people, phenomenon, context, example, modern Score: culture, cultural, people, phenomenon, modern, form, context
Topic 12 Top Words:	Highest Prob: national, security, strategy, field, goal, need, aim FREX: national, security, strategy, field, goal, aim, need Lift: security, national, strategy, goal, field, need, aim Score: security, national, strategy, field, goal, need, approach
Topic 13 Top Words:	Highest Prob: work, reveal, carry, devote, make, result, good FREX: work, carry, reveal, devote, note, result, make Lift: carry, work, reveal, devote, note, create, aspect Score: carry, work, reveal, devote, result, make, study
Topic 14 Top Words:	Highest Prob: s, view, role, focus, good, make, understand FREX: s, view, focus, role, point, aim, understand Lift: s, view, focus, role, point, note, understand Score: s, view, focus, role, understand, make, first
Topic 15 Top Words:	Highest Prob: russia, relation, cooperation, country, two, sphere, current FREX: russia, cooperation, relation, country, two, sphere, current

- Lift: cooperation, russia, relation, two, sphere, country, current
Score: cooperation, russia, relation, country, two, sphere, field
- Topic 16 Top Words:
Highest Prob: system, information, function, mean, type, new, condition
FREX: information, system, function, mean, type, condition, new
Lift: information, system, function, mean, type, create, condition
Score: information, system, function, type, mean, new, condition
- Topic 17 Top Words:
Highest Prob: interest, conflict, situation, different, regard, reason, problem
FREX: conflict, interest, situation, different, regard, reason, however
Lift: conflict, interest, situation, regard, different, reason, however
Score: conflict, interest, situation, different, regard, however, reason
- Topic 18 Top Words:
Highest Prob: power, model, can, structure, make, two, one
FREX: power, model, can, structure, two, one, make
Lift: power, model, can, structure, two, different, create
Score: power, model, can, structure, two, make, one
- Topic 19 Top Words:
Highest Prob: legal, regulation, relation, nature, method, subject, basis
FREX: legal, regulation, nature, subject, method, mechanism, relation
Lift: legal, regulation, nature, mechanism, phenomenon, subject, mean
Score: legal, regulation, method, relation, mechanism, subject, nature
- Topic 20 Top Words:
Highest Prob: approach, practice, principle, case, propose, subject, establish
FREX: principle, practice, case, approach, propose, subject, establish
Lift: principle, case, practice, propose, approach, subject, establish
Score: principle, case, practice, approach, propose, subject, establish
- Topic 21 Top Words:
Highest Prob: influence, factor, socio, process, determine, change, context
FREX: factor, influence, socio, determine, process, context, change
Lift: socio, factor, influence, process, impact, determine, context
Score: socio, factor, influence, process, determine, change, political
- Topic 22 Top Words:
Highest Prob: military, force, special, general, role, condition, increase
FREX: military, force, special, general, role, condition, increase
Lift: military, force, special, general, role, condition, pay
Score: military, force, special, general, role, increase, condition
- Topic 23 Top Words:
Highest Prob: soviet, period, year, show, create, role, numb
FREX: soviet, period, year, show, create, numb, role
Lift: soviet, period, year, create, show, numb, reason
Score: soviet, period, year, show, create, numb, first
- Topic 24 Top Words:
Highest Prob: value, idea, modern, understand, mean, base, nature
FREX: value, idea, modern, mean, understand, nature, base
Lift: value, idea, modern, understand, mean, nature, basis
Score: value, idea, modern, understand, mean, nature, base
- Topic 25 Top Words:
Highest Prob: process, government, will, lead, make, impact, role
FREX: government, process, will, lead, impact, make, however
Lift: government, will, process, lead, impact, make, however
Score: government, will, process, lead, impact, increase, make
- Topic 26 Top Words:
Highest Prob: policy, foreign, country, goal, relation, main, focus
FREX: foreign, policy, goal, country, focus, main, relation
Lift: foreign, policy, goal, focus, country, key, regard
Score: foreign, policy, country, relation, goal, main, focus
- Topic 27 Top Words:
Highest Prob: much, time, one, century, first, become, new
FREX: time, century, much, begin, become, first, one
Lift: begin, century, time, many, since, year, become
Score: begin, century, time, much, first, year, become
- Topic 28 Top Words:
Highest Prob: region, potential, area, development, far, level, increase
FREX: region, potential, area, far, level, development, increase
Lift: region, potential, area, far, level, increase, aim
Score: region, potential, area, level, development, far, increase
- Topic 29 Top Words:
Highest Prob: economic, country, development, economy, develop, increase, good
FREX: economic, country, economy, development, increase, develop, impact
Lift: economy, economic, country, development, increase, impact, develop
Score: economy, economic, country, development, increase, develop, impact
- Topic 30 Top Words:
Highest Prob: support, create, far, term, much, good, among
FREX: support, create, far, term, among, much, goal
Lift: support, create, far, term, among, goal, view
Score: support, create, term, far, much, among, year
- Topic 31 Top Words:
Highest Prob: study, research, scientific, method, field, theoretical, problem
FREX: research, scientific, study, field, method, theoretical, comparative

	Lift: scientific, research, theoretical, field, study, method, comparative Score: scientific, research, study, method, theoretical, field, comparative
Topic 32 Top Words:	Highest Prob: activity, form, organization, special, pay, structure, various FRET: activity, organization, form, pay, special, structure, various Lift: organization, activity, form, pay, special, structure, various Score: organization, activity, form, special, pay, structure, type
Topic 33 Top Words:	Highest Prob: material, source, document, fact, base, good, study FRET: source, document, material, fact, base, basis, good Lift: document, source, material, fact, base, relate, basis Score: document, material, source, fact, base, study, good
Topic 34 Top Words:	Highest Prob: within, framework, interaction, exist, mechanism, context, good FRET: framework, within, interaction, exist, mechanism, context, specific Lift: framework, within, interaction, exist, mechanism, context, point Score: framework, within, interaction, mechanism, exist, context, specific
Topic 35 Top Words:	Highest Prob: development, main, consider, formation, present, feature, stage FRET: formation, stage, feature, main, development, present, consider Lift: stage, formation, feature, describe, trend, main, present Score: stage, development, formation, feature, main, present, consider
Topic 36 Top Words:	Highest Prob: public, part, sphere, good, way, relation, general FRET: public, part, sphere, way, relate, general, relation Lift: public, part, sphere, way, relate, function, conclude Score: public, part, sphere, relation, way, function, general
Topic 37 Top Words:	Highest Prob: result, study, method, base, group, numb, datum FRET: result, group, datum, method, numb, identify, level Lift: datum, group, result, numb, identify, level, show Score: datum, result, method, group, study, identify, level
Topic 38 Top Words:	Highest Prob: social, society, life, sphere, new, modern, change FRET: social, society, life, sphere, new, change, modern Lift: social, society, life, sphere, modern, phenomenon, new Score: social, society, life, sphere, modern, new, change
Topic 39 Top Words:	Highest Prob: international, world, global, order, new, role, context FRET: international, global, world, order, new, key, context Lift: global, international, world, order, new, key, context Score: global, international, world, order, new, relation, country
Topic 40 Top Words:	Highest Prob: take, place, account, need, experience, make, develop FRET: take, account, place, need, experience, develop, make Lift: account, take, place, need, experience, due, possible Score: account, take, place, need, experience, develop, make

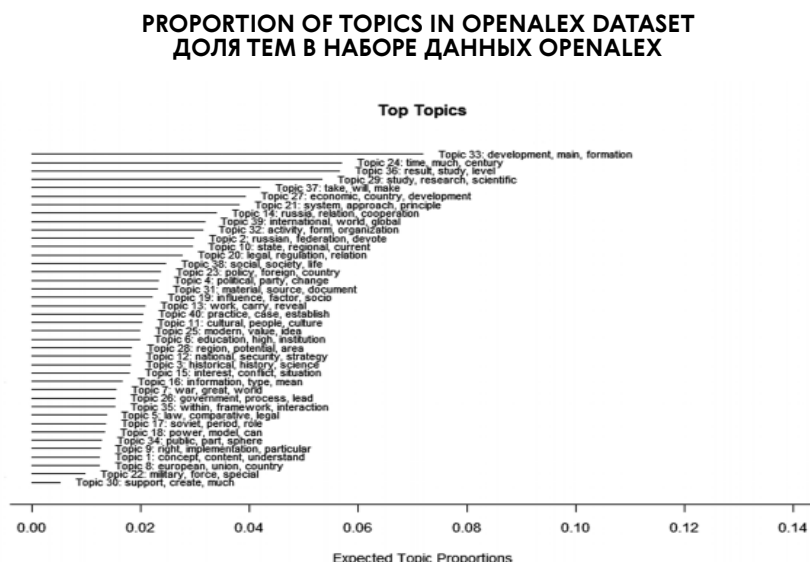
Source: Authors’ calculations based on the OpenAlex database.

Some topics may partially overlap with other branches of political science (e.g., 36 and 38), such as political institutions and public administration. This overlap underscores the interdisciplinary nature of IR as an academic field, demonstrated by the incorporation of international law, world economics, and history into IR research. Such integration highlights the intricate interconnections within all spheres of the political domain especially when it comes to global governance, international regimes and public diplomacy.

We then interpreted the topics based on the derived keywords. Previous attempts to summarize Russian IR trends were crucial for understanding our topic modeling output. The inference process followed this algorithm:

1. We excluded topics that had general scientific or structural meanings but did not carry a substantial meaning.
2. We interpreted each topic based on trends identified in the meta-review.
3. We grouped related topics by their general semantic proximity.
4. We identified the frequency of the studied topics (Figure 2).
5. We compared our results with the dominant perceptions of Russian IR.

Figure 2.

Source: Authors' calculations based on the OpenAlex database.

Results and Interpretation

The above-mentioned topics can be categorized into several distinct blocks based on the content presented. Insofar as a single research paper may encompass a complex array of interdisciplinary themes, it is natural to group them together. Yet, certain topics (4, 13, 20, 30, 31, 33, 37, 40) were omitted at this stage due to a lack of identifiable content. After describing and interpreting the remaining 32 topics, we assessed their relative significance for Russian IR.

The first topic explores the theoretical aspects of the IR sphere ("concept," "theoretical"). Although most IR articles and monographs aim to deliver practical results and recommendations, they are grounded in conceptual foundations. Unsurprisingly, Russia holds a central place in the academic literature on this matter. The emergence of the Russian Federation coincided with global changes at the end of the 20th century (Topic 2: "russian," "federation"). Studying national foreign policy forms the basis of any national IR school. Some scholars may prioritize exploring foreign policy and national security strategy over other issues (Topic 12: "national," "strategy," "goal," "aim"). This observation may also relate to the consensus in the Russian academic environment on prioritizing the role of states in world politics. By the same token, bilateral relations remain a highly relevant issue (Topic 15: "russia," "relation," "cooperation," "two"). For a long time, Russian academia focused primarily on Moscow's interaction with other global stakeholders. While international relations are replete with conflicts and crises, cooperation continues to captivate Russian IR theorists.

During the Soviet period, political science was viewed as a product of the capitalist world. Consequently, political processes in the international arena were mostly interpreted from a historical perspective (Topic 3: "historical," "history," "modern"). This historical interpretation persists among some Russian scholars, often with timeframes

not extending beyond the 21st century. It can be attributed to the robust historical school in the country and university curriculums that present IR as a historical narrative rather than comprehensive political knowledge. Additionally, scholars examine the Cold War and the Soviet Union's role in establishing and maintaining the post-war world order (Topic 23: "soviet," "period," "role"). To date, the processes triggered by the bipolar confrontation between Moscow and Washington have dictated world politics. Most issues raised by leading theorists during the second half of the 20th century remain unresolved (Topic 27: "time," "century," "new"). Thus, the new millennium compels Russian scholars to integrate the Soviet legacy into international findings and acknowledge the challenges of the new era.

The international legal dimension of political engagement was slightly affected by ideological overtones, which is why Soviet approaches in this realm were actively employed well after the USSR's dissolution. Practical experience and theoretical studies conducted at the crossroads of law and politics inspire Russian IR theorists (Topic 5: "law," "comparative," "international," "order"). Both the Soviet Union and the Russian Federation advocated for their rights in the international field (Topic 9: "right," "implementation," "problem"). The Russian IR school takes stock of the legal background in world politics (Topic 19: "legal," "regulation," "relation," "nature"). In the same vein, the English school relied heavily on legal assumptions put forward by modern-era jurists and philosophers. Amidst escalating sanctions and legal standoffs between Russia and the West, this topic is likely to attract ever-increasing attention from domestic scholars. A multidisciplinary approach is called for in this type of research, promising valuable insights. The importance of a legal framework holds not only for bilateral relations, but also for the workings of international organizations.

Studies addressing war-related issues enjoy a special place in IR, with the Russian school being no exception. The major problem theorists grapple with concerns the means for achieving peace. Consequently, the scope of world wars, local and regional conflicts, internationalization, and intervention arise anew, including the protracted global confrontation between Russia and the West (Topic 7: "war," "great," "world," "reason"). Nuclear capabilities have also become an inherent feature of war studies. The evolution of armed forces, both conventional and unconventional, commands special attention. Theorists have yet to determine which qualitative traits will prevail in the 21st century (Topic 22: "military," "force," "role," "condition"). The global upsurge of armed struggles reveals the banality of war and its inexorable transformation due to ongoing technological development. Russian experts are also interested in the genesis of armed conflicts and related matters (Topic 17: "interest," "conflict," "situation," "reason," "problem").

Alongside the existential dichotomy between war and peace, world order is equally significant among theorists. The Russian school attends to this aspect with greater interest, given Moscow's role as one of the two centers of power during the Cold War (Topic 39: "international," "world," "global," "order"). Russia's standing in the post-bipolar world is central to its scholars (Topic 14: "role," "point"). Since the 1990s, numerous publications have analyzed the liberal world order under the United States and its potential demise, as well as the transformation from a unipolar to a multipolar world. System structure and the conditions governing actors in this field are typically deemed to be derived units of analysis (Topic 16: "system," "condition"). The Russian

school endorses the systemic approach to examine how the system functions (Topic 32: "form," "organization," "structure"). Power, with its distribution impacts directly to structure, is a major component within this paradigm (Topic 18: "power," "model," "structure"). The same holds true for the concept of influence which mirrors some properties of power (Topic 21: "influence," "factor," "process"). What is more, studies on world order and system are often undergirded by neorealist assumptions.

Foreign policy analysis (FPA) is a specific offshoot of the Russian IR school, aimed at analyzing and projecting the country's foreign policy (Topic 26: "policy," "foreign," "goal," "relation"). Russian scholars zero in on detecting the implications of a given FP action and analyzing foreign policy goals. Decision-making in this area is partly explored by tracing bureaucratic practices and interest groups (Topic 25: "process," "government," "impact"). This is further supported by examining other state institutions regarding their influence on foreign policy. This cluster of topics overlaps with Topic 12 insofar as foreign policy processes shape strategies and doctrines. Among other things, FPA also conceptualizes various means of interaction with other actors (Topic 34: "interaction," "mechanism"), transcending the boundaries of international relations and world politics. At the end of the day, despite the insularity of foreign policy decision-making, it determines, by and large, foreign policy outcomes (Topic 36: "public," "sphere," "relation," "general").

The axiological dimension of IR, dealing with normative-value aspects of international politics and its ideological pillars, is also noteworthy (Topic 24: "value," "idea," "base," "nature"). The cultural aspect of world politics belongs to this trend. In this case, Russian scholars examine how actions should be conducted in the international realm (Topic 11: "culture," "modern," "context"). Strategic or diplomatic culture is studied from this standpoint. With a few reservations, soft power can be included in this cluster. Higher education as a conduit of culture strengthens institutions and disseminates norms (Topic 6: "education," "high," "institution," "development"). These topics reflect the evolution of modern society, albeit from an IR perspective (Topic 38: "society," "modern," "change").

Economic development in countries and regions is another dominant trend in the Russian school. Researchers resort to political economy analysis to appropriately assess situations (Topic 28: "region," "potential," "area," "development," "increase"). In particular, they emphasize disparities in development between rich and poor countries and explore ways to bridge this gap (Topic 35: "development," "main," "formation," "stage"). International political economy is often employed when studying Latin America and Africa (Topic 29: "economic," "country," "development," "economy," "develop," "increase"). In addition, development studies frequently draw on neo-Marxist theories, including those on modernization and the world-system. Recently, it has become popular to approach development through analytical dichotomies such as the Global North and the Global South, or the West and the Rest. Some studies adopt a postcolonial perspective, attributing the dire situation in the Third World to colonial backgrounds and attempts by former colonial powers to maintain control, *inter alia*, by means of economic leverage.

Regional studies constitute a key element of the Russian IR school, stemming from the obvious need to train specialists for future work in the Ministry of Foreign Affairs and analytical centers associated with it (Topic 8: "state," "regional," "level"). However,

of all regions, supranational organizations and countries, European states in particular and the European Union in general dominate the field (Topic 10: "european," "union," "country"). The neighborhood effect may be the reason behind it. For more than two decades after the collapse of the Soviet Union, Moscow aimed to bolster relations with Europe. However, relations deteriorated significantly in the wake of the Ukraine crisis. Nevertheless, the demand for research on the EU and its member states' policies remains high, given the EU's geographical proximity to Russia's densely populated regions.

Having unraveled the meaning of all the topics, we now evaluate their frequency in sampled academic papers, which does not necessarily correspond to the topic's number in Table 2. This analysis reveals a distinct thematic landscape within Russian academic discourse on international relations. The most frequently referenced topics are those driven by value-based considerations, particularly in the context of external and world politics, as well as foreign policy issues. These topics are outpaced by Russia's foreign policy and associated themes, indicating a strong focus on national interests and regional dynamics.

World order maintains its traditional prominence in Russian academic discourse, with legal aspects of international interaction closely trailing behind. This suggests a strong emphasis on legal and normative frameworks governing global affairs. Culture and higher education, while present, occupy a less prominent segment within the sample, possibly to their narrower scope and potential lack of direct relevance to the dominant focus on geopolitics and national interests.

Historically conditioned topics, though important for providing contextual understanding, are not as widely represented. This suggests a preference for analyzing contemporary issues and their immediate implications. Similarly, war and peace theory, despite its foundational importance, receives relatively limited attention within the sample. The presence of European Studies as a thematic area is noteworthy, signifying its significance within the field. Finally, the limited attention paid to directly theoretical issues of international relations concerning the development of new concepts highlights a potential gap in the field.

Discussion

The analysis reveals several anomalies that were scarcely addressed in earlier works. The legacy of the Soviet era, particularly Marxism-Leninism, persists in thematic rather than paradigmatic forms. Developmental issues, in various iterations, are disproportionately represented, highlighting the dynamic nature of Russian studies, which focus on change rather than the static condition of international relations. A notable emphasis on inequality and justice, whether in bilateral relations, shaping the world order, or resource distribution, is prevalent across many works, spanning different branches of IR (Topics 33, 27).

The systemic approach continues to dominate Russian IR, partially overlapping with country or regional specificity in the works of Russian scholars. Even classical research designs focusing on bilateral relations or regional dynamics strive to fit into the global context of world politics (Topics 21, 10). This reflects an ongoing effort to integrate local knowledge into the broader framework and laws of world politics (Topic 20).

Traditional attention to Russian foreign policy and Russia's role within the international system remains closely linked to the country's increasing great-power status. While earlier researchers and policymakers primarily focused on identity issues during the first decade of the Russian Federation, the emphasis has since shifted towards strengthening and maintaining this status (Topic 2).

Despite tempestuous relations with European states and Brussels, Europe enjoys a prominent place in Russian works. While the topic's frequency is not as robust as in global-issue topics, Europe and its related entities are the only ones that figure in topic modeling. Other regions and actors have not received the same treatment.

Interestingly, topics related to education and culture have overtaken those of conflict, strategy, and national security (Topics 11, 6, 12). This paradox may be attributed to Russia's commitment to enhancing cooperation, initially with the West and, after 2014, primarily with the rest of the world. Yet, it is worth adding an important caveat that this may also be explained by the features of the data or the way OpenAlex indexes items.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеева, Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М.: Аспект Пресс, 2019.

Alekseeva, Tatiana A. *Theory of International Relations as a Political Philosophy and Science*. Moscow: Aspekt Press, 2019 [In Russian].

Алексеева, Т. А., Лебедева, М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 29–43. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.03>.

Alekseeva, Tatiana A., Lebedeva, Marina M. "What Is Happening to the Theory of International Relations." *Polis. Political Studies*, no. 1 (2016): 29–43 [In Russian].

Антюхина-Московченко, В.И., Злобин, А.А., Хрусталева, М.А. Основы теории международных отношений: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: МГИМО, 1988.

Antyukhina-Moskovchenko, Vera I., Zlobin, Anatoly A., Khrustalev, Mark A. *Fundamentals of the Theory of International Relations: A Textbook*. 2nd ed., revised. and add. Moscow: MGIMO Universitet, 1988 [In Russian].

Богатуров, А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 1. С. 16–33.

Bogaturov, Alexei D. "The Concept of World Politics in Theoretical Discourse." *International Trends*, no. 1 (2004): 16–33 [In Russian].

Богатуров, А.Д. От системной истории к российской теории международных отношений. Интервью с профессором Алексеем Демосфеновичем Богатуровым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 3. С. 574–584. doi: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-574-584.

Bogaturov, Alexei D. "From Systemic IR History to the Russian IR Theory. Interview with Professor Alexei D. Bogaturov." *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 3 (2020): 574–584 [In Russian].

Богатуров, А.Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 195–202.

Bogaturov, Alexei D. "Ten Years of the Development Paradigm." *Pro et Contra*, no. 1 (2000): 195–202 [In Russian].

Богатуров, А.Д. Реалистическая тенденция в российской теории международных отношений // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2003. № 4. С. 3–21.

Bogaturov, Alexei D. "The Realist Trend in Russian Theory of International Relations." *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 4 (2003): 3–21 [In Russian].

Воскресенский, А.Д. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа. Интервью с Алексеем Дмитриевичем Воскресенским, профессором МГИМО МИД России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 356–366. doi: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-356-366.

Voskressenski, Alexei D. "World Regional Studies as a Research Approach and Scientific School. Interview with Alexei D. Voskressenski, Professor, MGIMO University." *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 2 (2020): 356–366 [In Russian].

Истомин, И.А., Байков, А.А. Сравнительные особенности отечественных и зарубежных журналов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2. С. 114–140. DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.9.

Istomin, Igor A., Baykov, Andrey A. "Russian and International Publication Practices: A Comparative Study of IR Scholarly Journals." *International Trends*, no. 2 (2015): 114–140 [In Russian].

Истомин, И.А. Сравнительный анализ приоритетов российской внешней политики и научно-образовательного сообщества специалистов по международным отношениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 162–185. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185.

Istomin, Igor A. "Comparative Analysis of the Russian Foreign Policy Priorities and Research Interests of the National Academic Community." *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 1 (2018): 162–185 [In Russian].

Лебедева, М.М. Российские исследования и образование в области международных отношений: 20 лет спустя; РСМД. М.: Спецкнига, 2013.

Lebedeva, Marina M. *Russian Studies and Education in International Relations: 20 Years Later*; RIAC. Moscow: Spetskniga, 2013 [In Russian].

Косолапов, Н.А. Исследования международных отношений: логика идей, интересов, политики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 4. С. 93–99. DOI:10.20542/0131-2227-2006-4-93-99

Kosolapov, Nikolai A. "International Relations Studies: The Logic of Ideas, Interests, and Politics." *World Economy and International Relations*, no. 4 (2006): 93–99 [In Russian].

Косолапов, Н.А. Тема 2. Теоретические исследования международных отношений: Современное состояние науки // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 2. С. 67–79. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-1998-2-67-79>.

Kosolapov, Nikolai. "Theoretical studies of international relations: Current state of science." *World Economy and International Relations*, no. 2 (1998): 67–79.

Кузнецов, А.М., Козинец, А.И. «Незападные» школы международных отношений: углубление фрагментации или выход из кризиса теории? // *Россия в АТР: роль, интересы и приоритеты обеспечения региональной безопасности и ускоренного экономического развития* / под ред. А.Б. Волынчука. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. С. 12–46.

Kuznetsov, Anatoly M., Kozinets, Andrey I. "Non-Western schools of international relations: deepening fragmentation or a way out of the crisis of theory?" In *Russia in the Asia-Pacific Region: Role, Interests and Priorities for Regional Security and Accelerated Economic Development*, edited by Andrey Volynchuk, 12–46. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2016 [In Russian].

Лебедева, М.М., Харкевич, М.В. Теория международных отношений в зеркале современных российских исследований // *Вестник МГИМО-Университета*. 2016. № 5. С. 7–19. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-5-50-7-19>.

Lebedeva, Marina M., Kharkevich, Maksim V. "Theory of International Relations in the Mirror of Contemporary Russian International Studies." *MGIMO Review of International Relations*, no. 5 (2016): 7–19 [In Russian].

Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / отв. ред. А.А. Кокошин, А.Д. Богатров. М.: КомКнига, 2004.

Kokoshin, Andrey A., Bogaturov, Alexei D., eds. *World Politics: Theory, Methodology, Applied Analysis*. Moscow: KomKniga, 2004 [In Russian].

Нойманн, И. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М.: Новое издательство, 2004.

Neumann, Iver B. *Uses of the Other. The 'East' in European Identity Formation*. Moscow: KomKniga, 2004 [In Russian].

Основы теории международных отношений: опыт ИМЭМО в 1970-е годы / под ред. Н.Н. Иноземцева. М.: Аспект Пресс, 2022.

Inozemtsev, Nikolai N., ed. *Essentials of International Relations Theory: IMEMO Experience in the 1970s*. Moscow: Aspekt Press, 2022 [In Russian].

Проблемы теории международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения*. 1969. № 9. С. 88–106; № 10. С. 78–99.

"Problems of International Relations Theory." *World Economy and International Relations*, no. 9; 10 (1969): 88–106; 78–99 [In Russian].

Российская наука международных отношений: Новые явления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганова. М.: Per Se, 2005.

Tsygankov, Andrei P., Tsygankov, Pavel A., eds. *Russian Science of International Relations: New Phenomena*. Moscow: Per Se, 2005 [In Russian].

Тюлин, И.Г. Исследования международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра // *Космополис*. Альманах. 1997. С. 18–28.

Tyulin, Ivan G. "Studies of International Relations in Russia: Past, Present, and Future." *Cosmopolis Almanac* (1997): 18–28 [In Russian].

Фененко, А.В. Почему в Америке не любят публиковать российских авторов? // *Международные процессы*. 2016. Том 14. № 1. С. 171–180.

Fenenko, Alexei V. "Why Americans Do Not Like to Publish Russian Authors?" *International Trends*, no. 1 (2016): 171–180 [In Russian].

Хрусталева, М.А. Две ветви ТМО в России // *Международные процессы*. 2006. Т. 4. № 2. С. 119–128.

Khrustalev, Mark A. "Two Branches of IR Theory in Russia." *International Trends*, no. 2 (2006): 119–128 [In Russian].

Хрусталева, М.А. Основы теории внешней политики государства. М.: УДН, 1984.

Khrustalev, Mark A. *Foundations of the Theory of the State Foreign Policy*. Moscow: UDN, 2006 [In Russian].

Цыганков, А.П. Российская теория международных отношений: какой ей быть // *Сравнительная политика*. 2014. № 2. С. 65–81. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-2\(15-16\)-24-30](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-2(15-16)-24-30).

Tsygankov, Andrei P. "Russia International Relations Theory: What Should it be Like?" *Comparative Politics*, no. 2 (2014): 65–81 [In Russian].

Цыганков, А.П. Русская международная теория: три традиции. М.: Русайнс, 2018.

Tsygankov, Andrei P. *Russian International Theory: Three Traditions*. Moscow: RuScience, 2018 [In Russian].

Цыганков, А.П., Цыганков, П.А. Теория международных отношений в России: отчего не спешат появляться школы? // *Международные процессы*. 2003. Т. 1. № 3. С. 104–116.

Tsygankov, Andrei P., Tsygankov, Pavel A. "International Relations Theory in Russia: Why are schools slow to appear?" *International Trends*, no. 3 (2003): 104–116 [In Russian].

Цыганков, П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2007.

Tsygankov, Pavel A. *Theory of International Relations*. Moscow: Gardariki, 2007 [In Russian].

Шаклеина Т.А. Реалистическая школа: дебаты о мировом порядке и внешнеполитической стратегии современной России // *Вестник Московского ун-та*. Сер. 18. Социология и политология. 2004. № 1.

Shakleina, Tatyana A. "The Realist School: Debates on World Order and the Foreign Policy Strategy of Modern Russia." *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 1 (2004) [In Russian].

Amelicheva, Mariya Y., Zubitska Lidya. "An Unending Quest for Russia's Place in the World: The Discursive Co-evolution of the Study and Practice of International Relations in Russia." *New Perspectives. Interdisciplinary Journal of Central & East European Politics and International Relations*, no. 1 (2016): 19–51. <https://doi.org/10.1177/2336825X1602400102>.

Bates, Robert H. "Area Studies and the Discipline: A Useful Controversy?" *PS: Political Science and Politics*, no. 2 (1997): 166–169.

Bischof, Jonathan M., Airolidi, Edoardo M. "Summarizing topical content with word frequency and exclusivity." In *Proceedings of the International Conference on Machine Learning* (2012): 1–8.

Lebedeva, Marina M. "International Relations Studies in the USSR/Russia: Is There a Russian National School?" *Global Society*, no. 3 (2004): 263–278.

Light, M. *Marxism and Soviet International Relations*. London: Wheatsheaf Books, 1988.

Lynch, A. *The Soviet Study of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Makarychev, A., Morozov, V. "Is 'Non-Western Theory' Possible? The Idea of Multipolarity and the Trap of Epistemological Relativism in Russian IR." *International Studies Review*, no. 3 (2013): 328–350.

Mimno, D., Wallach, Hanna M., Talley E., Leenders M., McCallum, A. "Optimizing semantic coherence in topic models." In *Proceedings of the Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, Association for Computational Linguistics. Chicago (2011): 262–272.

Roberts, Margaret E., Stewart, Brandon M., Tingley D., Lucas C., Leder-Luis J., Gadarian, Shana K., Albertson B., Rand, David G. (2014). "Structural topic models for open ended survey responses." *American Journal of Political Science*, no. 4 (2014): 1064–1082.

Roberts, Margaret E., Stewart, Marta M., Tingley D., Airodli Edoardo M. "The structural topic model and applied social science." *Advances in neural information processing systems workshop on topic models: computation, application, and evaluation*, no. 1 (2013): 1–20.

Shakleyina, Tatyana A., Bogaturov Aleksei D. "The Russian Realist School of International Relations." *Communist and Post-Communist Studies*, no. 1 (2004): 37–51.

Taddy, Matthew A. "On Estimation and Selection for Topic Models." *Proceedings of the 15th International Conference on Artificial Intelligence and Statistics (AISTATS)*, La Palma, Canary Islands. Volume XX of JMLR:W&CP XX (2012): 1184–1193.

Tsygankov, Andrey P., Tsygankov, Pavel A. "National Ideology and IR Theory: Three Reincarnations of the 'Russian Idea'." *European Journal of International Relations*, no. 4 (2010): 663–686.

Tsygankov, Andrey P., Tsygankov, Pavel A. "New Directions in Russian International Studies: Pluralism, Westernization, and Isolationism." *Communist and Post-Communist Studies*, no. 1 (2003): 101–127.

Tsygankov, Andrey P., Tsygankov, Pavel A. "Russian IR Theory: The Crisis of Global-Pluralist Discipline." *European Review of International Studies*, no. 2 (2014): 92–106.

Tsygankov, Andrey P. *Whose World Order? Russia's Perception of Western Ideas after the Cold War*. Notre Dame: University Press of Notre Dame, 2003.

Tsygankov, Andrey P., Tsygankov, Pavel A. "A Sociology of Dependence in International Relations Theory. A Case of Russian Liberal Theory." *International Political Sociology*, no. 1 (2007): 307–324.

Tsygankov, Pavel A., Tsygankov, Andrey P. "Dilemmas and Promises of Russian Liberalism." *Communist and Post-Communist Studies*, no. 1 (2004): 53–70.

Tsygankov, Pavel A., Tsygankov, Andrey P. "Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates." *International Studies Review*, no. 4 (2008): 762–775.

Authors

Ivan S. Khludov,

Junior research fellow, Laboratory of Regional Studies,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: i.khludov@inno.mgimo.ru

Vasily V. Vinogradov,

Lecturer, Department of Applied International Analysis,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: v.vinogradov@inno.mgimo.ru

Nikita Ya. Neklyudov,

PhD (Polit. Sci.), Lecturer, Department of Applied International Analysis,
MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

Additional information

Received: May 4, 2024. Revised: June 6, 2024. Accepted: June 17, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Acknowledgments

We extend our deepest gratitude to Daria Zhabina, Dr. Julia Melnikova, and Dr. Igor Istomin for participating in our brainstorming sessions.

For citation

Khudov, Ivan, Vasily Vinogradov, and Neklyudov Nikita. "Mapping Russian International Relations: A Topic Modelling Approach." *Journal of International Analytics* 15, no. 2 (2024): 163–184.

Тематическое моделирование российских международно-политических исследований

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается состояние российской науки в области международных отношений (МО). Настоящее исследование представляет собой количественный анализ тематических тенденций в российских публикациях по МО с опорой на библиографическую базу данных *OpenAlex*. Авторы применили структурное тематическое моделирование к корпусу из 13 705 статей в период с 1 января 2000 по май 2024 года. Методологическая точность была обеспечена при помощи стандартизации языка, предварительной обработки текста и исключения из корпуса нерелевантных текстов. В литературе по российской школе МО акцент, как правило, сделан на типологизации ее представителей, прескриптивных рекомендациях и описании ее развития. Вместе с тем авторы выявили ряд особенностей, которые практически не рассматривались в предыдущих исследованиях. Наследие советской эпохи сохраняется скорее в тематической, нежели парадигмальной, плоскости. Широко представлены проблемы развития: заметен акцент на изучении неравенства и справедливости в различных их проявлениях. Системный подход остается доминирующим, частично перекликаясь с региональными исследованиями. Даже в классических описательных работах, посвященных двусторонним отношениям или региональной динамике, предпринимается попытка вписать полученные выводы в глобальный контекст мировой политики. Традиционное внимание к российской внешней политике и роли Москвы в международной системе связано с ее статусом великой державы. Если в начале XXI в. российских ученых волновали скорее вопросы идентичности, то впоследствии внимание было направлено скорее на способы укрепления этого статуса. Европа, в отличие от других регионов, по-прежнему занимает важнейшее место в российских исследованиях. Примечательно, что темы образования и культуры чаще встречаются в работах по МО, чем темы конфликтов, стратегии и национальной безопасности. Впрочем, на эту тенденцию также могут влиять особенности анализируемых данных или индексация *OpenAlex*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международные отношения в России, теория международных отношений, научная школа, тематическое моделирование, топики

Сведения об авторах

Иван Сергеевич Хлудов,

младший научный сотрудник Лаборатории регионоведения

МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: i.khludov@inno.mgimo.ru

Василий Валерьевич Виноградов,

преподаватель Кафедры прикладного анализа международных проблем

МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: v.vinogradov@inno.mgimo.ru

Никита Яковлевич Неклюдов,

к. полит. н., преподаватель Кафедры прикладного анализа международных проблем

МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 4 мая 2024.

Переработана: 6 июня 2024.

Принята к публикации: 17 июня 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Благодарности

Авторы благодарят коллектив Кафедры ПАМП МГИМО МИД России,

в частности Дарью Жабину, Юлию Мельникову и Игоря Истомина,

за участие в обсуждениях замысла статьи

Цитирование

Хлудов, И.С., Виноградов, В.В., Неклюдов, Н.Я. Тематическое моделирование российских международно-политических исследований // Международная аналитика. 2024.

Том 15. № 2. С. 163–184.

**Ушел из жизни
Павел Борисович Паршин**

15 августа на 69-м году ушел из жизни Павел Борисович Паршин, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения политических элит ИМИ, доцент Кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ, заслуженный профессор МГЛУ.

В 1978 г. Павел Борисович окончил Отделение структурной и прикладной лингвистики Филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Там же в 1988 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Сопоставительное выделение как коммуникативная категория». В сфере его научных интересов были лингвистическая семантика и прагматика; коммуникативные технологии; социальная семиотика; история и теория лингвистики; теория речевого воздействия, методы описания политического дискурса; научная политика.

По окончании университета П.Б. Паршин работал в МГИМО, в Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа в области международных отношений. Входил в возглавлявшуюся Виктором Михайловичем Сергеевым междисциплинарную группу, в которой взаимодействовали психологи, лингвисты, математики и экономисты.

В 1987 г. вместе с В.М. Сергеевым перешел в Институт США и Канады АН СССР, в 1991 – в Аналитический центр АН СССР. В 1993–1998 гг. работал в Аналитическом центре по научной и промышленной политике Министерства науки и технологий РФ. В 1998 – возвратился в МГИМО, в Центр международных исследований, который наследовал Проблемной лаборатории (с 2009 г. – Институт международных исследований).

Павел Борисович по своим научным воззрениям принадлежит школе профессора Владимира Андреевича Звегинцева, одного из вдохновляющих теоретиков структуралистского и отчасти постструктуралистского подхода к языку. Как и В.А. Звегинцеву, П.Б. Паршину был присущ плодотворный энциклопедизм и стереоскопическое видение явлений языка и общества. Теория вариативной интерпретации действительности как средства воздействия на сознание, основные положения которой были им сформулированы в 80-х гг. XX в., предвосхитила современные исследования в этой области.

Автор и соавтор монографий и словарей:

Паршин П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. М.: МГИМО, 2020. 285 с.

Паршин П.Б. Территория как бренд: маркетинговая метафора, идентичность и конкуренция. М.: МГИМО, 2015. 195 с.

Пирогова Ю.К., Баранов А.Н., Паршин П.Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М., 2000. 270 с.

Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., Паршин П.Б., Романова О.И. Т. 1. М., 1996. 642 с. Т. 2. М., 2001. 288 с.

Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., Паршин П.Б., Романова О.И. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2002. 623с.

Перу П.Б. Паршина принадлежит ставшая классической статья «Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике 20 века» (Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 19-42).

Под его руководством защищены две кандидатские диссертации.

Павел Борисович трепетно относился к текстам, которые ему доводилось готовить, в том числе и тематически далеким от собственных научных интересов. Перечень его аналитических записок последних лет свидетельствует о способности дойти до сути самых разных теоретических и практических проблем:

- Перспективы развития энергетического сотрудничества в АТР: инициатива «большого энергетического кольца» и роль ЭСКАТО (в соавторстве с В.Ф. Артюшкиным);
- Подходы и особенности использования «мягкой силы» крупными державами Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) в отношениях с соседями по региону;
- Концепция «Алтайской цивилизации» как противовес пантюркизму;
- Принцип добровольного, предварительного и осознанного согласия коренных народов в международном праве и практике (общий обзор современного понимания и толкования, методология его осуществления);
- Развитие ситуации в Венесуэле в условиях политического и санкционного давления извне на правительство Н. Мадуро. Роль экономического фактора в урегулировании политического кризиса;
- Научная терминология в современной политической риторике;
- Применение обычаев и традиций коренных народов в правовой системе России и зарубежных стран: теоретический анализ и практика;
- Эволюция феномена дезинформации и его трансформация в политическом дискурсе (в соавторстве с К.Е. Петровым);
- Явные и неявные инструменты и механизмы речевого воздействия во внешнеполитическом дискурсе.

Многие годы Павел Борисович являлся членом редколлегии журнала «Международная аналитика». Особая его заслуга в том, что в непростые для этого издания годы журнал все же был сохранен, продолжал выходить и, наконец, в 2020 г. был реорганизован, обретя современные облик и содержание.

Выражаем глубокие соболезнования семье и близким Павла Борисовича. Его уроки научного поиска сохраняются в исследовательском арсенале коллег по МГИМО.

Институт международных исследований

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее свежие по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСты, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаданных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции..

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б. Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно:

в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777; по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2024. – 15(2). – С. 1-186.

Подписано к печати: 25.06.24.

Формат: 108х70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 11,625. Тираж 200 экземпляров. Заказ 1143.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.